

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 38 СЕНТЯБРЬ 1980

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

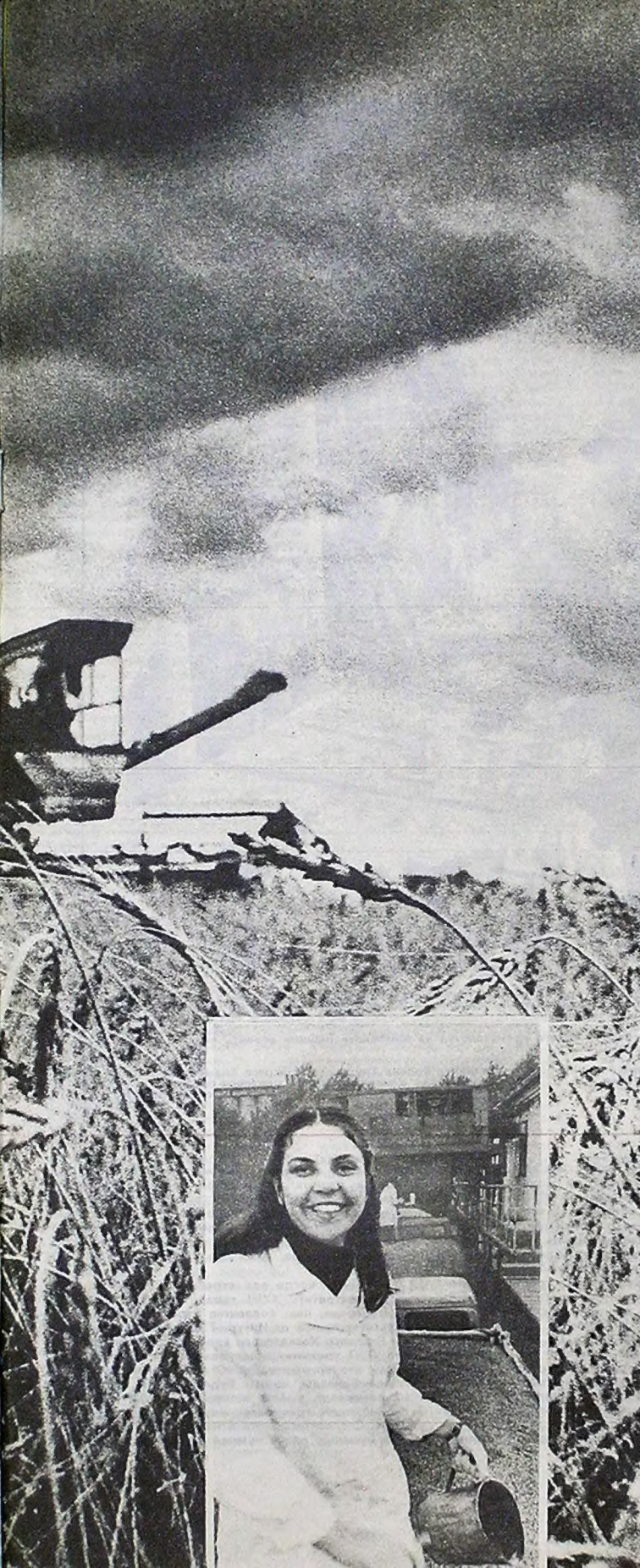
1923 года

№ 38 (2775)

20 СЕНТЯБРЯ 1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонёк», 1980

СОРЕВНОВАНИЕ

Георгий РОЗОВ,
фото автора

Директор совхоза «Вперед», Бийского района, Алтайского края, Алексей Прокопьевич Вережкин — тридцатитысячник. В пятьдесят пятом году работал он инструктором райкома партии. Предложение стать председателем колхоза круто изменило всю его жизнь. Впрочем, Алексей Прокопьевич об этом вовсе не жалеет.

— А что жалеть? — говорит он. — Я ведь под копной родился. Был такой факт. И вручную косил и на лобогрейках. На быках сено возил, работал комбайнером и трактористом. Так что к сельской жизни мне не надо было приспосабливаться.

Алексей Прокопьевич говорит быстро, увлеченно:

— Всего у нас в совхозе на уборке работают шесть звеньев. Так вот, два из них убирают по тридцать процентов всего урожая, а четыре — остальное. Выходит, по десять процентов на звено. Почему так получилось? Сейчас объясню.

Есть у нас отличный механизатор. Алексей Иванович Пузанов. Мужик в самой поре — сорок четыре года. Четырнадцать лет подряд ходил он в лучших комбайнерах. Привык, конечно. А лет шесть назад прикрепили к нам шефов — Бийскую автотранспортную лесозаготовительную контору.

Вот с тех пор и кончилась у Пузанова спокойная жизнь. Директор Бийской конторы Дмитрий Иванович Ненашев настоящим шефом оказался, неформальным. Поехал я к нему. Говорю: комбайны у меня простаивают, потому что работать некому. Нет ли, говорю, у вас ребят подходящих. Он подыскал трех молодых шоферов. Ребята сельские, комбайны знают. Так и образовалось в совхозе городское уборочное звено. В первый же год ребята второе место заняли. А на следующий Пузанова обошли. Мужик сам не свой ходил. Я с тех пор оба эти звена всегда на одно поле ставлю. Вот они все время на соседей и поглядывают: уступать никому не хочется. В уборку несколько дней ударными объявляем. Что-то вроде конкурса на лучшего по профессии получается. А Жданов и Пузанов, вне конкуренции. От этого соперничества совхозу прямая выгода. Раньше мы убирали зерновые за сорок дней, а теперь за двадцать пять управляемся.

Пока мы были у Валерия Жданова и двух его партнеров по звену — Валерия и Алексея Воробьевых, пузановцы перебрались на новое поле. Жданов потом то и дело поглядывал куда-то за лесополосу, где Пузанов уже, небось, бункера два набрал.

— Ну, мы пойдем? — после короткого перерыва спрашивает Валерий. Механизаторы лихо разворачивают комбайны и, поднимая клубы пыли, гонят их вслед за пузановскими. Не ждет соперник, не ждет хлеб. Уборка на Алтае заканчивается.

Звеньевой Валерий Жданов.

Хороший хлеб принимает техник-лаборант Бийского элеватора Вера Кизерева.

ШАГАЕМ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВАЛЫ

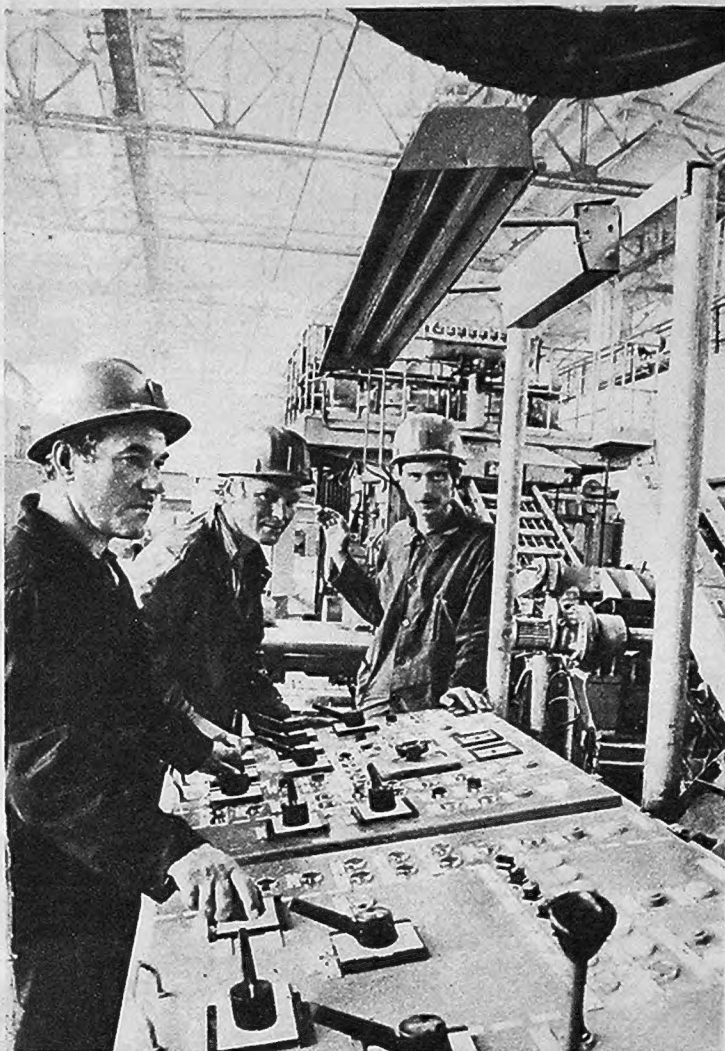
Сико ЗОТИКАШВИЛИ,
бригадир механизированной колонны
треста «Кавказэлектросетьстрой»

Родился я в горном селении Ананури, что на Военно-Грузинской дороге. С детства приучен к горам, могу с ними ладить, могу, если нужно, и перехитрить их. А это бывает необходимо в нашей работе. Мы строим высоковольтные электрические сети по всему Кавказу. В низинах все уже, кажется, сделано, а вот в горах еще много дел. За двадцать два года моей работы в «Кавказэлектросетьстрое» их не убавилось. Стали много строить для промышленности, сельского хозяйства, для научных целей. Не обойтись ведь без электрификации.

В нашем тресте около сотни бригад таких, как наша. Одни ставят опоры, другие тянут провода, третьи сооружают подстанции. Мы — опорщики. 1976 год начали на северных склонах Кавказского хребта, в Ставропольском крае, — ставили опоры от Невинномыска в сторону Черкесска и выше. Там, в горах, возникло новое промышленное предприятие, для которого потребовались новые мощности и, следовательно, линия более высокого напряжения. В Карачаево-Черкесской автономной области для обсерватории была построена научная площадка — ей тоже понадобилась энергия. Тем временем в Грузии, на реке Ингури, гидроэнергетики готовились получить первые киловатты электроэнергии. Нужно было поспеть вовремя, чтоб к пуску агрегатов электрическая река потекла туда, где ее ждут. Наша бригада вместе с другими перебазировалась в Западную Грузию и начала ставить опоры 500-киловольтной линии от ущелья Ингури до города Зестафони, чтобы соединить ГЭС с Закавказским энергокольцом.

В следующем году мы уже в Азербайджане, ставим опоры на стокилометровой трассе от Шеки до Закатал. Потом снова «перепрыгиваем» через Главный хребет в Кабардино-Балкарию на ЛЭП Прохладный — Баксан. Прошлый год выдался очень трудным, хотя мы и работали недалеко от дома, в грузинских горах. Опоры ставили вдоль берегов Арагви. Только закончили, как небывалый паводок затопил горное ущелье. Несколько опор пришлось восстанавливать, а это труднее, чем ставить новые. Но все-таки высокогорная Хевсуретия получила электроэнергию.

Через некоторое время мы уже вели небольшую линию в горное село Бошур и к колхозным животноводческим фермам. Никогда не забуду установку одной очень трудной и тяжелой опоры на крутых скалах. Пришлось вызывать на выручку Яшу Новикова с его бригадой. Ведь металлическую опору 25-метровой высоты к нам подвозят в пакетах, ее необходимо на месте собрать и с помощью трактора и тросов установить вертикально. А тут нет ни одного ровного участка земли, ни одной площадки, где можно было бы собрать опору. Давно забыли, как работали вручную, а тут пришлось...

На Балхашском ордена Ленина горно-металлургическом комбинате в эти дни большая радость: выдал свою первую продукцию новый прокатный цех. Он оснащен современным автоматизированным оборудованием, которое изготовлено в братской Чехословакии.

Первую очередь нового производства на комбинате решили освоить ко дню открытия XXVI съезда КПСС.

На снимке: вальцовщики кавалер ордена Трудового Красного Знамени А. Г. Козлов, В. В. Кинтоп и А. С. Уткин участвовали в выдаче первого цветного проката. Фото В. Зыбина (ТАСС)

Работа в малодоступных местах в любое время года, в любую погоду сделала нас специалистами по строительству ЛЭП в горных условиях. А горы в нашей стране не только на Кавказе. И нередко, когда где-нибудь далеко от Кавказа надо выполнить сложные горные работы, обращаются к нашим инженерам и рабочим, накопившим богатый опыт за тридцать пять лет существования треста. По итогам Всесоюзного социалистического соревнования за прошлый год мы удостоились переходящего Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Коллектив нашего треста выполнил свое пятилетнее задание к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, обязался сверх плана к 7 ноября построить еще 800 километров ЛЭП и дать дополнительные трансформаторные мощности.

...Путешествуя с места на место, из одной

республики в другую, мы много общаемся с людьми разных народностей нашей страны, видим их жизнь, участвуем в осуществлении их планов. Это очень радостно — доставлять людям электроэнергию, видеть, как начинают работать техника на заводах и рудниках, включается аппаратура, ярко вспыхивает свет в домах...

А сейчас, когда вся страна готовится достойно встретить XXVI съезд Коммунистической партии, наш коллектив строит 500-киловольтную линию от Ингури-ГЭС через перевалы Главного Кавказского хребта в Ставрополь. Эта ЛЭП соединит общекавказскую энергосистему с энергосистемой Юга. А что касается нашей бригады, то мы будем ставить опоры на перевалах, высота которых достигает двух с половиной, трех тысяч метров над уровнем моря. Согласитесь, хоть и нелегкая, но красивая, мужская, очень нужная у нас профессия.

ИСТОКИ КАЧЕСТВА

Е. ДЕВЯТИСИЛЬНЫЙ,
ЭКОНОМИСТ

ПРЕДСЕЗДОВСКИЕ
РАЗДУМЬЯ

Известно, что делный экономист вместо общих тезисов и фраз сядет за изучение цифр и фактов и скажет: ошибка там-то, исправить ее надо так-то... Эта мысль В. И. Ленина — лучшее руководство для людей моей профессии, в частности, для экономистов-аграрников.

Никогда прежде вопросы экономики не стояли так остро, во всей своей определенности перед непосредственными исполнителями каждодневных производственных заданий, перед трудящимися всех профессий и самого разного уровня образованности. Глубоко личными стали вопросы качества и прежде всего качества работы.

Говоря о нашем сельском хозяйстве, товарищ Л. И. Брежнев сказал в речи на ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Пожалуй, мало найдется таких отраслей, где конечные результаты в такой степени зависели бы от качества».

Нам, экономистам, по душе этот красноречивый камень экономики! Именно от качества продукции зависят и ее реализация, и прибыль, и эффективность хозяйства, и себестоимость. То есть все те важнейшие экономические категории, которые впервые у нас закрепились конституционно. Интенсификация — главное слабое звено формулы экономического развития, и ей вот уже более пятнадцати лет подчинены все усилия грамотных, неравнодушных к делу хозяйственников. Во имя интенсификации были отпущены немалые государственные средства на всемерное укрепление материально-технической базы нашего сельского хозяйства, на механизацию и химизацию, на реконструкцию животноводства, создание новых промышленных комплексов для производства молока и мяса. После такого мощного направленного потока капитала в строительство — дело за собственно хозяйством, за экономистами хозяйства, которые должны повседневной вести все отрасли к прибыли.

Качество — категория экономическая. Вот бы всем усвоить эту истину. Качество наиболее тесно связывает личную заинтересованность пахаря, селянина, доярки, оператора откормочного комплекса с интересом хозяйства. И, конечно, с интересом государства. Об этом говорилось в докладе товарища Л. И. Брежнева на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС. Следует подумать и об усилении связи материального поощрения рабочих совхозов, колхозников с результатами их труда, эффективным использованием производственных фондов и материальных ресурсов.

Вызывая интерес к труду прибыльному, поощряя труд эффективный, многие хозяйства неузнаваемо изменили свое экономическое лицо. Поднялись и новые центральные усадьбы, частью многоэтажные, новые административно-торговые центры в селах, проложены новые дороги, на полях

новая техника. Сказывается умелая организация аграрно-промышленных комплексов по отраслям. И даже создание единых аграрно-промышленных объединений в рамках района. «Огонек» подробно рассказывал, например, об изменениях районной экономики и о создании РАПО в Талсах (Латвия).

Известно, что эти качественные изменения в сельской экономике привели к тому, что среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства только за первую половину пятилетия вырос на 6,6 процента по сравнению с тем же показателем в девятой пятилетке.

Естественно задать вопрос: есть ли еще резервы для повышения эффективности и качества сельскохозяйственного производства? И другой: так ли уж прочно, как того требует жизнь, узаваны интересы общегосударственные и личные?

Возьмем зерно, в частности, его хранение и переработку. Зерно — всему голова! Так повелось исторически. Но время внесло поправку «на качество»: не в всякое зерно. Вот ведь чем отличается день нынешний от дня минувшего. Оставим в стороне проблемы селекции злаковых. Меня как экономиста волнует другое — где и как в колхозе или совхозе отражается качество зерна? Мы знаем одно: вал зернового производства. И не всегда отдаем себе отчет, сколько в хозяйстве зерна такого качества, которым можно распорядиться как высокотоварным; сколько у нас зерна, которое можно перерабатывать, скормить скоту. Ведь бункерный вес (пресловутый вал) включает еще и так называемые «мертвые» отходы. А мертвые отходы не пустяк, их на практике набирается немало. Например, за 1971—1979 годы в хозяйствах только нашего Истринского района неиспользуемые отходы составили в среднем три центнера на каждом гектаре зерновых. Был я несколько раз на Алтае, и там те же отходы составили около центнера на гектаре. Есть центнер хлеба, и нет его.

Почему бы не учитывать зерно в хозяйствах по ГОСТам? Так, как его принимает государство. Государство ведь принимает зерно товарное, реальное. Тогда сразу ясно стало бы, какое хозяйство, какая бригада, кто именно из комбайнеров дает полноценное зерно, а кто с «привесом» для рекорда. А так приходится слышать рассуждения вполне «грамотные»: нет отчетности — нет и учета, на нет и суда нет...

Раз качество зерна выпадает из определения эффективности отрасли, значит, оно выпадает из категории экономической. А это противоречит духу времени, экономике как науке.

Есть еще одно любопытное наблюдение.

У нас в «Снегирях» — экспериментальном хозяйстве, где я работаю, — создана породная группа небывалых коров — гибридных

жирномолочный скот. Жирность молока тут давно достигла четырех с половиной процентов. Очень хорошее молоко. Каждый центнер такого молока принимается государством за 1,3 центнера молока установленного стандарта. Получается, что хозяйство за счет качества молока, за счет жирности добилось резкого увеличения в валового производства молока.

Но в том-то и дело, что не только вал перекрыт, у нас и само по себе молоко особое. Не просто жирное, оно отличается от стандарта и высоким содержанием белка и другими выдающимися компонентами.

И что же? Существующие сопоставимые цены не учитывают всего этого. Не учитывают самого главного в труде селекционеров, доярок, кормовой бригады, то есть не учитывают качества. До сих пор, как ни странно, сопоставимая цена одина для любого «стандарта».

Государство, напротив, принимает молоко строго по ГОСТам, которые учитывают содержание жира, кислотности, температуру (правда, до учета белка и тут руки не дошли). Хозяйство же, как нерадивая жница, само себя бьет, что нечисто жнет (по карману своих тружеников). Бьет себя за то, что до сих пор не ввело в отчетность показателей качества. Дашь, мол, «вес в натуре», и никаких гвоздей. И потому-то хозяйство-производитель не несет ответственности за низкое качество молока и не поощряется за высокое. Правда, труд самих доярок оплачивается с учетом сортности молока.

Вот я и думаю, не пора ли ГОСТы товарной продукции распространить на всю валовую продукцию сельского хозяйства? Не забыв при этом внести изменения в положения о премировании руководителей и специалистов хозяйства.

А пока колхозы и совхозы, как указал на ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, не стимулируются в достаточной мере к борьбе за высокое качество продукции, ее сохранность. И далее товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул: «Видимо, назрел вопрос о совершенствовании таких стимулов — и материальных, и моральных. Плановые показатели, а также цены должны в гораздо большей степени определяться качеством».

Сейчас отделения Госбанка принимают от хозяйства расчеты на получение дополнительного фонда зарплаты и премий, по сути, не требуя указать в них качественные показатели: инструкциями не предусмотрено! Получается же часто, что в таких расчетах по валу сплошь перевыполнение, а вот о качестве продукции — ни одной цифры. Такая бытующая недосказанность «на счет качества» ведет к тому, что тот, кто работает хуже, оказывается в лучшем положении. Он даже побеждает в соревновании тех, кто может

быть, и выдал на-гора меньше, зато обеспечил население продуктами высшей категории.

Установление единых ГОСТов на основные виды сельскохозяйственной продукции имело бы прямую связь с материальной заинтересованностью отдельных исполнителей и хозяйства в целом.

Но на практике слаба, слишком слаба заинтересованность тружеников села и в природе самой валовой продукции. Снова обратимся к хозяйствам Истринского района. Средний надой в минувшем году составил чуть больше трех тысяч восьмисот килограммов на корову при хорошей жирности. А что же за средним показателем? Надой колеблется от трех до пяти с половиной тысяч килограммов на корову и более. Разговор этот к тому, что существующая уравниловка в премировании поставила передовые хозяйства и передовых доярок с заметно лучшими показателями в сложное положение. Любому человеку ясно, что преодолеть много раз планку на высоте два метра тридцать сантиметров прыгну труднее (и почетнее), чем тому, кто однажды поднял ее с высоты два метра двадцать еще на пять сантиметров. Доярке, добившейся рекордных надоев еще в прошлой пятилетке, куда труднее, чем той, что подняла надой недавно, причесть от «достигнутого уровня» в три тысячи килограммов. Спасибо всем, кто стал работать лучше, но более щедро надо премировать за долговременные успехи, за труд более стабильный в течение многих лет. И зарабатывать специалисты, труженики хозяйства с миллионным и более доходом, естественно, будут больше, чем те, у кого рентабельность отрасли и прибыль заметно ниже. Так было бы только справедливо. И тогда бы районные планы и обязательства будут болеть не одно-два «вечных маяка», но все хозяйства района.

Куда справедливее было бы, чтобы размер премии возрастал в зависимости от уровня средних надоев, например, лет за десять. Это поставит хозяйства в разные условия стимулирования. А то чересчур много середнячков, успевших на «достигнутом уровне», они вытесняют себе планы пониже: «Нам ли, дескать, тягаться с передовиками? А передовики? Хозяйства, развившие мощную экономику, оторвавшиеся далеко вперед, оказались в положении, когда прирост вала резко снизился. И сразу снизились все виды материального поощрения. Вроде бы работать на высоком уровне уже и не выгодно...

Экономика, хозрасчет с таким положением мириться не могут. Должно быть всегда выгодно работать хорошо, лучше. Еще лучше! Само собой разумеется, что тогда поднимется и авторитет плана, каждый раз превышающего уровень, достигнутый в среднем за достаточно долгий период.

С Первым секретарем ЦК Венгерской социалистической рабочей партии товарищем ЯНОШЕМ КАДАРОМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Новелла ИВАНОВА.

— Алло, «Огонек», ответьте Будапешту, соединяю... Короткий щелчок, и помощник Первого секретаря ЦК ВСРП сообщает долгожданное известие: товарищ Янош Кадар встретится с корреспондентом «Огонька» в конце следующей недели.

Пять лет назад мы, группа журналистов «Огонька», две недели провели в Венгрии, подготавливая специальный номер журнала, посвященный 30-й годовщине освобождения страны от фашизма. Нам посчастливилось встретиться с товарищем Кадаром. Он заинтересованно расспрашивал нас, в каких городах мы были, что увидели, с кем встречались. Узнав, что собираемся на пуск нового крупного объекта венгерской индустрии — олефинового комплекса Тисайского химического комбината, он сказал: «Мы в Венгрии очень гордимся дружбой с советскими людьми и очень бережно относимся к развитию самых разнообразных контактов между нашими странами — от встреч на высшем уровне до поездок дружбы», которые тысячам и сотням тысяч людей дают возможность подружиться».

Беседовать с Яношем Кадаром было приятно оттого, что он удивительно прост в обращении, и еще оттого, что любит он шутку.

И вот новая встреча. Готовясь к ней, я перелистала свои рабочие блокноты, сравнивая впечатления 1975 года с теми, что появились нынешней весной, когда вместе с фотожурналистом Александром Негралыном и сотрудником журнала-побратима «Орсаг-вилла» Йожефом Лукачем

проехали по Венгрии полторы тысячи километров, побывав на местах минувших сражений за свободу этой страны. Наш путь начался от села Баттоня, которое первым встретило советских воинов-освободителей, и завершился в маленькой деревушке Немешмедвеш, на границе с Австрией, где навечно встал на постамент советский танк Т-34 с пробитой броней.

Две встречи с Венгрией, разделенные интервалом в пять лет. Казалось бы, срок не такой уж большой для сравнений, но они noticeably возникали.

...Пять лет назад Пакш был обыкновенным селом в 115 километрах от Будапешта. Теперь это город. И не просто новый город, а первый атомный город в стране. Венгрия заключила межправительственное соглашение с СССР о сооружении четырех атомных реакторов-блоков мощностью по 440 мегаватт каждый. Проекты разработали советские специалисты, — мы их встретили в кабинете уполномоченного правительства по строительству Шандора Бараня. Заинтересовавшись рабочей биографией Шандора, мы узнали, что в строительной промышленности он работает 23 года и принимал участие в сооружении семи самых крупных предприятий страны. Спросили о его родителях. Отец делал крестьянские повозки, после освобождения страны вступил в кооператив. В доме росло четверо ребят. Первый в семье университетский диплом был его, Шандора. Ну как тут уйти от сравнения! Отец мастерил повозки, а сын строит венгерскую атомную электростанцию!

...Древний Секешфехервар сегодня называют «городом электроники». На предприятии «Видеотон» мы познакомились с руководителем Шандора Бараня, директором завода вычислительной техники Яношем Кажмером. Ему, де-

легату XII съезда партии, об очень многом говорит цифра, приведенная в отчетном докладе: за эти пять лет промышленное производство страны выросло на 24—25 процентов. За четверть века он прошел на «Видеотоне» все ступеньки от техника до директора. Когда-то был одним из девяти дипломированных инженеров на весь завод. Теперь здесь больше тысячи специалистов только по вычислительной технике.

Сравните — девять и тысяча! Рассказ директора избобилал подобными сравнениями. Например, десять лет назад Венгрия вычислительной техники не производила. А теперь «Видеотон» выпускает продукции на миллиарды форинтов. Приход. Да еще какой! Он был бы невозможен без сотрудничества в этой области с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Да, тому, кто побывает в Венгрии, трудно представить себе, что всего несколько десятилетий назад это государство было принято называть страной «трех миллионов нищих». Данные социологических исследований жизни венгерского общества в 30-е годы свидетельствуют: лишь одна пятая часть девятимиллионного населения страны была занята в промышленности, в основном в небольших кустарных мастерских, а большинство жило сельскохозяйственным трудом. Но что это была за жизнь! В южной части Затисского края, например, более одной трети населения завтракало только хлебом с луком или... совсем не завтракало.

В полной мере окупить масштабы перемен могут представители того поколения, которое стало свидетелем и участником самого крупного поворота в венгерской истории. Жизнь Яноша Кадара, видного деятеля международного коммунистического движения, испытанного руководителя венгерских коммунистов, прошедшего большой путь от рабочего, коммуниста-подпольщика до виднейшего руководителя партии, страны, неотделима от жизни и судьбы его родины. Вот почему я решила попросить его ответить на несколько биографических, «личных» вопросов, хотя и слышала о том, что этой теме товарищ Кадар касается крайне редко и очень неохотно.

...Будапешт. 10 июля 1980 года. Время — 16.00. Вместе с корреспондентом «Орсаг-вилла» Йожефом Лукачем подъезжаем к зданию ЦК ВСРП на набережной Дуная. Нас проводят на второй этаж, в уже знакомую мне по прошлому визиту приемную. Все стены этой комнаты занимают сплошные ряды книг: на венгерском, русском, английском, французском, немецком языках. Помощник товарища Кадара, энергичная, собранная и вместе с тем удивительно женственная Надя Барта сразу же заговорила о предстоящей встрече, предупредила, что на беседу отведено два часа. В ее руках несколько фотографий, сделанных в канун отъезда венгерских спортсменов на Олимпийские игры во время посещения то-

варищем Кадаром спортивного лагеря. Мне понравился один из снимков, и я спрашивала, нельзя ли получить его. Барта не успела ответить — открылась дверь кабинета, и на пороге появился Янош Кадар: широкоплечий, в строгом темно-сером костюме и, как мне показалось, помолодевший со времени нашей последней встречи. Он поглядывал с нами и, увидев фотографии, улыбнулся.

— Наши олимпийцы. Мы поседовали перед их отъездом в Москву, и я сказал: старайтесь, ребята, выиграть, помните, что спортивные победы придают блеск нашей Венгрии!

— А за какой вид спорта вы будете «болеть»?

— Болельщик я очень постоянный — всю жизнь увлекаюсь шахматами. Это мой любимый вид спорта.

Пригласив нас за длинный стол, стоящий вдоль стены, на которой висит большая карта Венгрии, хозяин кабинета неторопливо усаживается рядом и чуть глуховатым голосом произносит:

— Я рад приветствовать журнал «Огонек». Но прежде чем наша беседа начнется, давайте уточним, что конкретно вас интересует. То есть в какую лодку мы садимся.

Объясню, почему решила обратиться к жизни Яноша Кадара, и заканчиваю вопросом:

— Вашему поколению довелось жить на стыке двух эпох. Вы видели старую, еще феодальную венгерскую деревню — ведь детство ваше прошло в небольшой деревушке. Интересно, какой осталась она в вашей памяти?

Янош Кадар неторопливо закуривает и после паузы начинает негромко:

— Вот вы спросили, и я вспомнил о том, что же я впервые увидел в жизни. Помню избу под соломенной крышей. Керосиновую лампу на столе. Помню себя, сидящего на мешке, набитом соломой. Какой-то человек с усами говорит мне — это было вечером: «Яни, скажи: «Господь мой Иисус!» И отправляйся спать». Человека с усами звали дядя Шандор, и я уважал его, как отца, потому что с младенчества жил в его доме...

Моя мать работала прислугой в Будапеште. Хозяйка, как известно, не любила прислугу с детьми, и пришлось матери временно отдать меня в деревню, в эту бедную семью. Мать бралась и за стирку и за уборку, стараясь хоть что-то заработать, чтобы послать деньги дяде Шандору. Это было больше шестидесяти лет тому назад, но я хорошо помню ту нищую деревню. Настоящая крыша была только на церкви, на сельской управе да еще на доме местного мелкого помещика. Остальные избы были крыты только соломой...

Очень бедные люди жили в деревне, а вся она была частью большого поместья какого-то богача. Собственной земли у крестьян почти не было. Летом они занимались на уборку к помещику, а зимой рубили лес. Я рос среди бедных людей и рано понял, что такое нужда, рано познакомился с крестьянской

ВСТРЕЧА С ТОВА

жизнью... Старик Шандор как меня учил! Вот помню такой случай. Мне было тогда пять лет. Как и остальные деревенские, дядя Шандор летом вставал заочно и отправлялся в поле. Детишки, такие малыши, как я, тоже шли в поле вместе со взрослыми. У нас были свои обязанности: носить воду для питья, помогать аязальщикам снопов — мы должны были заготавливать жгуты из соломой, которыми взрослые аязали снопы. Как-то на рассвете будит меня дядя Шандор и говорит: «Яни, скорее подымайся, мы уже опаздываем». А у меня нет сил открыть глаза, и я отвечаю: «Не хочу работать! Я спать хочу!» Он растолкал меня сильнее. «Послушай, малыш, ты должен хорошо запомнить, что бедному человеку всегда надо работать». И я это крепко запомнил! Много мудрых советов услышал я от этого человека. Я даже не знаю, умел ли он писать. Читает, кажется, умел, потому что выписывал газету... Ну, а чтобы он писал — я не видел никогда, хотя он учил меня важным истинам.

Янош Кадар улыбнулся своим воспоминаниям и вдруг, являя подражая кому-то, изменил голос, строго-поучительно произнес: «Ударить того, кто слабее тебя, стыдно», «Сам первым никогда не начинай драку, но если тебя ударили — не поддавайся!» И он весело, от души рассмеялся.

— Полезные советы, верно? Во всяком случае, я вспоминаю о них не только в детские годы. Люди, в семье которых я вырос, меня очень полюбили и хотели усыновить, но мать не согласилась и настояла, чтобы я пошел в городскую школу. И осенью 1918 года, когда мне исполнилось шесть лет, я попал в станицу.

— И с этого времени Будапешт вошел в вашу жизнь?

— Ну нет, это случилось не сразу. Несколько лет я чувствовал себя чужим в городе. Я не мог дожидаться лета, когда можно было уехать в деревню, где мне было дорого каждое деревце и каждый ручеек. И я благодарен судьбе, что вырос в тесной дружбе с природой. А Будапешт вначале меня испугал. Ведь до этого я только раз в жизни видел дом в два этажа. А тут были не только огромные дома, но были и такие чудеса, как электрические фонари, трамвай, автомобили и даже самолеты! Мать была женщиной необразованной и ничем не могла помочь мне в моей новой, будапештской жизни. С утра до ночи она стирала, убирала в чужих домах, чтобы прокормить нас с младшими братишкой. Мне приходилось не только ходить в школу, но помогать по дому — прибраться, накормить брата, сбега в магазин. До 14 лет я жил так: зимой учился в станице, а летом работал в деревне, помогая свинопасу и получая в оплату мук и сало. Таким образом я

смог окончить не только четыре класса начальной школы, но и четыре класса реального училища, что по тем временам было для таких бедняков, как я, большим достижением. Потом на три года поступил в ученики к ремесленнику и стал мастером по ремонту пишущих машинок.

Наша маленькая семья с нетерпением ждала того дня, когда же я получу наконец работу. Но едва я стал зарабатывать, как разразился экономический кризис, я оказался на бирже труда...

Вслушиваясь в эти слова, я пытался представить себе моего собеседника — тем семнадцатилетним парнем, который, хотя уже и жил в большом городе, в душе продолжал считать себя деревенским. Как же нашел этот юноша в те мрачные годы контрреволюционного режима путь к коммунизму, когда на них обрушился белый террор и люди боялись контактов с коммунистами, потому что знали — полиция сведет с ними счеты?

Я спросила об этом товарища Кадар.

— С раннего детства мне пришлось много трудиться и встречаться с разными людьми, — ответил он. — И я видел, что жить можно по-разному. Если я буду заискивать перед хозяином, если чаще буду целовать ручку его супруге и доносить на своего товарища-рабочего, меня хозяин подкормит, и жить будет легче.

Так жить я не хотел... Я хотел честно трудиться и честно зарабатывать, помогая семье. Но это оказалось невозможным: была страшная безработица. Вы только представьте себе — сорок процентов рабочих остались без работы! Мать моя тоже потеряла место, нас прогнали с квартиры, за которую нечем было заплатить.

Как же жить дальше? Я много, очень много размышлял об этом... Надо сказать, что на бирже труда, куда я ходил каждый день, очень толково действовали коммунисты-агитаторы, присматриваясь к таким, как я, парнишкам, размышляющим о жизни.

— Это была ваша самая первая встреча с коммунистами?

— Да, самая первая встреча, — раздумчиво произносит Янош Кадар. — И мне кажется, что уже тогда мать хотела вовлечь в нелегальную молодежную организацию. Однажды я получил адрес дома, куда я должен был прийти. Явился туда, но никто ко мне не вышел. Так и не поняв я, что же тогда произошло. Надо сказать, что в ту пору у меня было два увлечения: книги — я читал запоем все подряд, но особенно зачитывался Джеком Лондоном — и шахматы. Как-то в воскресенье приятель пригласил меня на соревнование юных шахматистов, которое устроил профсоюз рабочих-металлистов. Видно, среди организаторов турнира был коммунист, потому что первым призом оказалась... книга Энгельса «Анти-Дюринг». И я выиграл эту книгу! Конечно, сразу, залпом прочитал ее и... ничего не понял, хотя книга была на

моем родном языке. Я был упрямым парнем и весь год читал эту книгу, пока не начал кое-что соображать. И тогда я вспомнил одного друга детства, с которым вместе когда-то играл в футбол. До меня дошли слухи, что он стал коммунистом. Я отправился к нему домой и прямо бхнул с порога: «Я слышал, ты стал коммунистом! Это правда?» Он начал отпираться, тогда я сказал, что тоже хочу стать коммунистом, и объяснил, как я понял, что нам, рабочим, нужно бороться. Он посмотрел на меня внимательно и сказал: «Дай мне подумать». И в сентябре 1931 года назвал мне адрес, куда я должен прийти. Я хорошо помню, это было вечером в четверг, когда я попал на собрание нелегальной первичной организации Коммунистического Союза Молодежи. На этом собрании зачитали мое заявление и приняли в союз. Потом обсуждались два вопроса. Первый — о конспирации. Мне объяснили, что это такое. Когда же я спросил, что означает неизвестное слово, выяснилось, что никто из ребят толком не знает. Потом дома я порылся в словаре и в этом разоблачился. А вторым вопросом была международная информация. Секретарь ячейки, молоденькая девушка, начала свое сообщение так: «Международная обстановка сложная».

Улыбнувшись, Янош Кадар через паузу продолжил:

— Потом мне самому не раз приходилось начинать точно такими же словами свои доклады, и всякий раз я вспоминаю то, первое собрание.

На Будапештском судостроительном заводе ветеран коммунизма Ласло Эперьши рассказал мне, как в 30-е годы он вместе с другими молодыми рабочими ездил в одно село неподалеку от столицы. В избе находился Дом рабочего просвещения, где коммунисты проводили диспуты, читали доклады. Здесь впервые он увидел поэта Аттилу Йожефа, который читал стихотворение «Долой капитализм». И еще запомнилось, как интересно и горячо говорили о международной обстановке молодой светлоглазый секретарь Центрального Комитета нелегального Коммунистического Союза Молодежи, член партии Янош Кадар.

Я рассказываю об этой встрече товарищу Кадару. Он кивает головой.

— Да, так это и было! Нелегальная коммунистическая партия организовывала пролетариат, наиболее сознательных представителей бедного крестьянства и интеллигенции. Мы работали в союзе с левыми социал-демократами и в профсоюзах.

— Партия, очевидно, в те годы была малочисленна?

— Да, совсем небольшая, и я в связи с этим хочу коротко напомнить историю нашего рабочего движения. Как известно, Венгрия была второй после России страной, где победила пролетарская революция и в марте 1919 года была провозглашена Венгерская советская республика. А уже в августе республика была захвачена

на полчищами Антанты. Был восстановлен строй капиталистов и помещиков, и они ответили пролетариату белым террором. Представьте себе страну, где рабочий класс составлял 300 тысяч человек, из которых несколько десятков тысяч были убиты, а 100 тысяч (!) вынуждены эмигрировать. Рабочий класс был обезглавлен, понадобилось время, долгие годы, пока нелегальное движение набрало силу, и примерно в 30-е годы, когда я вступил в коммунистическое движение, оно только-только начинало укрепляться.

Надо помнить и другое важное обстоятельство: перепуганная венгерская буржуазия, получившая большой урок в 1919 году, научилась жестоко расправляться с коммунистами и с теми, кто им сочувствовал. Двадцатипятилетняя ночь жестокого фашистского режима привела к тому, что к людям поселился страх. Но партия жила! Партия боролась! Нас, коммунистов, было всего несколько десятков тысяч, причем две трети из них постоянно арестовывались, часть избивалась... Но на место погибших вставали новые борцы, хотя шипки и осведомители отлично знали свое дело. Буквально через полтора месяца после того, как меня приняли в Коммунистический Союз Молодежи, я был арестован. Полиция я был еще неизвестен, и меня вскоре выпустили, но ненадолго. Арестовали снова и уже на солидный срок... С того дня я уже никогда не смог больше работать по специальности, поскольку меня как коммуниста включили в «черный список». И потому, продолжая заниматься партийными делами, я брался за все, чтобы было на что жить, — был чернорабочим, строил дороги, сторожил склады... И так до мая 1942 года, когда после провала многих наших коммунистов было принято решение партии, чтобы я ушел в подполье. Как я уже сказал, партия никогда не складывала оружия. Она возглавляла борьбу Сопротивления силам фашизма. Оно росло и шло, началось после начала войны против Советского Союза, в период фашистской оккупации нашей родины и режима орд Салаша.

— Вы подошли к сорок пятому году... Все, с кем мы, огоньковцы, встретились этой весной во время путешествия по следам минувших сражений за свободу Венгрии, все наши собеседники начинали отсчет своей счастливой судьбы с незабываемого сорок пятого года и вспоминали свою самую первую встречу с советским человеком. В селе Баттоня, в одном крестьянском доме, нам показали в семейном альбоме фотографии двух советских офицеров, с которыми все эти годы идет оживленная переписка, и теперь уже дети, даже внуки этих семей подружились.

— Да, это правда, все мы ожидали Советскую Армию как свою освободительницу. Наш народ не хотел участвовать в войне против Страны Советов. Фашистский режим принудил людей участвовать в деле, которое им было не по

РИЦЕМ КАДАР

душе. Все понимали, что своими силами наш народ не сможет добиться свободы, и ждали помощи из Советского Союза. Я могу это утверждать с полным правом. О советской действительности люди мало что знали. В печати о ней не упоминалось. Но жестокий террор привел народ к мысли о том, что освобождения можно ждать только из Советской страны. Кроме того, надо учесть, что вместе с фашистскими войсками бежали все те, кто поддерживал этот режим. Те же, кто остался, включая даже патристически настроенную буржуазию, — все ждали Советскую Армию-освободительницу.

Эти слова товарища Кадара напомнили мне о двух встречах. ...Християнский сын, коммунист Ференц Чапо, с которым я познакомился в Секешфехерваре, был в те годы призван в венгерскую армию. Узнав, что русские форсировали Дунай, его часть потонула в реке. Вышла из города, поручил трем солдатам, и в том числе Ференцу, уничтожить склад продовольствия. Нарушив приказ, солдаты отправились в соседнее село, где люди горели, и раздали продукты. «Спрятавшись в виноградниках, мы с братом ждали Советскую Армию и, когда увидели танки на дороге, кинулись наутек, чтобы показать, как проехать к Дунаю-двору в обход фашистов», — вспоминал Чапо.

Популярная актриса театра и кино Тери Хорват, в прошлом дочь сельского батрака, в ответ на мой вопрос, как она стала актрисой, сказала: «Вы думаете, моя любовь к театру сговорила это чудо? Нет, одной любви было мало. Нужно было, чтобы однажды распахнулась дверь в наш дом и вошел солдат в ушанке с красной звездой... Не зная, чего он хочет, мы замерли. Солдат подошел к девочке, где лежал первенец моего брата. Долго стоял он, глядя на малышку, и вдруг мы поняли — солдат плачет. «У меня был такой сын», — объяснял он, — теперь нет, убили. И матери нет и жены никого. Та же и не знаю, кто он был, тот русский солдат. А встретила бы его сейчас, сразу бы узнала и поклонилась низко-низко. Интересно, где и когда впервые встретился с советским человеком товарищ Кадар?»

— Ну, это целая история! — оживленно восклицает он. — В канун Нового, сорок пятого года Будапешт был окружен, и линия фронта проходила по Дунаю. Было принято решение, что мы, трое членов ЦК, должны перейти через линию фронта и установить контакт с руководством нашей партии, которая долгие годы находилась в эмиграции в Советском Союзе. У нас, подпольного ЦК, с ними практически не было связи... Мы отправились на Хунгария-кёрт, там у нас была нелегальная квартира. Вы знаете, где находится Народный стадион?

— Да, я там бывала.

— Так вот, там мы и решили перейти фронт. Мы думали, что отразим встречу Нового года и доберемся до советских людей. Но фронт неожиданно остановился. На целые две недели, и как раз на той улице, где мы скрывались, теперь проходила линия фронта. В этом недостроенном доме, кроме нас троих, жил владелец инженер-строитель с женой и дворничиха. И вот в один из этих дней в дом врываются венгерские фашисты — налешты и начинают в стенах искать золото! Золота не нашли, конечно, и они так торопились, что забыли проверить наши документы. Это нас и спасло. Но на другой день у дома остановился немецкий танк. Экипаж танка спустился в подвал, где мы вшестером укрывались от бомбежки, и танкисты объявили, что побудут с

нами, пока не прояснится обстановка.

Он умоляет, делает длинную паузу, не спеша прикуривая новую сигарету, и я с нетерпением жду продолжения.

— А теперь представьте себе ситуацию, — глаза рассказчика искривляются смехом. — На полу подавала сидят три члена ЦК нелегальной компартии, и немецкие танкисты угощают их сигаретами!

И Янош Кадар расхохотался.

— Ну, а дальше мы быстро объяснили танкистам, что это очень плохой дом, потому что его «приспосаблили» советские артиллеристы, которые работают как часы. Наутро танкисты ушли, не забыв по мародерской привычке прихватить приемник. Только мы было успокоились, как появились артиллеристы венгерской армии и стали совещаться, как им тут пристроить свою дальнюю пушку и ку. Мы снова в переговоры: «Да что вы, разве не видите, какой это дом! Каждый день, ровно в семь, по нему лупят советские минометчики!» И эти ушли. Потом, наконец, наступила тишина. Полная тишина. Мы вышли из подвала — никого! Ни венгерских, ни немецких, ни советских солдат не видно. Но вот вдали между домами пробежал человек, за ним другой... Мы решили, пойдем мы навстречу в сторону железнодорожной насыпи. И тут увидели — шагает взвод кахих-то солдат. А их сопровождает советский старшина, представительный такой дядечка, на поголовье повые всех. «Кто вы такие?» — строго так поинтересовался «дядечка». Мы ему объяснили. И тогда старшина, тот самый первый советский человек, с которым я встретился в Будапеште, пошел вместе с нами в район Кёбаня. А там на одном из зданий мы увидели плакат «Коммунисты, собирайтесь здесь!».

— В ваших статьях и выступлениях с 1957 года часто встречается слово «доверие». И это в то время, когда говорить о доверии было очень непросто...

— Вот вы сейчас спросили об очень важном — о доверии к людям. Прежде чем ответить, я хочу напомнить, какой была наша страна после освобождения. Разрушена треть и без того неразвитой промышленности. Уничтожены все мосты. Сильно разбит жилой фонд. Большая часть земли осталась необработанной. Значительная часть поголовья скота утана. Люди голодали, они не были обеспечены самым необходимым. Во время боев и в фашистских лагерях погибло полмиллиона человек. Многие растерялись, не видя выхода. А кроме того, в людях жила страх: а вдруг вернутся прежние хозяева! Руководящей силой, которая мобилизовала массы, была коммунистическая партия. Она стремилась объединить все патристические силы, осуществить демократические преобразования. Партия призвала народ сплотиться и построить новую родину. Шла ожесточенная классовая борьба. В ходе ее были уничтожены экономические, социальные основы власти крупных капиталистов и помещиков. Были национализированы шахты, банки, фабрики и заводы. Был проведен раздел земли. Началось успешное социалистическое строительство.

Однако свергнутые классы не исчезли бесследно. Стреляя вернуть свое утраченное господство,

они воспользовались сектантскими ошибками прежнего руководства партии. Позднее Имре Надь, следуя ревизионистским курсом, усугубил обстановку, и осенью 1956 года был поднят контрреволюционный мятеж. Это было очень трудное время, потому что волна антикоммунизма захлестнула массу людей, просто-напросто сбывших с толку. Контрреволюция нагнала. Например, ей удалось организовать перед парламентом демонстрацию женщин... Мы понимали, что в этой толпе всего двадцать, не больше, зачинщиков, но как извлечь их оттуда, чтобы другие не пострадали? Я вам рассказываю об этом, а на память приходится события в Афганистане. Как вы помните, там тоже была организована женская демонстрация. Так что, видите, этот метод подстрекательства против народной власти не нов!

Но тогда, после той демонстрации у парламента, я предложил, чтобы у нас была создана рабочая милиция, которая будет защищать завоевания народной власти, и она должна быть создана на добровольных началах.

Самое главное — отделить от контрреволюционеров тех, кто случайно приблизился к их берегу. Это самое главное. Потому что с открытым врагом мы можем справиться. И в те дни мне приходилось встречаться и беседовать со всякими прохвостами, которые представляли различные группировки и партии с вполне благозвучным названием. Был, например, Всевенгерский рабочий совет, Татабанский рабочий совет и так далее. А если к ним приглядеться — это были контрреволюционные организации по своим целям, но по составу далеко не все там были врагами народной власти. Там были шахтеры, рабочие люди, правды, отсталые, без классового сознания. И нельзя было допустить, чтобы часть рабочего класса повернулась спиной к народной власти! А крестьяне — разве они не наши союзники! Они получили землю, различную помощь. Или взять интеллигенцию — ведь и она получила огромную поддержку от народной власти. А раз так — большинство должно идти с нами, с коммунистами, как бы ни было замутнено их сознание за годы фашистского режима. Доверие — вот тот путь, на котором, я считал, мы можем объединиться с теми, кто действительно сочувствовал социализму. Доверие — вот мое credo. Я убежден, если обратиться к человеку, даже мало знакомому с коммунистическими идеями, и сказать ему, что мы нуждаемся в нем, в его помощи, что мы ему доверяем, — это непременно вдохновит его, и он постарается оправдать надежды. Я мог бы в защиту этого социального обоснованного тезиса привести много примеров. Наиболее яркий пример — рождение нашей рабочей милиции в феврале 1957 года. Когда я предложил организовать рабочую охрану — добровольные вооруженные дружины, сформированные в основном из рабочих, для борьбы с контрреволюцией, некоторые возражали, считая, что это опасно, потому что в дни мятежа были разграблены все склады и 450 тысяч единиц различного оружия оказалось

Записано
Галиной
Куликовской

ПОРЯДОК И ПОРЯДОЧНОСТЬ

Отец у нас был строгий. Когда он в сорок третьем, обмороженный, с тяжелым ранением, вернулся с фронта, я как раз в школу пошел. Мы, ребята, его обожали, хотя он и не рукоприкладствовал, разве что иной раз дуреванной ложкой по лбу. Но слушался его беспрекословно. Только клинкет — несемась стрелком, не то что сейчас некоторые дети, которые и признавать никого не хотят. Это вовсе не значит, что у нас был «домострой». И слово матери было для нас законом, да и теперь у всех свои семьи, внуки, но ее мнение прежде всего. Оба, и отец и мать, были рабочие. Повзрослев, я понял, на чем держался родительский авторитет, — на честности и правдивости. В этом я убедился, когда отец меня, пятнадцатилетнего мальчугана, привел на свой завод. Жили мы в ту пору впроголодь, нас, детей, было шестеро, пришлось помогать отцу. Только перебрались из избушки-развалюхи в свой дом, который строили на ссуду, предоставленную заводом... Да, я же не сказал, что отец до войны и после госпиталя до самых последних дней работал на кожевенно-меховом заводе, сейчас это комбинат имени Октябрьской революции. По малолетству меня на работу нигде не брали, но отцу пошла навстречу, зачислили меня учеником по ремонту швейных машин.

Так вот, отец был сортировщиком, потом старшим сортировщиком шкур и кож. В этом деле можно было, как говорят, «эскимачить» с выгоды для себя. Отец никогда не шел на это и пресекать малейшую к тому попытку. Даже когда люди без тайного умысла, по доброту относились к нашей большой семье, стремились чем-то помочь — какие-нибудь таланы, надбавки, — отвергал безоговорочно: «Мне не надо лишнего. Возьму, что положено». И точка. И еще: не переносил выглазок. Когда у нас стали появляться свои заработки, настаивал: «Ну, ребята (такое ласковое у него было выражение), только не забывайте в пилануть!» Сам он туда никогда не ходил да и вообще не пил. Думая, забываясь о нас, все до копеечки приносил в дом, отдавал матери. И нам сумел привить не то чтобы отвращение — равнодушие к спиртному. Зато книги уважал. Учился. Мы в школу ходили, а отец историю партии в кружке изучал, он с довоенной поры коммунист.

ЛОГ НАРОДНОГО КОНТРОЛЕРА И ДАМАРТЕМЬЯНОВА

Леонид Николаевич Мартеньянов родился в 1936 году в городе Кирове. Почти двадцать лет работает в Электромашинностроительном объединении имени Лепсе. Профессия — слесарь по ремонту оборудования. Член парткома завода. Но одна есть еще у него важная обязанность: председатель группы народного контроля в цехе. Обязанность по призванию...

На собраниях выступал редко, но так, что люди годами помнили его слова. Критиковал, невзирая на лица, особенно за качество оцинковки, когда шли прелые шкуры. Заготовители настаивали, чтоб их принимали, а отец стоял на своем. Он вообще не терпел беспорядка. Нигде и ни в чем. И в огороде у него был идеальный порядок. Из дома, хотя мы жили тесно, спали на полатах, но всегда у нас было чисто и прибрано. За этим следила уже мать, с детства приучила к порядку. Я, например, заблеваю, если вижу, что где не так. Другой раз идешь и приметишь, что-то лежит на дороге. Поднимешь, положишь на место. И в душе у человека должен быть порядок, чтоб совесть была чиста. Вообще «порядок» и «порядочный» — слова очень близкие друг к другу.

УЧИТЕЛЬ. Как я стал контролером? Сначала долго был старшим общественным инспектором по технике безопасности — такое у меня было поручение цехом — первая ступенька на пути народного контролера. Цех наш, сами знаете, какой: станешь у входа — конца и края не видно. Сотни быстросходных высокопроизводительных автоматов и прессов, цех холодной штамповки называется. Тут техника сложная и панибратства не признает. Один молодой рабочий что-то хотел поправить на станочке, а пресс забил выключить — нечаянно

нажал ногой педаль и остался без пальцев. Давно это было, но тот несчастный случай памятен, и всегда приводил его в наизидание новичкам. То, нарушая технологию, работают без смазки, чтобы побыстрее, побольше сделать, то без пинцета или защитных очков. Начинаешь увещавать: «Ты молодец, у тебя все впереди... Что ж ты не бережешь свои руки и свои глаза? Ершишься: «ты кто такой, чтоб мораль мне читать?». Я не обижался, объяснял. Выступал на собраниях.

Однажды на кустовое собрание (это, значит, несколько родственничков цехов) пришел Павел Степанович Шевлягин. Я еще не был с ним знаком, но обратил на него внимание: высокий, военный выправки пожилой человек с белой головой. Расспросил про него. Оказывается, офицером был, в войну работал военпредом на разных заводах. Ему давно за шестьдесят, но занимается спортом, ходит на лыжах и много пешком, понимаете — на работу и с работой каждый день пешком, и в любую погоду, не давая себе никаких поблажек. Дисциплина! Потому всегда энергичен, собран и бодр. Прекрасно знает производство, и его мнение авторитетно.

Потом мы астрелялись на заседании парткома завода. Оказалось с ним в одной комиссии по новой технике. А когда в 1976 году был создан комитет народного

контроля на нашем заводе (в стране всего 840 таких комитетов, в самом Кирове — три), то Шевлягин предложил туда и меня. «За бойцовский характер, — как он выразился, — и за непримиримость к бесхозяйственности». Я забеспокоился: сумею ли? «Поможем», — обещал Павел Степанович (его избрали тогда председателем комитета), — подучим. И стали нас, молодых контролеров, учить. Занимались мы целый год, по вечерам раз в две недели. Ведущие специалисты читали нам лекции.

ЭПИЗОД. До чего же красиво работают люди! Другой раз придется проверить пресс, тобой отремонтированный, и заглядишься! Вот и тогда — правда, это был не мой пресс, а токарный станок — шел я в партком и остановился работой токаря полюбоваться. Видать, был ловкий: всего один проход, р-раз! — и деталь готова. Слева на столбике уже горка их. Но что же это он отбрасывает в корб? Присмотрелся и ничего не понял. «Послушай, парень, — положил я ему руку на плечо, — что же это у тебя получается?» Он удивленно обернулся, не видел, что я тут стою, и меня поразило выражение его лица: вместо увлеченности, как я ожидал, на нем были досада и раздражение. «Да вот, — говорит, — уродую резцы. Подогнать. Нет чтобы их сразу сделали нужного размера. Присылают длинные, а надо на пятьдесят — шестьдесят миллиметров короче. Ра-бо-тен-ка!» — презрительно скривил он губы.

Что ж это делается? Побегал я к начальнику инструментального хозяйства. Много ли они кросят резцов? Давно ли они Оказалось, штук 800 в год. Нужны резцы разной длины, а поставляют все одинаковой. Обращались в отдел, который регулирует эти вопросы, не помогло. Поинтересовался, как в других цехах, — то же самое. А ведь многие резцы из дефицитного материала — вольфрама. К тому же расходуем энергию зря, людей высокой квалификации отвлекаем. Это же перевод государственных средств!

Написал я об этом эпизоде заметку в заводскую многотиражку. Так и назвал ее: «Металл — в отходы». И картиночку приложил того резца с отрезанным концом. Подверстывало. Стали получать станочники инструмент нужных размеров.

Между прочим, тот самый токар и не в нашем цехе работал, а соседнем, мы под одной крышей живем. Товарищи стали спрашивать: «Ты что отвлекаешься на сторону?» А какая же это сторона? Наше все, заводское, общезаводское. А мы и есть контролеры народного.

ДРУГ ВОПРОСОВ. Да, я опять заскочил вперед, забыл сказать, что к тому времени меня уже избрали председателем группы народного контроля в нашем цехе, было это в январе 1978 года. Как работаем,

что сделали? Четыре комиссии у нас: по новой технике, экономическому анализу, качеству изделий, охране труда. Тут ничего нового — на любом заводе так. По плану, конечно, работаем. У каждой комиссии свой. Вышеиваем его на видном месте. Тут же и ящик предложений. Чем, например, занимается комиссия по экономическому анализу? Возглавляет ее мой заместитель Тамара Всеволодовна Панкратова. Боевой, а вам знаком, человек! У нас в цехе выросла, маленькая пришла... Отец умер рано, трое ребятишек осталось, мать — уборщица. А Тамара старшая... Начинала ученицей, теперь диспетчер цеха. Загрузка производства, обеспечение участков мастеров — все через ее руки проходит. Все видит, все знает.

Первая помощница Панкратовой Татьяна Якимовна — тоже диспетчер, но помоложе. И еще Вера Ивановна Смолина в этой комиссии. Главная их задача — проверить, как используется рабочее время, нет ли потерь, а если есть, то за счет чего? Правильно ли оформляют наряды? Полностью ли учитываются в них изготовленные детали? С этих вопросов мы и начали свою работу. А направляет ее партбюро цеха. Проверим, как выполняются решения партийных собраний.

ГЛАВНЫЙ МЕТОД. Сегодня в 19.50 встречаемся с Панкратовой у проходной завода. Товарищи шутят: «Опять свидание назначаете? Попадаете вам от супругов: твоя-то далеко (Аня, жена моя, меховщица, а с ней познакомился на отцовом заводе еще до армии, когда она после окончания техникума из Казани приехала), а вот Тамаринону муженьку по соседским передаткам. Действительно, «опять». Мы уже один раз произошли с Панкратовой рейда в вечернюю смену — я всегда работаю в первую, — и он на многое глаза открыл. Выяснилось, что готовая продукция своевременно не отправлена, грузчики появились только к десяти часам вечера и в нетрезвом виде. Дежурный по цеху к работе их не допустил и отправлял продукцию сам. Рабочие группы мастера Уразанова и старшего мастера Береснева продолжали после обеда играть в домино. За этим же занятием я застал еще шесть человек... в душе. Я обратил внимание еще и на то, что на мощном 400-тонном прессе «гоняют» какую-то незначительную деталь, с которой мог бы справиться и менее мощный, 160-тонный пресс. Куда только смотрят технологи!

Рейды — важный метод, рычаг в работе контролеров. Часто мы устраиваем их вместе с активистами «Комсомольского прожектора». По материалам рейда выпускаем «Сигналы», сатирические листки с карикатурами. Возле них всегда толпится народ. Комсомольцы раз изобразили, как «культурно» отдыхают иные парни в обшечки. Владислав Сметанин, наш художник, уж постарался. Вот смеху было! Другой раз в «Сигнале» появились обличительные фотодокументы. Как-то попал туда и мой непосредственный начальник, механик цеха. А как же иначе?

Т. В. Панкратова и Л. Н. Мартеньянов.

Фото А. Шибанова

К сожалению, не всегда приходится ограничиваться листком «Сигнала». По нашему первому ночному рейду был объявлен строгий выговор грузчиком, мастером сделано предупреждение, а деталь с тяжелого пресса переведена на другой.

И вот снова пойдем в свой цех. Что-то покажет сегодняшний вечер?

ПЕРВЫЙ АКТ. Говорят: время — деньги. Я считаю, что время дороже денег: потеряешь — не вернешь. Особенно если это рабочее время. Борьбу с потерями его мы начали с самого простого: решили проверить, когда люди уходят на обед, когда после перерыва за дело берутся. Картина получилась неприглядная. Длинный список тех, кто ушел на десять-пятнадцать минут раньше, а кто — на тридцать-пятьдесят, что опоздал. Собралась вся группа, составили акт «При проверке обнаружено», так он всегда начинается... Никакого снисхождения к нарушителям трудовой дисциплины не может быть! И потребовали от начальники цеха немедленно принять меры. На первый раз администрация ограничилась строгим предупреждением, нелицеприятными беседами с нарушителями дисциплины.

Потом взялись за столовую. Все ли тут в порядке? В раздаточной большие очереди, столовая переполнена. График составлен так, что в одно время с нашим цехом обедают еще один. Вместе с заводским комитетом профсоюз и дирекция столовой пересмотрели расписание. Но это мало что изменило. Объективные причины отпали лишь после того, как была пущена новая, прекрасная столовая. И что же вы думаете, нарушения прекратились? Ничего подобного. Конечно, их стало меньше, но они есть. Пришлось кое-кого наказывать рублем, лишать части премияльных.

Затем проанализировали выдачу увольнительных записок. Представьте, попадались даже с фальшивыми подписями. Выяснилось, что потери рабочего времени по увольнительным запискам — отгулы, уходы по семейным обстоятельствам, отпуска без сохранения содержания, посещения поликлиники и опоздания — только за один месяц составили сотни часов, десятки человеко-дней. Это значит, что два-три человека как бы полностью вывели из строя. А людей-то не хватает. Снисхождение к нарушителям дисциплины оборачивалось ущербом для всего цеха. Без вины виноватыми оказываются и добросовестные труженики: не справится коллектив с планом — не будет и премияльных.

ДЕФИЦИТ. Я, вероятно, никогда не забуду тот день, 25 октября. Накануне подходит ко мне Лев Константинович Судариков, начальник нашего цеха, и говорит: «Выручайте, народные контролеры! Из-за нас останавливается производство». Нет на сборке таких-то и таких-то деталей, и называет номера. Скажем, «а», «б» и «в», это для того, чтобы не путаться нам в шестизначных цифрах. Номенклатура изделий, которые выпускает наш цех, огромная — около пятидесяти тысяч наименований. Только шайбочек разных размеров несколько десятков наберется. А учет их, надо сказать, поставлен нечетко.

Да, думаю, дела!.. Конеч месяца.

Самые напряженные дни. Предпраздничное соревнование... — Не может быть, — высказал предположение Судариков, — чтоб не было этих деталей в готовом виде...

Мы стали искать. Прежде всего выяснили, где их делают. В группе мастера Терехова. Так. Может быть, перепутали номера и детали пошли на склад под другими. Надо же проверить. Начали с рабочих тумбочек. Лучше бы мы не велили того, кто нашли! Детали «а» спокойно лежали в тумбочке работницы К. 900 штук! Детали «б» — у Л. — 1730 штук! Детали «в» — у М. — 1150 штук! Не хочется называть их фамилии, стыдно за них. Хочется верить в человека, в лучшее, на что он способен.

Спросите, конечно, зачем, какой был смысл в том, что они прятали детали? Ответ. Работницы молодые, опытные, норму выполняли без особого труда. И не хотят, чтоб ее увеличивали. Это во-первых. А во-вторых, думаю, что они не один день копили эти детали. Зачем? Полагаю, не затем, чтобы умышленно сорвать план завода. Таких мыслей у них, конечно, не было. Был у них свой не очень, мягко говоря, честный расчет... «Нужны детали? Пожалуй, выручу, выйду в выходной или остану на вторую смену, сделаю. За это мне, будьте добры, сверхурочные, как положено, в двойном размере». Мастер молчаливо соглашается, «не видят» до поры до времени спрятанных изделий. Так искусственно создается напряженное положение, своего рода дефицит на производстве. Как тут не вспомнить обыкновенного спекулянтчика? «Нет ситчику? Так я его тебе по дорогой цене достану, без очереди получишь...»

Чем же они, «работяги» наши, занимаются в дороге сверхурочные часы? Ничем. К. Л. М. пришли, покрутились минут тридцать — сорок для видимости, а потом мастер щедрой рукой из государственного кармана подмакнул им увольнительную. Мол, задание перевыполнено, можете идти. Жульничество, говорят! Похуже. Мастер Терехов дорогой ценой заплатил за такое попустительство. Приказом директора объединения от занимаемой должности был отстранен, перевели его рабочим в другой цех. Это приказ обсуждали во всех цехах и отделах, а в нашем — особенно. Острый разговор был во всех группах мастеров.

МИНУСЫ И ПЛЮСЫ. Думаете, легко быть контролером? После самого первого акта о потерях рабочего времени, связанных с обеденным перерывом, коснулись на меня стали. Я уж не говорю о тех, кто неправильно оформлял наряды, шел на приписки, прятал детали и был в этом уличен. Три человека до сих пор не здороваются, хотя и прошло немало времени. Кое-кто из товарищей — я ведь человек прямой, что не так, и без акта прямо скажу, душа не позволяет пройти мимо — сторонится, остерегается меня стал. Тяжелее всего, когда друзья отворачиваются... Правда, она колопача. Стерпеть надо, прежде чем принять какое-то решение. Не у всех хватает выдержки, «тебе что, больше всех надо?» — спрашивают. Да и начальство, инженерно-технические работники... Мало кому нравится, когда его начинают по-

щипывать, хотя бы и в помощь.

Это, так сказать, все минусы. Но есть и плюсы. И радостно, что их становится с каждым днем все больше. Уже видны плоды наших трудов, люди говорят спасибо, когда по сигналам устроятся неоплачивая, легче работать стало. Пришла ко мне пожилая работница: «Ты уж посодействуй, чтоб свет усилили, а то плохо видеть стало». Она работает на притирке деталей по высокому классу точности. И хотя мастер говорит, что большая лампа там не положена, мы ее просбу удовлетворили. Или говорят мне, когда вентиляция не тянет или когда-то убежал до конца смены... Да, теперь сами рабочие сообщают: «С. ушла домой, а наряд оформила». Я задумался: что движет такими людьми? Возросшая сознательность и активность или, может, сводят личные счеты? Поговорил с Шевлягиным. «Конечно», — сказал он, — а допустить, что тут, может, и невысоко нравственное побуждение. Но ты народный контроль, дозорный. Проверь! Самое опасное, что только может быть, — обидеть, оклеветать человека за зря, незаслуженно. Нет ничего страшнее! Проверь и действуй по закону!»

На днях Панкратова говорит:

— Приходица М. и слезно просила: «Ты уж скажи Матемьянову, чтоб меня на доску не вывешивали и акта на меня не писали. Больше не буду, вот тебе слово. Ну, так как поступим с ней?»

Сразу и не ответишь. Думать надо. Ведь мы оглашаем поступок для пользы дела. И для человека... Тот самый Терехов, который был мастером, при встрече благодарил нас за науку, за урок, который получил. Многие поняли. Рабочие избрали его бригадиром в том цехе, где он сейчас.

ПРОБЛЕМА КЛАДОВЩИКА. И все же как ни много времени отнимает у нас борьба за укрепление трудовой дисциплины, самым большим оказался вопрос хранения материалов. И берет он по самому чувствительному, важному звену — отпуску изделий. В чем тут суть? Я уж говорил, что чех наш поставил на сборку множество изделий. Для каждого свой материал разных марок — от сталей до сплавов из цветных металлов. Хранятся материалы в кладовой, рабочий приходит и сам берет заготовку. Вынул ее из ячеики, по рассеянности забыл, из какой, и положила внимания на то, что бирки нет, взял заготовку и пошел к своему прессу. А сталь не та, что должна быть по конструкторскому расчету.

К чему все это приводит, ясно из статьи, опубликованной в нашей газете в апреле этого года, — вместе с Барсовым, заместителем председателя заводского КИП, писали ее. Там, на один фланец вместо стали-10 была использована сталь 30ХГСА. Брак выявился только в другом цехе при штамповке отверстий — были разрушены два ступа других изделий. Хранятся материалы в кладовой, рабочий приходит и сам берет заготовку. Вынул ее из ячеики, по рассеянности забыл, из какой, и положила внимания на то, что бирки нет, взял заготовку и пошел к своему прессу. А сталь не та, что должна быть по конструкторскому расчету.

К чему все это приводит, ясно из статьи, опубликованной в нашей газете в апреле этого года, — вместе с Барсовым, заместителем председателя заводского КИП, писали ее. Там, на один фланец вместо стали-10 была использована сталь 30ХГСА. Брак выявился только в другом цехе при штамповке отверстий — были разрушены два ступа других изделий. Хранятся материалы в кладовой, рабочий приходит и сам берет заготовку. Вынул ее из ячеики, по рассеянности забыл, из какой, и положила внимания на то, что бирки нет, взял заготовку и пошел к своему прессу. А сталь не та, что должна быть по конструкторскому расчету.

К чему все это приводит, ясно из статьи, опубликованной в нашей газете в апреле этого года, — вместе с Барсовым, заместителем председателя заводского КИП, писали ее. Там, на один фланец вместо стали-10 была использована сталь 30ХГСА. Брак выявился только в другом цехе при штамповке отверстий — были разрушены два ступа других изделий. Хранятся материалы в кладовой, рабочий приходит и сам берет заготовку. Вынул ее из ячеики, по рассеянности забыл, из какой, и положила внимания на то, что бирки нет, взял заготовку и пошел к своему прессу. А сталь не та, что должна быть по конструкторскому расчету.

в нашем цехе установить механизированные стеллажи, разработанные для этого специальные мероприятия. Много раз мы напоминали об этом начальнику цеха, критиковали и устно и письменно. Безрезультатно! Надо обязательно иметь кладовщицу. Но у него склад невелик. Пенсионеры не способны, а для молодых эта должность непростительна, как бы выходящая. Где же выход? Я вижу его только в механизации, а потом и автоматизации кладовой. Есть же заводы с автоматическим складированием материала. Есть же в нашем цехе механизированный склад штампов со штабелерами. Все дороги и тому ведут. Придется ставить этот вопрос на партком заводу.

МАСТЕР ПАНТЕЛЕЕВ. Вторая проблема тоже затяжная, старая, хотя и касается она нового, я бы сказал, новейшего оборудования. Его занимается мастер Пантелеев. Владимир Николаевич — фронтоник, проработал на заводе свыше трех десятков лет, словом, ветеран. И уже несколько лет возглавляет комиссию группы народного контроля по новой технике.

Наротив главной заводской проходной — не обратили внимания! — рядом с показателями работы всех цехов большая витрина. Подготовлена заводским комитетом народного контроля и «Комсомольским проектором». Любопытнейшие в ней приводятся данные. Завод получает новые автоматы, станки, агрегаты и из-за границы, на валюту. Самые современные. А они стоят без дела. Год, другой, третий... За это мертвый капитал завод отчисляет в банк от 6 до 12 процентов их стоимости. Чужая кака-то, так ведь? Это же скандально на прибыли завода. В общей сложности такого оборудования на полмиллиона рублей. Доля нашего цеха в этом полумиллионе солидная. А бездействует оборудование потому, что нет остатков для прессов, штампов. Вот и бьется над этой проблемой Пантелеев.

Поставляет нам штампы инструментальный цех. Так он в этом цехе редкий день не бывает. Юрия Григорьевича Изюмова, начальника цеха, можно сказать, истерзал. У того тоже положение трудное: мало людей, не укомплектованы штаты. На вторую смену народа не хватает, и цех работает только в одну. Не идет никуда молодежь в инструментальщики. Когда-то эта профессия была труднодоступной, о ней говорили с гордостью: «О! Инструментальное дело — это высший класс!» Теперь выпускники школ стремятся попасть на сборку, где белые халаты и пинетки.

И все же сдвиг по новой технике в нашем цехе за последние полгода наметился. Попросите Владимира Николаевича, он вам покажет, что у нас заработало: и югославский автоматический агрегат и швейцарский автомат... Все это заслуга Пантелеева.

ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ. Сочувствуете нам, контролерам, что много забот у нас? Да, забот хватает. И конца-края им не видно. Не мешает ли это моей основной работе? Нет. Что мне помогает и способствует? Моя основная работа — ремонт оборудования — как-то очень тесно переплетается с работой контролера. Все время среди людей и с людьми. Откровенно говоря, порой даже забываешь, какое же главное у меня дело. В общем, без этого второго, которое по общественной линии, если б у меня вдруг его отняли, жить бы скучно стало, так сроднился.

Ф. Трофимов. ЮНОСТЬ. 1977.

Всероссийская художественная выставка «Спорт — посол мира».

В. Чекмасов, В. И. ПОСТОЯНОВ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА, МНОГОКРАТНЫЙ ЧЕМПИОН МИРА И ЕВРОПЫ ПО СРЕЛКОВОМУ СПОРТУ. 1978—1979.

В. Махитарянц. РАПИРИСТЫ. 1979.

Всесоюзная художественная выставка «Спорт — посол мира».

ДАГЕСТАНСКИЙ ВИНОГРАД

Юрий ГРИБОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Поселок, довольно крупный, раскинулся на равнине между лесистым предгорьем и морским каспийским берегом, весь он новый, уютный, и название у него новое, придуманное, видимо, недавно: Дагестанские Огни.

— А мы тут огонь вырабатываем, — поясняет Халид Гусейнов и, улыбаясь, поглядывает на Демир-Гая Алиева. — Солнечный, понимаешь, огонь, жидкий, огонь из винограда...

Алиев — директор, а Гусейнов — главный агроном совхоза имени Ильича, расположенного под Дербентом. Мы долго ходим по улицам, кажется, все уже осмотрели, но Алиев продолжает звать то в одну, то в другую сторону: а вот поликлиника, только что сдали, такой и в городе нет, а там переулок Молодежный, одни новоселы живут. Дома в поселке просторные, чистенькие, построенные по-южному, в два этажа, перед окнами садики, деревья — грецкий орех, инжир, акция.

С раннего утра стоит такой зной, что и дыхание морщины, прибрежного ветерка, не приносит прохлады. Пустынно на улицах, тихо. Лишь стайка ребятишек играет в мяч у забора, да древний дед, привалившись спиной к камню, сидит на самом солнцепеке. Он в теплой шерстяной поддевке, на голове черная баранья папаха, мудрые глаза узко прищурены. Завидя его, Алиев с Гусейновым кланяются и что-то говорят на своем языке: свято и почитаемо здесь уважение к старикам...

— Этот аксакал был жителем гор, — сказал Алиев. — У нас тут многие с гор спустились. Из Зидьян Кизмалар, из Кемаха и других селений...

Двадцать лет уже Алиев возглавляет этот совхоз. И двадцать лет «ходит при нем» Гусейнов в главных агрономах. Они старые друзья, почти погодки: тому и другому за шестьдесят. Раньше в совхозе сажили овощи и сеяли зерновые. Урожаи были низкие — одни убытки, концы с концами не сводили. А земель плодородных здесь мало, всего-то полоска между морем и горами. Решили все площади занять под виноград, оставив гектаров триста на разные нужды. Они-то решили, а «вверху», в районе, вера в полезность этого намерения, все же засомневались: почвы каковы, как пойдет дело? К старому-то привыкли, оно вроде надежнее и спокойнее. За новые идеи пришлось повоевать. Упорство Алиева подкрепило ученичеством и опытом Гусейнова. Год от года виноградники расширялись. И сорта для закладки новых плантаций выбирали самые урожайные и ценные. Для вина ркацители брали саперави, каберне, маграсу, а к столу, для еды, обильный и долговатый шел, агдан, местные сорта, выведенные дербентским старейшим селекционером Марией Яновной Пейтель...

— Сейчас у нас уже свой виноград, — говорит Алиев. — Двадцать тысяч тонн в год перерабатываем. Это выгодно. Вино свое делаем. Сухое, белое и красное, портвейн, кагор. Всей земли в совхозе тысяча четыреста гектаров, одна тысяча сто из них — виноградники. На остальных площадях овощи, часть земли под корма отводим. Держим около ста дойных коров. Нельзя пока без этого. Город молоко требует, да и нам для детских садов немало надо. Ну, а все, конечно, на виноград держится, он у нас — основа основ...

Гусейнов, вклиниваясь в разговор, дополняет Алиева. Любую культуру можно на корню опорочить, если не добьешься высокой уро-

жайности. Внедрить — одно дело, а заставить сорт «работать», да чтобы прибыльно и весело, — это посложнее. Только родня домашняя знает, пожалуй, как Алиев не спал по ночам, звонил куда-то, выпрашивая машины и удобрения, бежал на рассвете к Гусейнову, и они вместе ехали на плантации, чтобы перепроверить задуманное, подсказать бригадирам, себя убедить. Вон и посидели раньше времени, на плечи жизненный груз давят. Настоящему аксакалу так и положено. Это его украшает. В Дагестане все теперь знают, что Алиев с Гусейновым умеют ценить землю, больше других распахали они горных склонов под виноградники. На месте непролазных кустарников и камней растут теперь отличный виноград. Не кто-нибудь, а эдакий управляющий отделением Сиражутдин Нурмагомедов стал лауреатом Государственной премии СССР.

Ведущие кадры в совхозе подобраны и обучены серьезно: с дипломами не только управляющие, но и многие бригадиры. Все самые трудные и ответственные дела ведут коммунисты и комсомольцы. Они весь многонациональный коллектив цементируют. Дружно народ живет, хорошо...

— Виноград, он сладкий, а заботы о нем горьковатые, солёные, — смеется Алиев. — Грамм сахара в ягоде, три грамма соли на лопатках — эту присказку Нурмагомедов любит повторять, лауреат наш. Умнейшая голова у Сиражутдина, работник из работников. После обеда заглянем к нему.

Если бы я не знал, что таков Сиражутдин Нурмагомедов, то принял бы его за ученого. Во всем его облике, в одежде, в манере держаться есть что-то элегантно, в меру строгое. Даже здесь, в поле, он выглядит так, будто ему надо сейчас выступать с трибуны в Махачкале: отглаженный костюм, чистая обувь, смуглое лицо аж сияет от усердного бритья.

— Ах, как быстро влага уходит, — вздохнул Нурмагомедов, расстирая в руках комок земли. — Завтра придется поля начинать...

Над верхними склонами предгорий, рассеивая серую жидкость, пролетел самолет. На втором круге он покочкал крыльями, и Нурмагомедов, сложив ладони, потряс ими в воздухе, благодаря летчику.

— Славные ребята — эти авиаторы, — сказал он. — Без них нам виноградники не обработать. Тут быстрота нужна, иначе вредитель такую силу наберет, что прощайся с половиной урожая. И клещ и листовёртка проклятая мигом навалются...

Во все стороны, насколько хватало глаз, видны были виноградники. Зелеными коврами спускались они с пологих холмов, забирались к вершинам гор, тянулись вдоль шоссе. Некоторые плантации были совсем молодыми, недавно возделанными, между участками еще лежали кучи срезанного бульдозерами колючего караткена, кустарника и держидерева. Но большая часть отвоєванной у гор земли уже белела шпалерами, вокруг которых курчавились и тянулись вверх побеги растений. На южных крутых склонах закрывалось цветение. Нежный, сладковатый аромат растекался по нагретой земле. С горы Бадамлык, куда нас привел Нурмагомедов, просматривались и дальние плантации. Над ними висел вертолет, опрыскивая ряды. А внизу, справа, недалеко от дороги бригада Багатдина Шингарева занималась подвязкой и обломкой лозы. Разноцветные платки женщин покачивались, словно цветы на ветру.

— А там, вон за тем увалом, мое родное селение Митиги, — показал Нурмагомедов рукой. — Ай, какое красивое селение! Буду обижаться, если на Митиги не поспотеет...

В этих горных местах Нурмагомедов был председателем сельсовета, возглавлял колхоз.

Сейчас у него отделение побольше того колхоза — пять бригад техники много, земли около пятисот гектаров. И земля не простая, это виноградники, возделанные на горных зарослях. Сиражутдин Нурмагомедов первым выступил на парткоме, когда в совхозе заговорили об освоении склонов. У него уже были на этот счет конкретные соображения. Он и раньше делился ими с Алиевым и Гусейновым. И первым взялся повоювать с горами. Начинать он, конечно, не на голом месте. Опыт в этом уже был. И наш и зарубежный, книги написаны о горных виноградниках. Но легко вручную возделывать какую-то кручу сотки на три и не так просто освоить сотни гектаров с применением техники...

Сейчас многие трудности уже позади. Орден Ленина Нурмагомедов получил за высокие урожаи горного винограда. Но тогда, особенно в первые два года, дела казались очень сложными. Он с себя начинал, с личного примера. Институтского агрономического диплома оказалось мало, пришлось основательно подучиться, в крупные виноградарские хозяйства съездить, перенять сотни книг, машины самому освоить. И легче стало работать, легче с людьми разговаривать. Не надо было свой авторитет чем-то дополнительно укреплять. Авторитет его как бы сам собой рос и поднимался. Глубокие знания, цепкий ум, честность — вот что принесло славу управляющему. И жена его, Фазиле, такая же по характеру. С молодых лет в поле. Лучше нее и сейчас никто на виноградниках не работает. И дети у Нурмагомедовых — любой позавидует. Четыре дочери у них и сын. И внучек у Сиражутдина четыре: Зулейха, Зифра, Эльвир, Анжела. И внук есть, Эльман. Когда в праздники сажает он их в машину и везет в город, то там, на улицах, никто не хочет верить, что это его внучки: очень уж молодо и подтянуто выглядят Нурмагомедовы в свои пятьдесят четыре года. Ему очень приятно это слышать. И Фазиле приятно. Она тоже молодая, назвать ее бабушкой язык не поворачивается...

— У нас в Митигах до ста лет о возрасте не думают, — шуточно говорит Сиражутдин. — Столетний аксакал — совсем мальчик! Хотя завтра женить...

На виноградниках почти круглый год не бывает затишья. То закладка насаждений, то перепашка, культивация, рыхление рядков, обрезка лозы, чеканка побегов, обработка и подвязка. До самой уборки вздохнуть некогда. И хотя все бригадиры в отделении люди опытные, ответственные, Нурмагомедов целыми днями на плантациях. А в начале сентября, когда тяжелые виноградные гроздья еще держатся на лозинах, он и по ночам сюда приезжает. Зайдет в шалаш к сторожу Алахмеду, спросит:

— Не спишь, Магомед? Как тут дела?

— Опять кабаны прибежали. Три шпалеры подрыли, разбейники. Пришлось пригнать.

Лес кругом, вот и хулиганят кабаны.

Внизу на полевом стане горят огни, играет музыка. Это первая партия студентов-медиков приехала на уборку. Обсрадовались ребята, что из города вырвались. Кормят их тут вкусно. Есть на полевом стане танцевальная площадка, радиопла — поди-ка угомони их, до рассвета гуляют под теплыми звездным небом. Танцевальная площадка в поле — это Нурмагомедов придумал. Студенты вечерами все равно где-то будут собираться. Уж лучше на месте создать им хорошие условия для отдыха. О людях позаботься, они добром ответят. Ребята работают без устали. Машины с виноградом одна за другой с плантаций уходят. А виноград какой! Ягода к ягоде, кисть в обеих руках еле удержишь. Сто двадцать цент-

неров с гектара. И сахаристость у здешнего винограда выше, чем на равнине. Особенно столовые сорта замечательно наливаются, аг-дан, обильный, дольчатый. Лучи солнца на ска-тах сильнее, каждый листик пробивают, с из-бытком накапливая в крупных желтоватых яго-дах тепло и энергию. Вид гроздей, покрытых капельками утренней росы, так притягателен и аппетитен, что рука сама тянется, чтобы сор-вать ягоду. В сентябре в каждом доме стоят большие вазы с виноградом. Он в это время дешевый, да и сами рабочие совхоза выращи-вают понемножку на своих приусадебных уча-стках столовые сорта. Гудят над вазами зале-тевшие с улицы пчелы, руки и губы детей весь день в липкой сладости, приезжие гости никак не могут насытиться южной солнечной ягодой...

Недалеко уже и до нынешней уборки. Нур-магомедов ждет ее, все у него в отделении к основной страде готово: и машины, и подъ-ездные пути, и люди. Видны на урожай непло-хие. Все сорта подходят дружно, сказывается умелый и своевременный уход, любовь людей к своему делу, к земле родной. Десятую пяти-летку отделение давно выполнило.

И снова, как и в прошлые годы, понаедут сюда студенты, шумно и весело станет на план-тациях. Своими силами при уборке никак не обойтись, хотя на виноградники и старики вы-ходят и школьники помогают: площади рас-ширились, на шесть-семь километров тянут-ся по взгорьям виноградники. А через годик-другой плантации вплотную к Митигам подой-дут. Нурмагомедов решил все, что можно, отобрать у гор, возделывать и засадить зеленой лозой. Рабочие отделения за это предложе-ние как один проголосовали, а директор сов-хоза при всем народе обнял Нурмагомедова и сказал радостно:

— Ну, Сиражутдин, молодец! Так ты свои горные Митиги превратишь в столицу горного винограда!

* * *

Посмотреть на старинное селение Митиги мне так и не удалось. К Нурмагомедову при-ехал Алексей Николаевич Череватенко, началь-ник производственного совхозного объедине-ния «Дагвино», и увез меня в Дербент на конь-ячный комбинат.

— Дагестан дает больше половины всего российского винограда,— сказал Череватен-ко,— семьдесят процентов коньяков. До соро-ка сортов выпускаем разных вин, тридцать три международных премии получили, две из них Гран-при. Готовим к выпуску свое шампанское, улучшаем старые сорта...

Ну, разошелся Алексей Николаевич, сел на своего конька. Сейчас, думаю, стихи Расула Гамзатова начнет читать, классиками подкрепит свою мысль о поэзии виноделия...

— А пьют у вас много? — деликатно спра-шиваю.

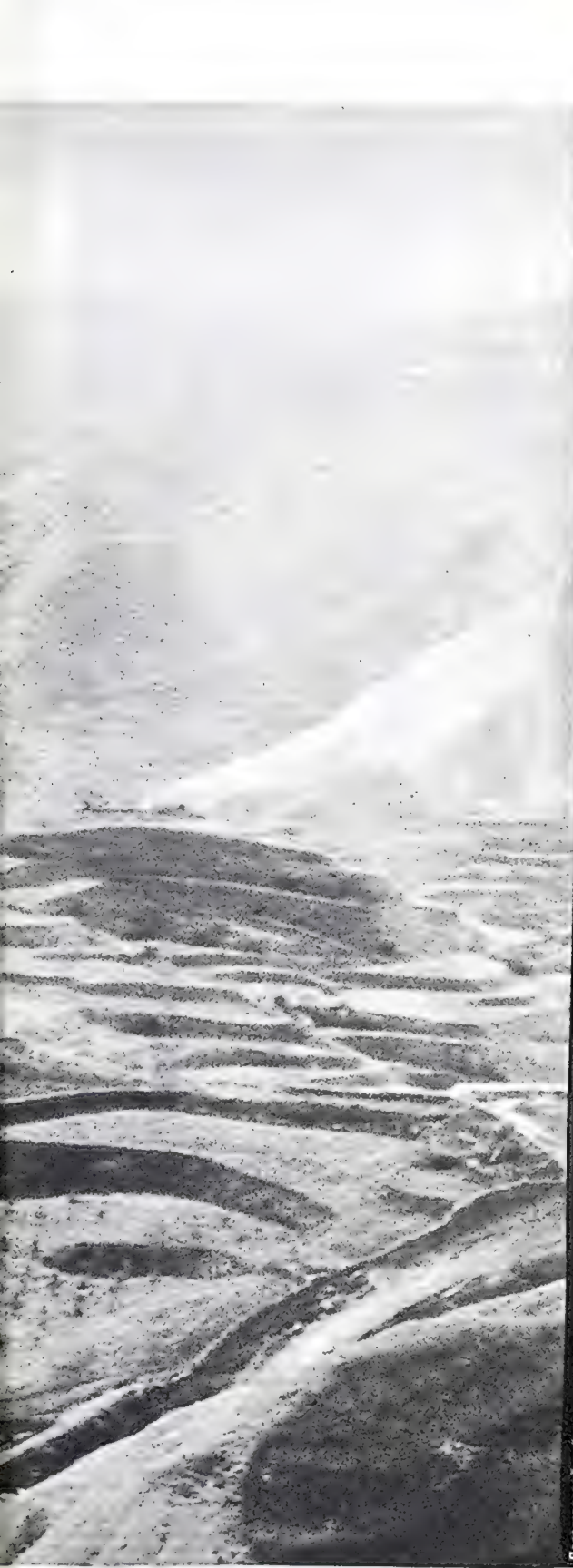
— Меньше, чем где-либо. Мы на свои заво-ды нельющих не берем, а пьяниц выгоняем. Такой у нас лозунг есть. Нет, смех смехом, а это правда. Воспитание людей хорошо постав-лено, в какой-то степени и фактор доступно-сти, конечно, действует: чего много, то-го и не хочется. Борьбу с пьянкой не запрета-ми надо вести, не грубостью, а культурой, разъяснением. Винная продукция высокого ка-чества и на культуру вкуса работает.

На Дербентском комбинате поразила меня идеальная чистота: вся территория — сплош-ные цветники и розы. Много здесь молодежи, хороших специалистов. Тихо ступаем мы по цементным полам затемненных прохладных подвалов. Гигантские дубовые бочки десятиле-тиями безмолвно покоятся у толстых стен. Бро-дит и зреет в них сок винограда, чтобы поре-довать и удивить потом человека.

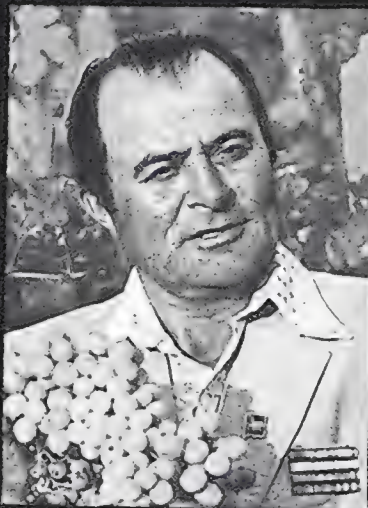
— Просим пригубить,— пригласили нас хо-зяева комбината.— Вот ркацителли, вот херес...

Мы с удовольствием выпили по бокалу хо-лодного вина. Может быть, оно сделано из ви-нограда, выращенного у Нурмагомедова? А может, гроздья привезены были из совхоза имени Керла Маркса, где директором тоже Алнев, только Яшер, а не Демир и куда мы заезжали по пути на комбинат, чтобы посмот-реть, как здесь организуют переработку ото-дов сухой лозы? Неважно, откуда привезен ви-ноград. Важно, что он свой, дагестанский, сла-ва которого шагнула по всему Союзу.

Воспитанники детского сада на прогулке.

Управляющий отделением, лауреат Государственной премии СССР С. Н. Нурмагомедов.

Производственное совещание проводит Демир-Гай Алвев, директор винсовхоза имени Ильича.

Цех выдержки марочных вин Дербентского коньячного комбината.

Дербентский пейзаж.

Юрий БОНДАРЁВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

После ухода гостей было пусто и тихо, еще горели в передней бра по бокам зеркала, еще не были погашены люстры в комнатах, мягко светил нежнейшей полутьмою сиреневый купол торшера над тахтой, везде пахло сигаретным дымом, чужими духами; и было немного грустно оттого, что асфоду сдвинутые с мест кресла, переполненные окурками пепельницы, обгорелые спички на ковре, неприбранные бокалы с торчащими из недопитых коктейлей соломинками и горы посуды на кухне — все это напоминало хаос незаконченного и обидного разгрома в квартире.

Васильев, обесиленный бесконечными разговорами об искусстве, ласково и приятными улыбками, проводив до лифта последних гостей жены, с облегчением подвизал ее кухон-

в чуждую ей манерность, заметную в дни размолок, прежде не частых, которые сразу создавали головокружительную зыбкость качнувшегося моста.

— Да, Володя, иди, пожалуйста, иди же, — повторила Мария с усталой настойчивостью и, прислонив дымящуюся сигарету к краю пепельницы, налила себе красного вина. — Если ты захочешь мне что-то сказать серьезное о моих гостях, то сейчас говорить не надо: я не хочу...

— Я мало с кем знаком из твоих гостей, Маша.

— И, может быть, поэтому ты был очень мил. Всех женщин очаровал.

Она отпила глоток, он увидел, как сдвинулось ее горло и осталась влажная красноватая полоска на ее губах, родственный и нежный вкус которых он так хорошо знал.

— Маша, о чем ты говоришь? Женщин? Очаровал? Этого я не уразумел.

— Я прошу тебя — давай помолчим...

Нет, он не помнил, чтобы раньше после ухода гостей она сидела вот так одна на диване, заложив ногу за ногу, рассеянно пила, в задумчивости затягивалась сигаретой, покачивая узким носком туфли, — еще четыре месяца назад он посчитал бы это за некую прелезную игру, предложенную ему (ради озорного развлечения), из какого-нибудь пошленького иностранного фильма, банального фарса, переведенного ею для закулочной комиссии на просмотре в главке, и готов был, как иногда бывало раньше, услышать ее смеющийся протяжный голос: «Ита-ак, мсье, мы проводили гостей. Ушли знаменитости! Какое облегчение! Что же мы будем делать? Ты уедешь в мастерскую? Или останешься со своей женой? Он сейчас не ждал подобной фразы, а только несколько озадаченно глядел на то, как Мария медлительно пригубила бокал между затяжками сигаретой, но ему почему-то не хватало решимости удивиться этому ее желанию, похожему на каприз или вызов, поэтому он сказал с шутиливой неуклюжестью:

— Ты не очень разгулялась, Маша? Ничего не случилось?

— Господи! — Она опустила глаза, точно

говорить буднично и внушая себе, что ничего серьезного не произошло. — Я пройду по воздуху и подышу. Спокойной ночи.

— До свидания, Володя, я утром позвоню, — отозвалась Мария из гостиной предупредительным, почти ласковым тоном, и он вышел на лестничную площадку, закрыл своим ключом дверь.

Ожидая лифт под желтой лампочкой на восьмом этаже спящего многоквартирного дома, он услышал сдавленный смех вперемежку с шепотом и покосился в сторону окна, где подле батареи (как бывало почасту) стояла парочка, заметил что-то знакомое и тонкое в девичьей фигуре, и тут же ластавно его окликнул удивленно-звучный голос дочери:

— Па-а, куда ты? И зачем ты?

Ему было не очень приятно видеть в этот час рядом с дочерью рослого, не первой молодости актера Светозарова, жгучего красавца, анекдотиста, выпивоху, любителя розыгрышей, дважды женатого и дважды разведенного, с манерами опереточного дамского угодника, и Васильев почувствовал обидный, оскорбительный холодок от неановой неопытности и неразборчивости дочери.

— Тебе, вероятно, пора, Вика, — сказал Васильев и оглядел Светозарова с нескрываемым любопытством. — И вам, молодой человек неотразимой наружности, пора бы уже отпустить советскую студентку, которой вставать на лекции в семь.

— Виктория, вы должны подчиниться старшим, — заговорил глубоким баритоном Светозаров, изображая благообразную покорность. — Владимир Алексеевич, великодушно извините меня за непредвиденную полноту. Готов и в монастырь замаливать грехи, если бы адрес был хоть одного действующего. Негде показаться.

— Пожалуйста, вместо обители со мной в лифт. Я объясню, как поступить.

— Па-а, перестань! — возразила Виктория со смехом. — Начнутся советы и поучения! Анатолий рассказывает смешные истории, а я хохочу! Ты слышал о репетициях во МХАТе? О Массальском и Ершове? Нет! Как во время

ВЫБОР

ный передник и принялся сверх меры старательно убирать посуду в столовой. Однако Мария умоляющими глазами остановила его («Не надо сейчас...») и села на диван, обнимая себя за плечи, задумчиво отвернувшись к окну, за которым густо синела февральская ночь.

— Слава богу, наконец-то, — сказала она. — Меня ноги уже не держат.

— Ты знаешь, сколько времени? — спросил он встревоженно.

Второй час... Ничего себе! Хорошо, что ты не открыла причину торжества. Конца и краю тостам до утра не было бы. Как это, Маша, — с днем ангела? Или с днем именин?

— Я очень устала, — проговорила она, закурилась, и улыбнулась ему вскользь. — Благодарю, милый... и не будем об этом. Это все несущественные детали, и все не стоит того... Спокойной ночи! Я немного посижу одна. Иди спать, пожалуйста.

Он почувствовал неискренность ее слов, и это фамильярно-классическое «не стоит того» и это салонно-светское «благодарю, милый» как будто неприятно загородили ее, отдаляя

преодолевая боль, и он увидел ее ресницы, тяжелые от слез. — Неужели ты не понимаешь простых вещей: мне хочется побыть одной. Пойми меня, пожалуйста, я одна хочу отдохнуть от всего на свете...

— Прости, Маша, — сказал он виновато и вышел из комнаты.

Коридор и переднюю еще праздно озарили бронзовые свечи-бра, легкие плетенные и бессонные в тишине ночной квартиры, и возле телефонного столика серебристой пустотой отсвечивало пространство зеркала. Васильев мельком взглянул на свое нахмуренное, бледное от утомления лицо («Лучше всего уехать мне сейчас в мастерскую...»), потом выключил свет, эту заповедную электрическую иллюминацию над зеркалом, мгновенно ставшим таинственно темным, и долго в передней надевал теплейший полутуплун, любимый им, в котором зимой ездил на натуру, долго возился с «опилиями» меховых ботинок, раздумывая о позднем времени, когда бессмысленно ехать в мастерскую, но Мария молчала, не останавливала его, не выходила в переднюю, чтобы проводить до двери, подставить щеку для поцелуя, что было заведено между ними.

— Я пошел, Маша, — сказал он, стараясь

псы они подпрыгивали на сцене по сигналу «брак»!

— К сожалению, не прискормлю, не слышал, — сказал Васильев, насмешливо обращаясь к Светозарову, выигравшему у него послушное внимание домашнего мальчика. — Вы, Анатолий, не устали языком артикулировать? Посмотрите на часы, очаровательный любитель монастырей. По-моему, время уже неприличное.

— Артикулировать? Ха-ха! Как, как! — почтительно поразился Светозаров. — Не понял мысль, Владимир Алексеевич, по темноте своей! Что я не устал...

— Ну, попросту — болтать без передышки.

— Вы меня обижаете. За что? Незаслуженно! Без вины виноват!

— Я очень сожалею.

«Что же это со мной? Почему я раздражаюсь, когда надо сдерживаться?»

Подождал лифт, освещенный, сиротливо пахнущий морозной одеждой, студенкой зимой, с натоптанным снегом на полу, и Васильев, опускаясь в этой удобной механической кабинке двадцатого века, несущей его вниз мимо затхших до утра чужих, успокоенных сном квартир, поморщился, закрыл глаза и подумал о потерянном времени и полной нена-

добности всего того, что делал и говорил целый вечер дома, устав воспитанно возражать гостям, не чуждым самонадеянно утвердить и особые критерии в искусстве и, конечно, в живописи, твердо переходившим (ради спокойствия) в суждениях своих премудрые житейские перекрестки,— и вдруг почувствовал, что уже в последнее время испытывал не раз смутно и счастливо цепляющее душу желание уехать в некий час из Москвы надолго, на несколько месяцев, на год, на пять лет, уехать однажды из дома или мастерской, ни о чем не жалея, поселиться где-нибудь на небесно-синих вологодских озерах, неторопливо созерцать естественное, первородное, жить с рыбаками, есть простую деревенскую пищу, писать облачные северные пейзажи, неизощренные портреты рыбаков, прожженные солнцем и водой лица...

Ему не работалось месяца два. Он часами лежал в мастерской на старом, с привычным скрипом пружин диване, читал «Дневники» Толстого последних лет жизни, напивался весь исповедальной болью великого человека. Но затем Васильев, самоказняще и скептически охлаждаясь, возвращался к самому себе, ощущая обман и современную парадоксальность насильственного опрощения.

И далекое от Москвы, шума и суеты убежище, которое порой облюбовывал он в воображении, представлялось после трезвых размышлений успокоительным пленэром, либо туристским, либо курортным местом, занятым известным в искусстве человеком на определенный срок. Ему ясно было, что им в пятьдесят четыре года уже не управляла никакая честолюбивая идея (как было еще несколько лет назад), кроме двух нерушимых страстей— любви к извечной грубой и нежной красоте природы и сумасшедшей преданности работе, этой добровольной сладкой каторге, без чего утрачивался для него всякий смысл существования.

В те дни и месяцы, когда не работалось, когда все было притушено и будто дремало в нем, он мог легко поверить, что талант его (если он был прежде) погиб, пропал, и в такие пепельные периоды привычно высокие отзывы, хвалебные статьи казались мелкими и выспренне ложными, участие в очередной выставке («Там обязательно должны быть и ваши вещи») запоздало ненужным, а поездки за границу, куда его стали приглашать охотно лет пятнадцать назад, занимали уже не столько вернисажем в каком-нибудь университете или частном салоне, набитом ядовитыми кри-

тиками и беззастенчивыми журналистами, но теми изощренно укусными диалогами о «традиционализме» и «модерне», когда он, слушая, потягивая коктейль, загорался постепенно веселой злостью против «интеллектуальной» болтовни, начинал полусерьезно спорить, опровергать эти надоевшие до черта коллажи, пол-арты, маодадаизмы, намеренно противопоставляя им сюрреализм, а не реализм, после чего с любопытством наблюдал новый поворот спора, где господствовал риторический хаос, подобный хаосу в современной живописи Старого и Нового света. Это, конечно, были не дискуссии стоической погони за истиной (кто бы осмелился указать ее в век сомнений?), а была своего рода игра, развлечение, умственные качели, убийство свободного времени, доходная профессия взрослых, утопленных цивилизацией людей, ненавидящих художников и влюбленных в них. И общение с ними было небезынтересно Васильеву до тех пор, пока не открылась угнетающая однообразность повторений: и одни и те же разговоры, и одни и те же вопросы, и похоже один на другой отели, и стандартфреш-туки, и ленчи, и одинаковые физиономии портье и кельнеров.

И Васильев уже отказывался от приглаше-

ний, перестал ездить за границу, а однажды в ресторане клуба, случайно услышав вожделенную фразу: «А я завтра, наконец-то, сяду в отдельное купе «эсэз», легу на приготовленную постель, выплусь как следует, и после завтра буду в Париже», — услышав эту фразу, исполненную томительного желания сбывающейся мечты, Васильев вопросительно взглянул на соседний столик, увидел там в компании коллег уважаемого акварелиста, не вполне трезвого, сладостно подкладывающего ладонь ковшиком под толстую малиновую щеку, выражающего так неодолимое влечение к вагонному отдыху, и ощутил во фразе и лицедействие акварелиста не мечту об отдыхе в отдельном купе спального вагона, а просто тягу за границу — к пестрой толпе на зеленых, солнечных, аккуратно ухоженных бульварах, к древним островерхим соборам на ополитированной брустчатке средневековых площадей, к теплу и мягкому воздуху, к сверканию зеркальных витрин и шумной многолюдности на торговых улицах, к красным огням и рекламным ночным кабаре, к маленьким кинотеатрам, полупустым, уютным, где разрешено курить, то есть ко всему тому, к чему тянуло и его еще два года назад.

Акварелист зорко перехватил взгляд Васильева и вскинул неопытные брови, изготовленный к обиду (господи, спаси нас от неврозов двадцатого века!), но Васильев с невозмутимым миролюбием сказал: «Сочувствую». «Чему же такому вы сочувствуете?» — спросил коллеги, густо багровые, и выше возвел взлохмаченные брови. «Вашим хлопотам», — ответил Васильев, не считая нужным объяснить, что хлопоты накануне всякой поездки за границу всегда связаны с ожиданием приятного, необычного путешествия и, разумеется, всегда радостным перемен: европейские вокзалы и аэропорты, неизменный кофе в баре, рукопожатия, приподнимание шляп, вежливые улыбки, «Что вы будете пить?», «Не пойти ли нам вечером на нашумевший неприличный фильм?», и химическая душность розового мыла в ванной, запах озонатора в туалете, белое сияние кафеля, тщательное бритье перед освещенным зеркалом и свежие прохладные сорочки по утрам, тесными воротничками жмущие шею на вечерних приемах, фальшиво-приветливая игра глаз, простодушное удивление по поводу того, что в России все-таки есть искусство и даже хорошие портные, вездесущие репортеры бойких газет, поджидавшие, по обыкновению, в вестибюлях отелей за столиками с апельсиновыми коктейлями, стереотипные «непроярко-окаймленные» вопросы, десятки раз задаваемые в разных странах мира... «Сочувствую вашим заботам, не более того», — договорил без выражения Васильев, а его коллега, весь коньячно-багровый, нутком вынул ненадурный хохоток, самолюбиво выговорил: «Вы либо сноб, Васильев, либо завистник». «И то и другое вместе», — сказал Васильев, но тотчас подумал с грустным сожалением, что пресытился, наелся досыта, до тошноты изграницами, устал, удовлетворил лохматое любопытство и ничто (заменивающее) не связывало его теперь ни с Парижем, ни с Нью-Йорком, ни со Стокгольмом, городами, такими влекущими, пленительными издалека и такими обыденными, надоедающими вблизи. Он не мог в них сосредоточиться, они не вызвали легкого, пьянящего возбуждения, тщеславной дерзости, что иногда предшествовало желанию взяться за работу. Из-за границы он не привез ни одной добротной работы, лишь эскизы и беглые зарисовки в записной книжке оставались как звук мотива или воспоминание, как дальний отсвет скользнувшего сна. И все же исключением он считал Венецию, куда дважды приезжал туристом, а третий раз по приглашению Ассоциации итальянских художников был прошлой осенью вместе с Марией, уже хорошо зная колдовство города на воде, помня названия улочек, набережных и мостов над каналами, названия приветливых ресторанов близ дворца и площади Святого Марка...

Здесь он тоже ничего не писал, опасаясь быть копистом, убежденный в том, что самый плохой художник может «начинкаться» пейзаж Венеции, столотиями вбравший в себя идею цвета, настроение и перензубочную красоту. Здесь, в этот последний приезд в Венецию,

Васильев впервые серьезно почувствовал свое тягостное переутомление, свое нездоровье, острое ощущение какой-то странной молчаливой размошки с Марией, ничем не похожей на прежние ссоры, мимолетные, как летний косой дождь сквозь солнечные лучи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Февральская метель обдала его снегом с ног до головы, омыла жесткой влагой, отрезавшая после вина, сигарет и пахучего тепла квартиры.

Была глухая пора ночи, во всем квартале крутило и вьюжило, вверх гудели обледеневшие тополя, замутненные фонари скрипели, вздрагивали на столбах в ветровых токах улицы.

Снег пахнул глубинным степным холодом, и Васильев, шурша от снега, ахнул его метельную свежесть, погладил на потонувшие в подвинутой пелене дома, отыскивая хотя бы единственный свет окна, и подумал, что давно не было такой деревенской метели в Москве, такого первозданного запаха зимней ночи. Этот запах приносил неясное волнение далекого, навеки детского, ушедшего, и ему не захотелось сейчас в мастерскую, а вдруг сквознячком потянуло куда-то в глубину незнакомой дали — во вьюющий сумрак заваленных снегом замоскворецких переулков с шумевшими над заборами деревьями, к наполненным разрушенным церквушкам, заброшенным, мрачным за ржавыми, но еще сохранявшимися оградками, к трехэтажным купеческим домам с каменными арками ворот, за которыми виднелись в снежной заволоке маленькие дворчики с сарайчиками, старыми голубятнями, врытыми в землю столами под столетними липами — дворчики не менее живописные, чем парижские или итальянские.

До пятидесяти четвертого года Васильев жил в Замоскворечье, любил его улочки и его переулочки, они слились ему, хотя много лет после войны он прожил в другом, новом районе, в другом дворе, даже отдаленном не напоминавшем прошлое, родное.

«Ночь, метель и деревенская свежесть воздуха», — подумал Васильев, возбужденный непогодой зимнего ночного часа и студеной влагой снега на бровях. — Из-за одной такой ночи стоит жить, черт возьми! Хочу в Замоскворечье! Сколько лет я там не был! Сейчас разбужу Лопатина, и до утра пойдем бродить по Москве, пропитаем пешком до Павелецкого вокзала, взглянем на Шлюзовую набережную, на Озерковскую, на церквушку в Вишняковском переулке...

Друг его, художник-график Александр Георгиевич Лопатин, жил неподалеку, в двух кварталах ходьбы от Васильева, в одной из тихих, как тупинок, улиц с разросшимися тополями, так буйно цветущими в июне, что несколько дней неуемный пух летел в воздухе, застилал тротуары белыми пластинами, скапливался в затихах возле подъездов нежной волной, облеплял ветровые стекла машин, подобно первому снегу; зимой же здесь было дико и провинциально вьюжно, тополя утопали стволами в сугробах и, вздрагивая ветвями под напором ветра, скребились и стучали мерзлыми сучьями в окна верхних этажей.

Лопатин ходил в холостяках (четыре года назад был разведен), отлучаясь внешне безалаберной жизнью, летом постоянно бывал в поездках, ночевал где попало — в деревнях, на вокзалах, у костра, но зимой подолгу задерживался в Москве, «выписывался» за лето и осень, запасался сигаретами, набивал продуктами холодильник, записывал, уединялся в своей квартирке, нигде не выходил, лишь еженедельно выбирался с венчиком в Сандуны. Спать он ложился почасту на расвете, вставал поздно (по заказам издательства работал главным образом ночами), и одно окно его комнаты проступало зеленым пятном во тьме тихой улицы, и порой свет этого бывал спасительной ракетой для Васильева.

Подходя к дому, он взглянул вверх, на высоту разросшегося тополя, где обычно светило знакомое окно, но оно было темным.

«Спит?» — подумал Васильев, озадаченный, однако, поднявшись на четвертый этаж, позвонил решительно, прислушиваясь к сонной тишине на лестнице, к испуганному всплеску звонка в квартире, от которого как бы пошли неспокойные круги в стоячей воде, и минуты через три знакомый голос низко загудел за дверью:

— Кого, хотел бы я знать, ночью лешке принесли? Кто там еще?

За дверью послышалось продолжительное кряхтенье, покашивание курящегося, щелкнул замок — и в проеме хлынувшего света из передней вырос заспанный Лопатин, облаченный в длинную ночную рубашку, босиком, его взлохмаченная борода торпачилась, закрывала половину груди, придавая ему вид дьякона, поднятого с постели неожиданным переполохом.

— Это я, Саша, как видишь, — сказал Васильев. — Прости, пожалуйста, разбудил тебя, как по тревоге, но если скажешь сейчас «нет», то уйду, не обижусь...

— Заходи, заходи, маловатень, — густо зарокотал Лопатин, обнимая Васильева, прикладываясь обдавшей теплом сна бородой к его холодной щеке. — Разбудил, так не выдумывай извинений, понимаешь ли ты. Махнул руками после драки — уми, но и глупо, понимаешь ли ты. Ух, как от тебя хорошо уличным морозом прет! Раздевайся. Давай сюда свой тулупень. Дьявол, кто тебе вешалки пришивал? Мария! Вика! Сам не умеешь? Как вешать прикажешь? За петлю! Придется тебя научить пуговицы и вешалки к одежде припандоривать, я, брат, в этом деле непревзойденный мастер! Нет, не мастер, а гений из гениев, ибо суровость бытия научила. Проходи, дьявол, шлендарь, полуночник московский, пока взашей назад не выпроводил. Шагай.

Лопатин, как всегда, внушительно и кругло окая, провел Васильева из передней в свою маленькую мастерскую, всю в книжных стеллажах, от пола до потолка, всю заваленную книгами, папками, кипами старых журналов, хаотический этот беспорядок был и на огромном письменном столе, где среди листов картона, ворохов рукописей, стопок рисунков, разнообразных массивных пепельниц, бронзовых подсвечников с толстыми свечами, среди груд потертанных записных книжек, фотографий, трубок, пачек табака и сигарет «Дукат» оставался под настольной лампой крошечный островок, застеленный наподобие скатерти газетой, на котором лежал лист бумаги, по обыкновению заполненный работой начисто. Газета была испещрена отдельными словами, зачеркнутыми фразами, изрисована квадратами, березками, фигурками людей и птицами. Лопатин же объяснял эту странность прошлой бродяжнической жизнью, а именно тем, что рисовать приходилось в разных обстоятельствах на всяких столах — и кухонных, и садовых, и разделочно-рыбачьих, разрезанных морем и солью, — и привычка подстилать газету осталась, присоединив к себе другую привычку: особенно сложную иллюстрацию искать сначала словами, штрихами и знаками на газете, продуманную, уточненную переносить рисунком на бумагу.

— Ну, садись, садись, ежили в подштанниках середине ночи поднял. Устраивайся на диване, кури, — говорил владимирский напевом Лопатин, сгреб с дивана, освобождал место, кипу книг, которые, видимо, просматривал здесь вечером, и начал закуривать сам. — Крепких хочешь Русский? «Голуза» желевай? «Дукат» — штука. Продирает насквозь рашпилем!..

— Одевайся, Саша, — сказал Васильев, присаживаясь на диван. — Спать — предел глупости. Предлегу великолепный моцион.

— Куда, мой друг? — Лопатин закурил, швырнул спичку в пепельницу, закашлялся. — Куда и зачем? Олять философия? Чител старика? Или письма Ван-Гого! Надеюсь, ничего драматического не случилось?

— А если?

— Еще что? Что значит «если»?

— Метель, ветер, снег... а ты спишь... Пойдем побродим по улицам. Дойдем до Замоскворечья. До Шлюзовой набережной. До Павелецкого вокзала. Ночь прекрасная, а снег пахнет степью, волками и темнотой.

— Да что такое? Почему Замоскворечье? Впрочем, не возражаю. Да, конечно, согласен,— закивал Лопатин, окутывая дымом бороду.— С наслаждением протопаясь пешком по ночной метелице! Что? Как ты сказал? Пахнет степью, волками и темнотой? Это в цивилизованной-то Москве? Тебя погубит воображение и философия, Володя! Прелести! Какой ты реалист?

Васильев сказал задумчиво, разминая сигарету:

— Представь, в Замоскворечье снег когда-то пахнул арбузом, Саша. Но это было давно, в детстве. У тебя есть водка? Пожалуй, по рюмке на дорогу выпить бы надо. Ты не против?

— Против? Жамэ! Но ты-то, по-моему, уже по инерции, а? — сказал Лопатин и зашлепал по паркету босыми ногами к шкафчику, достал графин с водкой, желтеющей лимонными корочками, налил в рюмки, глянул вприщур на Васильева легкими умными глазами.— Посошок, что ль? Бедным каликам переходим. Так, что ли, Володя?

«Нет, такое не может быть по инерции, мне не хочется пить,— подумал Васильев, взяв рюмку, стараясь как через мешающее препятствие понять, когда остроту, прежний интерес его к жизни стало подменять душное беспокойство, подкрадываясь приступами и посасывая в груди нефизической болью.— Что ж, это началось не сегодня и не после ухода гостей. Нет, все началось несколько месяцев назад, в Венеции, в дни той поездки вместе с Марией...»

— На посошок, Саша.

«Если бы... смогло помочь это дьяволовое зелье!..» — подумал Васильев, испытывая страх перед неотчетливой болью, похожей на отчаяние, на предупреждение о чем-то смертельном, страшном, могущем произойти с ним и Марией, что впервые так ощутил он в той поездке прошлой осенью.

— Каково, понимаешь ли ты, пить с тобой накануне утра, а? — сказал Лопатин и шумно пыхнул сигаретным дымом.— Да еще горькую. Да еще зенки не продравши. Ну, давай, давай пригубим!

И, почесывая одной босой ногой щиколотку другой, чокнулся с Васильевым, выпил, громко фыркнул носом и прошел во вторую комнату, спальню, заскрипел там дверцей шифоньера, одеваясь, крикнул оттуда:

— Послушай, Володя, дружище, не исключай и встречный план: на углу схватить такси, домчаться до Ярославского вокзала, взять билеты на любую поездку, сесть в теплое купе с уютной бутылочкой, которую я захвачу, и... на милый север! Куда-нибудь в провинциальный городишко денька на три! К соборам, к сугробам под ставнями, к галкам на розовом закате. А? Чудесно, старина... Ты вспомни, что такое северный русский провинциальный городишко зимой! Утром мы его можем увидеть во всей белой прелести! И без всякой московской философии! Какая грусть и свобода, дружище, поселиться где-нибудь в исторической паршивой гостинице!

Васильев, как-то успокаивающе обожженный и рюмкой водки на лимонной корочке с примесью, видимо, неизвестной травки, и добротным окающим гудением грубоватого голоса Лопатина, готового без долгих сомнений поддержать любую идею его, будь она самой неблагоприятной, молчал и думал, что еще в жизни не все потеряно, если есть на свете любящий его Лопатин, много повидавший и понявший.

«Да, да, он любит в моих слабостях свои слабости, свой бродяжнический размах и свою полную раскованность,— соображал Васильев, вытягивая ноги на диване в расслабленности.— Но ведь я не свободен. И даже наоборот: не хочу быть свободным в понимании Лопатина. Я по-прежнему люблю Марию, и это уже не свобода. И этой несвободы я хочу больше всякой свободы. Любовь к ней?.. Может быть, никого я уже не люблю, а осталась только эгоистическая ревность? Но что между нами началось?»

— Скучаю я по русским северным город-

кам,— загудел Лопатин, входя в комнату и расправляя бороду поверх толстого, грубого, ручной вязки свитера.— Не тот комфорт, не тот кафель, а неповторимое колдовство... не сравнить ни с какими западными красотами. Чего стоит одна стеклянная тишина в малиновом инее утра! Потом мороз, солнце, белизна. Дымящиеся проруби в толстом льду реки с сохранившимися кое-где баньками. И красивейшие русские женщины с ласковыми голубыми глазами, с ума сойти можно от одной певучей речи их!.. А? А на закатах, брат, порой сказочных, только окошки багровым отсвечивают да целыми стаями галки мельтешат над ветхими колоколенками. Помнишь, как мы отменно посидели с тобой неделю под Новгородом? Там тоже кое-где еще остались островки Руси, слава богу.

— Не хочу, Саша, никуда,— сказал Васильев.

Он вспомнил позпрошлогодную поездку в Новгородскую область, поездку внезапную, зимнюю, тоже ночную, мысль о которой родилась в «Арагии», когда обмывали вторую премию Васильева, поездку вынужденную, не совсем трезвую, равную бегству от утомительной московской суеты, праздной нервозности, связанной с телефонными звонками, поздравительными телеграммами, письмами, бесконечными забегами в мастерскую целых компаний художников с несомненной целью и поздравить и выпить. Вот тогда и возникла надежда на спасительный уход в тишину, скрипучий снег, чистый морозный воздух, пахнущий древностью, заиндевелым деревом, сладким покоем и прочностью белого камня, вынужденное бегство от разгульного сумасшествия в тихую русскую зиму.

«Бегство, бегство, все время я куда-то бегу. Куда? — подумал Васильев, морщась.— И сейчас бесцеремонно пришел к Александру, зная, что он простит мне все, взбаламутил его и себя...»

— Так взять мне, Володя, на всякий случай чемоданчик? — серьезно спросил Лопатин и выдернул из-за груди книг потертый полусаквояж-полупортфель, показал его Васильеву.— Тот самый, с которым мы ездили. Белье, вино, зубные щетки, бритва... Остальное покупается на месте.

— Никуда не хочу, Саша. Даже в Замоскворечье. Никуда, Саша... — сказал вдруг хриплым голосом Васильев и откинулся на диване с выражением предельной, почти обморочной усталости.

И Лопатин ядовито вскричал, вздергивая плечами:

— Вот те раз! Как «никуда»? Совсем никуда? — Он хохотнул раскатисто.— Какого хрена ты заставил меня одеться в походную робу? Семь пятниц на неделе, искуситель ты несуразный!

— Прости, хочу побыть у тебя немного,— сказал Васильев, закрывая глаза.— Я соскучился по тебе. Мы долго не виделись. А я устал что-то очень.

Лопатин без единого слова отбросил полусаквояж в угол, после чего сел с неопределенным крахтением на кипу связанных веревочкой старых газет и сказал наконец:

— Не видел я тебя вроде бы месяца полтора. Так вроде? Как ты, Володенька, поживаешь в последнее время?

— Слава богу, не дай бог,— ответил Васильев, открыл глаза, засмеялся и потянул из пачки на столе сигарету.— «Дукат» я когда-то курил в студенческие годы. Дешево и зло. Не сигареты, а горлодеры.

— Не работал, Володя?

— Нет.

— Что так?

— Не работается, Саша. Уже давно. То есть мазал немного, но все не то...

— В связи с этим восторга не испытываю и в воздух чепчик не бросаю! Не хочется и лень или искорки нет?

— И то и другое, Саша. И даже третье. Об этом не хочу. Лучше покурим твой студенческий горлодер.

— Ладно, я замолкаю. Давай-ка лучше покурим, если не хочешь выпить. А дома как?

— Слава богу...

— Не дай бог,— договорил тоном усмешки Лопатин и, вроде отрезая необязательный разговор, не требующий никакого умственного усилия обоих, спросил строго: — Можешь, ко-

нечно, Володя, послать меня подальше, но ответить на один вопрос: ты не болен? Нет?

— Я не болен,— сказал Васильев и со сморщенным лицом потер лоб.— Хотя никто не знает, кто болен: он сам или тот, кого принимает за больного. Вот, например, с точки зрения вашей лифтерши, ты, конечно, псих и аномальный тип: бородища разбойничья, по дому и даже за газетами ходит босиком, курит вонючие сигареты и к тому же почти бездельник, тунеядец, ибо каждое утро на работу не ездит. Как? Не точно, скажешь? А, расхотелось...

Он не закурил, вложил сигарету обратно в пачку и, готовый, казалось, превесело улыбнуться, не улыкнулся, а, чуть хмурясь, вытянулся поудобнее, скрестил на груди руки и, было похоже, хотел задремать здесь, на этом удобном, теплом диване, в зеленом свете настольной лампы, среди уютного книжного хаоса, в квартире-мастерской Лопатина, под гулкие налетающие удары метели за окном.

Лопатин легонько тербел, разлохмачивал бороду, из дебрей ее торчала зажженная сигарета, с тревожной нежностью глядел на Васильева, будто нисколько не осуждая его за непоследовательность, но намеренный пенять до конца, что хочет он, что ждать от него в следующую минуту, и Васильев не без раздражения почувствовал это чуткое, наблюдающее внимание, и морщинка возле губ передернула его лицо.

— Ответь, Саша,— проговорил медленно Васильев,— тебе знакомо чувство ревности? Не анахронизм оно, а? Прости за глупый вопрос...

— Названное тобою чувство знакомо всем,— иронически ответил Лопатин и подул сигаретным дымом на зеленый колпак настольной лампы.— Она, то есть ревность, не имеет ни пола, ни возраста, но часто вводит иных людей, охваченных ею, в состояние гневного возмездия и аффекта, смотри Отелло и сотни судебных дел об убийстве жен и мужей, а иных — в зубную боль, в депрессию, в состояние нечеловеческой муки, что хуже всякой пытки, ибо конца ей нет. Какова причина вопроса, Володя?

— Я тебя спрашиваю, тебе знакомо? — повторил Васильев и, приподнимаясь на локте, всмотрелся в лицо Лопатина.— Лично тебе? Ты же был женат на красивой женщине в конце концов.

— Мою бывшую жену я сперва абсолютно не ревновал. До тех пор, пока она не стала ночевать у так называемых подруг... Ну, тут я познал страдания ревнивца, и тут я готов был убить всех этих подруг и себя. Я рычал в бессилии, как стареющий лев, и метался по городу в поисках ее!.. Идиотское было время! Но она — особ статья. Елена была просто милая, пресыщенная потаскушка. Сейчас я свободен, дружище, понимаешь ли ты. Свободен от женщин и любви, а значит, и от ревности. Брак, Володя, мешал мне, как... пудовые кандалы, как гири на ногах. Надо полагать, я не создан для семейных сантиментов. Для меня была сущая каторга: капризы, упрёки, обязанности супруга и не то сделал, не то купил, выпил лишнюю рюмку, обкурил, понимаешь ли ты, всю квартиру и тому подобные воспитательные удобства и бытовые детали.

— Я ревную ее, наверно,— очень тихо сказал Васильев, слушая и в то же время совсем не слушая Лопатина, и, заложив руки за голову, договорил неестественно спокойным голосом: — Это и есть медленная пытка, Саша...

— О, прости, ради бога.— Лопатин удивленно не то застонал, не то замычал и, подавляя эти невнятные звуки кашлем, гулко спросил: — И давно?

— Что давно?

— Ну... твоя пытка началась? Когда почувствовал... эти самые симптомы?

— Спрашиваешь, как будто врач.

— Как твой друг.

— Я почувствовал это в Венеции. Почему в Венеции, объяснить не могу. Впрочем, там многое произошло, Саша. Со мной. И с нею. Нет, ничего не случилось. Все как было. Но что-то произошло...

— О господи, прости меня, дурака глупого, но понять тебя трудно, Володя.

— А ты думаешь, я все понимаю?

Продолжение следует.

¹ Никогда! (фр.).

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

С берега традиции, каждый народ стремится сохранить себя, свои собственные психологические, нравственные начала, неповторимое лицо, нрав и обычай. Свою душу, процесс сложен, длителен, многообразен. Но всегда в нем сокрыт заповедный смысл, сокровенное зерно. Из поколения в поколение народ передает по наследству то лучшее, самобытное, что в его облике, морально и даже внешне, не должно быть утрачено, свою культуру, интерес к жизни, участие в радостях и горестях родной земли.

Если сказать коротко, нет культуры без традиции. В многовековом ходе ее наследования народ продолжает эту культуру растить, развивать и обогащать.

В жизни народного искусства, принадлежащего нам, людям 70—80-х годов XX века, Людмила Зыкина стоит словно на особом, тут и прямое наследование сокровищ родного народа и создание новых богатств.

Людмила Зыкина, ее песни, простодушная и скромная, щедрая и яркая, многоцветная и содержательная... Много поведано о ней самой, начинавшей творческую биографию в рабочей клубной самодеятельности. И о редкой способности перевоплощаться в живой образ песни. И, конечно, о необычайно богатом голосе, его редких возможностях: размахе, красоте звучания. Быть может, только особую теплоту и доброту, самую человечность, вложенную в песню, критика не то что обошла молчанием, но и не подчеркивала как явно выразившееся направление песни Зыкиной, музыки Зыкиной.

Сегодня Людмила Зыкина — это уже не просто популярная, всем известная певица, появляющаяся на эстраде или на экране наших телевизоров. Сегодня у Людмилы Георгиевны Зыкиной, кроме основного богатства — ее собственного пения — есть еще и свой ансамбль «Россия». Есть даже, пусть небольшая, vocalная студия, где стажирется, оттачивает дарование интересная певческая молодежь: отличные яркие голоса получают свою неповторимость, свое звучание.

Нынешний ансамбль, а вернее, театр Зыкиной почти в полном составе в гостях у «Огонька». Начиная очередное заседание огоньковского клуба, мы предоставляем слово Нине Николаевне Соболевой, директору государственного республиканского русского народного ансамбля «Россия».

Н. Н. Соболева. У вас в гостях не просто Людмила Георгиевна Зыкина. Если сказать точнее, то это действительно театр Зыкиной. Сложился этот театр не сразу. Он рос и формировался в течение длительного времени. Все настоящее, наверное, само собой никогда не возникает, а требует настойчивости и отдачи сил.

Людмилу Зыкину слушатели, зрители знают и как певцу и как человека безотказного: сколько они просят, столько она и будет петь, не жалея себя, не стараясь поберечь свои песенные возможности. Тем, кто ее слушает, они кажутся безграничными, да, может быть, так оно и есть... Уже в ту давнюю пору, когда Зыкина, совсем еще молодая, вовсе не задумываясь о том богатстве, которым владеет, пела, как птица, всюду, где могла, — уже тогда в ней, в ее будущей судьбе принимали участие крупные композиторы России: Владимир Григорьевич Захаров, Анатолий Григорьевич Новиков... О Зыкиной знали и заботились, помогали ее росту выдающиеся певцы хора имени Пятницкого: Прокофьев, Зайцева, Подлатова... Они помогли укрепить и расширить музыкальный дар Людмилы Зыкиной.

С годами она обрела такую же, пожалуй, популярность и любовь, какими обладала в свое время одна только Русланова. Конечно, они совсем не похожи. Каждая из них остается сама собой и выражает только свое и только по-своему. Однако народ, особенно люди

пожилые все равно часто вспоминают Русланову, когда слушают Зыкину и аплодируют ей...

За два года существования наш ансамбль уже получил широкое признание в России, на Украине, в Узбекистане... Главная же наша награда — сердечная благодарность людей, слушающих музыку.

Теперь, когда у нас появился ансамбль «Россия», художественным руководителем которого и является Л. Г. Зыкина, творческие возможности многократно возросли... Уже несколько лет проводим фестиваль «Ярославские зори». Бываем в братских социалистических странах. У нас подготовлена специальная программа, которую мы посвящаем XXVI съезду партии, в которой песня прославляет великое братство всех свободлюбивых тружеников земли.

В. Ф. Гриндин, музыкальный руководитель ансамбля «Россия», дирижер, заслуженный артист РСФСР. Хорошо, что мы имеем возможность представить редакции и читателям журнала «Огонек» участников ансамбля «Россия».

Многие, вернее, почти все они, солисты. Все имеют высшее музыкальное образование. Все увлекаются композицией.

Коллектив уже прочно сложился, и наша общая музыка, которую мы создаем, объединяет и сплавляет нас, помогает переносить многие сложности постоянной кочевой жизни.

Наши концерты — это всегда необходимость серьезной подготовки, налаженности и стабильности рабочего процесса, четкая и ясная перспектива дальнейшего творческого развития.

Мне кажется, самое интересное в нашей работе то, что ансамбль наш ни на кого не похож. Эту свою непохожесть мы обеспечили именно звучанием нашей музыки. Мелодию в нашем оркестре ведут баян, домра, балалайка, гусли — старинные, истинно русские музыкальные инструменты. Есть у нас бубен, есть бубенцы и колокольчики, есть русские колотушки. Все это создает фон для ведущего, основного звучания, которое обеспечивают ведущие музыканты — братья Виктор и Владимир Калинин, Анатолий Соболев, Виктор Смолий, Виталий Нестеренко, Владимир Смоляничкин. Да и все наши музыканты заслуживают большой признательности!

Стремлясь создать свое лицо в музыке, мы учитываем особую важность каждого инструмента и каждой тональности, необходимых именно для нашего малого, камерного состава. Хотя при этой нашей камерности мы способны исполнять — и исполняем — настоящую большую музыку. В нашей программе, к примеру, такие серьезные сочинения, как замечательный «Русский праздник» А. Пахмутовой, «Звени, звени, златая Русь» Б. Троицкого...

Надо сказать, что все серьезные произведения всегда получают какую-то особую прелесть, особо прозрачное серебряное звучание — ту самую задушевность, которая определяет музыкальный облик ансамбля.

Наша программа народная и классична в одно и то же время. Она вбирает в себя и прошлую культуру и сегодняшний день. Поэтому она и воспитывает людей, рождая в них чувство прекрасного.

Л. Г. Зыкина, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии. Мы говорим сегодня

о традициях, о культуре, о человечности искусства песни и музыки.

Благодаря своему искусству народ всегда мог чувствовать себя не только умнее, но подчас и гораздо сильнее угнетавших его властителей, крепостников.

Я это знаю по преданиям. По рассказам своей собственной родни. Мне об этом моя бабушка рассказывала и пела, а ей об этом же рассказывала и пела ее бабушка... Очень древние корни у нашего русского искусства! Недавно же оно возросло Пушкина, Лермонтова, Глинку, Чайковского — да всю ту огромную культуру, которая всегда питалась от щедрот народного таланта, от чистейшего источника народной мудрости и душевности. Эта культура бессмертна. Ей не грозит забвение, пока живы люди на земле... Беда в том, что культурой можно пользоваться — и стали пользоваться — не только как средством высоконаравственным, но и как орудием злым, чужеродным, искажая и извращая это искусство, неузнаваемо подчас уродуя чистые, целомудренные песенные образы. Ведь иной раз диву даешься, слушаешь, как лихо подменяется тот или другой любимый народом мотив всяческими модными ритмами, броскими звучаниями... Так случилось, например, хотя бы с «Катюшей», замечательной песней, которая была особенно популярной в дни войны.

Я много думаю о жизни современной эстрады. Хотя бы уже потому думаю, что ведь и сама выхожу на эстраду со своим ансамблем «Россия», создание которого, кстати сказать, считаю счастьем для себя. Думаю, что и наши слушатели, зрители радуются тоже. Сама же я могу только с великой сердечной благодарностью к своему слушателю — народу — сказать, что лучшая награда за этот труд — всегда радостные, от всей души, встречи с людьми, любящими народную песню... Встреч этих на моем веку не пересчитаю!

Где мы только не побывали с концертами! Нет, наверное, такого места на родной советской земле. Очень хорошо, душевно прошла совсем недавняя поездка в Сыктывкар. Там ведь нет таких огромных концертных площадок, куда могли бы поместиться все желающие, поэтому случались концерты иногда и под палящим солнцем и под дождем, но все равно никого это не смущало. Даже интересной, сердечной становилась такие встречи... Недавно ездили в Узбекистан. Сколько же там создано народом нового! Сколько создано замечательных, прежде невиданных, нужных для жизни народа новостроек, неведомых в прежние годы... Все гастрольные концерты были для целых городов, строителей, тех людей, которые меняют даже и самый облик земли. Ведь страшно подумать, каким словом звали люди свою родную степь: Голодная... Теперь это другая земля — Богатая... Земля большой

С поклоном принимает Людмила Зыкина хлеб-соль родной земли.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Раздольная песня — подарок людям. И раздолье вокруг...

Фото М. САВИНА

культуры. Земля — для людей. Видеть это было счастьем. И мы давали концерты прямо в огромном котловане. Там и устроились слушатели — более 12 тысяч... Скажу, что для пения в этом котловане были не самые лучшие условия: признаться, трудно было петь. Но радость людей — вот самое великое вознаграждение! Поэтому-то мы и впредь будем выступать где угодно: на примитивных подмостках в степи, на крохотной самодельной сцене деревенского клуба... Хотя думаю, что наша подвижность, мобильность, огромное стечение народа — все это скорее некая количественная категория. Много поездок — значит, много и слушателей. Но пришло время, и нам понадобилась категория более высокая — концертная. Пришла пора, когда надо было создавать свой ансамбль. Баян — этого нам стало недостаточно. И вот теперь мы работаем с ансамблем «Россия». Это коллектив талантливых и неутомимых. А для нас эта неутомимость, эта способность работать, если надо, так и по два раза на день — способность очень ценная!

Молодежь, всегда бегущая за модой, взрослеет. Боико крутящиеся под джаз парни и девушки становятся отцами и матерями: сама жизнь дает человеку и его судьбе иное наполнение. И как ни различны все наши судьбы, в них есть явления неизменные — для всех общие и тем самым в своей простоте великие. Рождение и смерть человека, свадьба и похороны, встречи и расставания — человек выражает себя в такие мгновения своей жизни сполна, во всю силу своих переживаний, не скрываясь, поскольку верит в людей, в их отзывчивость и сочувствие... Поэтому люди и любят старину.

Например, всем известная «Степь да степь кругом»... Ведь если разобраться, это — сказание, даже эпос, а не просто образ гибнущей

лорный ансамбль. И даже это «простое» причитание, каким оно кажется, тоже поется совсем не так уж просто. Это не копия с натуры. Тут требуется и тончайшая мелодия и свои хрустальные оттенки — мелизмы, свой сложный внутренний ритм, превращающий явление фольклора в гармонию, в явление искусства. В музыку особую, полную не только силы человеческого переживания, но еще и силы музыкального воплощения, которой изумлялись и учились у народа Глинка, Мусоргский, Рахманинов... Ведь благодаря этому они и создавали свою музыку, сочиняли то, что становилось классикой. Например, знаменитая рахманиновская молодка — да она прямо из живой жизни взята и вся, как есть, перенесена в классику со всем своим задором и притворством, испугом и сокрушением:

Велилицы, румяницы вы мои,
Сокатитесь со бела лица душой,
Едет, едет мой ревнивый муж домой...

Не только слышишь, но, кажется, и видишь эту озорницу.

Вот в этой правде жизни и сказывается великая сила искусства настоящего. Преходящие же песни-скороспелки пусты и недолговечны: они как рождаются, так и умирают, прожили иногда два-три исполнения, не более того. Жаль, что много их сегодня. Создается впечатление, что они стараются утвердить себя если не качеством, так хотя бы количеством, но все равно остаются всего лишь эрзацпеснями, эрзац-музыкой...

Мы стараемся вкладывать в музыку глубину и силу чувства, пережитого народом. И оно открывается всякий раз как бы заново. Иногда это называется восторгом творчества. Думаю, что можно назвать проще. Это желание для людей, истинно народная манера исполнения истинно народной же музыки с ее

Н. Н. Соболева, Л. Г. Зыкина и В. Ф. Гридин в гостях у «Огонька».

Фото М. Савина

го в глуши человека. Это дружба и верность, наследуемая народом, сердечная сила, глубина чувства... Любовь — то свою ямщик, умирая, «с собой унес»!

В последнее время я стала собирать и петь плачи, сказки, причитания... Собираю их потому, что в них увидела поэзию — огромную силу переживаемого чувства. Вот послушайте, как звучит, например, вдовий плач, горькие слезы молодой осиротевшей солдатки:

Да расступись же ты, мать сыра-сыра земл!
Да отдай ты мне мою суженого,
Мою Ванюшку, да любимого...
Да и годика мы не прожили —
Не увидел он своего дитятка!
Ах, война же ты, распродилата,
Ты распродилата да горбатая,
Сколько горошка принесла ты нам —
Все лежат во тьме, во сырой земле.
Да пойду я в народ и скажу я всем:
Не оставьте меня, люди добрые,
А я выпрямлю плечи девичьи,
Саму выращу своего дитятка,
Своего Ванюшку ненаглядного...

И опять кажется — куда как просто! А невольная слеза закипает в груди. И люди это «уствуют». Но тут уже сказано: мы не фольклорный ансамбль.

Вступает ансамбль «Россия».

ИМРАН КАСУМОВ

ВЫСОКОЕ
НАЗНАЧЕНИЕ

ВЫСОКОЕ
НАЗНАЧЕНИЕ

И ТРУД

У нас в стране и за рубежом хорошо известен роман Имрана Касумова и Гасана Сендбеги «На дальних берегах». Книга эта переведена более чем на двадцать советских и иностранных языков, выдержала пять изданий на азербайджанском и семь на русском языках, общий ее тираж исчисляется в миллионах экземпляров. Был снят одноименный фильм и сделана инсценировка, поставленная во многих театрах. И интерес к этому произведению не ослабевает, потому что посвящено оно одному из славных сыновей азербайджанского народа, художнику и лингвисту, героически погибшему в боях с фашистскими захватчиками под Трестом, Герою Советского Союза Мехти Гусейнзаде.

Более двух десятилетий разделяют роман «На дальних берегах» и новую книгу народного писателя Азербайджана, лауреата Государственной премии АЗССР Имрана Касумова «Высокое назначение». Эта книга представляет нам известного писателя и драматурга еще в одном жанре — жанре публицистики. В документальных повестях «Французский голубь», «Азербайджанская мозаика» автор проследивает судьбу героев своих ранних произведений, продолжает взволнованный, страстный рассказ о борцах движения Сопротивления во Франции, Италии, Югославии. И читатель безоговорочно верит голосу писателя. На суше, в море и в небе — всюду меня незримо сопровождает мой сверстник и литературный герой, отважный разведчик итало-югославского движения Сопротивления Мехти Гусейнзаде, которого по всей Адриатике любят и помнят под именем Микхайло. С каким достоинством он выполнил свой долг...

Тому, как понимают и выполняют свой долг рабочий и писатель, композитор и хореограф, тому, как трудятся они каждый на своем поприще и как благодаря их труду расцвел Советский Азербайджан, и посвящена новая книга публицистики И. Касумова. Где бы мы ни побывали с автором — на морских нефтяных промыслах или чайных плантациях, в цехах современного завода или в цветущих садах — мы ощущаем то главное, ради чего создавалась эта книга: поэзию ежедневного и незаметного труда и поэзию вдохновенного трудового подвига. Как пишет Касумов, «итог этого труда, поднятого на вершину самой высокой поэзии, стал мерлом бытия каждой сферы приложения человеческих сил».

В ярких эмоциональных зарисовках о выдающихся деятелях культуры нашего времени Самеде Вургуне, Египе Чаренце, Романе Кариме, Кара Караеве, Чингизе Айтматове или в четких, насыщенных актуальными вопросами сегодняшнего дня рассказах о нефтедобытчике Исрафиле Гусейнове, строителе Артеме Мирзояне, токаре Александре Кочеткове писатель убеждает, что становление личности всегда происходит «с обязательным вторжением... большой поэзии». И нельзя не согласиться с Касумовым, что лирическое стихотворение Самеде Вургуня:

Пока любить и петь я мучим жадной,
Пока живой, теплом земли дышу,
Я жизнь продлю в ее мгновениях каждой,
Мне некуда спешить,
Я не спешу...

иногда может играть «большую роль в воспитании чувств, чем длинная рифмованная проповедь банальных истин, а найденный в веществе мешке павшего солдата стих Есенина — не меньшей степенью обаяния и природу его самопожертвования, чем стихотворный плакат в землянке, из которой он вышел на встречу вражескому танку».

Старая азербайджанская пословица гласит: «Хочешь познать человека, отправляйся с ним в дорогу». Наверное, потому и остаются в нашем сердце герои новой книги Имрана Касумова, что почти каждого из них он узнал в дороге, потому что сам автор вместе со своими героями всегда в пути, в вечном творческом поиске.

М. СЕРГЕЕВА

Имран Касумов. Высокое назначение. «Советский писатель», М., 1979, 224 с.

Встреча в «Огоньке» закончилась концертом народной песни и музыки.

Алексей МАРКОВ — автор широко известных исторических поэм «Ермак», «Михайло Ломоносов», «Пугачев», «Ильич», которые увидели свет на страницах нашего журнала. В последние годы А. Марков разрабатывал тему декабристов. Результатом этого явилась поэма «Кондратий Рылеев», которую редакция «Огонька» предлагает вниманию читателей.

К О Н Д Р

Алексей МАРКОВ
ПОЭМА
Рисунки А. ЛУРЬЕ

Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода.

Я. Полонский

Вступление

В стране забитой, где от века
Был беззаконием закон,
Был угоден человеку,
Как лошади, сырой загон,
В стране сиятельных монархов,
Где правили жестокость, ложь,
И под цветущим пышно страхом
Пред сильным била слабых дрожь,
Где от рожденья были правы
Присвоившие цепь и кнут,
Украшены четами славы,
Раз не по истине живут,
Поэта жребий — быть героем,
Щитом народа своего,
Стоять надежною горою
За благоденствие его
И чувствовать позор в покое,
Когда задвлена страна.
...А коль не так, чего же стоит
Поэта жалкая струна!

...Упали с виселицы трое:
Веревки адруг оборвались.
Во все века,

случись такое,
Закон и Бог даруют жизнь.
Даруют, только не в России,
Где кровь — вода, а песня — стон,
Где слыну головы сносили
Под мирный колокольный звон.

Вопил в испуге Голенцев*:
— Веревки новые скорей! —
И, с ног сбиваясь, всюду ищет
Веревки свора палачей.
Шептаться стали понемногу
Конвойные солдаты тут:
«Как видно, не угодно богу.
Уж больно тяжок царский суд!»
Разбрызг надбровье от паденья,
Рылеев, сложенный вкопец,
Вдохнул:

— Какое невезенье
И в этом испослал Творец! —
Шепнул невинно, еле стоя:
«Нелепо получилось так...»
И видно было: кровавое
Пятно окрасило колпак.

...«О человек, ты мне отвратен.
Скорее жалкий страх отбрось! —
Заговорил с собой Кондратий. —
Восстанью не ты ли гвоздь?
Иль, может, кто другой Россию
Встряхнул от сна «временщика»?
Катились гневом налитые
Твои слова, как снежный ком!
Иль духом чести

«Войнаровский»
Не полнит русские сердца!
Или не ты куплетом хлестким
Чинишь разил верней свинца!
И даже Пушкин сам воскликнул:
«Так не воспеть мне Ермака!»
Ну что же ты главой поникнул,
Кондратий-свет? Ты жия пока!
Ты шел к подножию эшафота,

* П. В. Голенцев-Кутузов, генерал-губернатор Санкт-Петербурга, руководил казнью декабристов.

Как на последний бой идут,
И, может, разбудил кого-то
В веках, которые грядут!

И отыскал Рылеев силы
Отбросить слабость, что несем
Наследством материнским милым,
К нам перешедшим с молоком.
Возвысил голос, да с ухмылкой
Другой Рылеев, Гражданин,
Монарха обличавший пылко,
В империю вбивавший клин:
— У государства и веревки
Насквозь прогнившие, видать! —
Пытался жестом он неловким
Петлю оборванную снять.
...— Веревки новые скорей! —
Крик Голенцева в ушах.

Рассвет июльский зноем вял,
Витал над Петербургом страх...

(Потом Волконская расскажет,
Приехав в снежную Сибирь,
Как был он до конца бесстрашен.
Покажется и вдали и в ширь
Рылеевский сарказм прощальный.

А может, слово то изрек
Другой в тот смертный час
Фатальный,
Когда за нас глаголет бог!
А может быть, и так: княгиня,
Чтоб не сложила честь крыла,
В глухую снежную пустыню
Свою легенду привезла!
Но, услышав ее, впервые
Побрились декабристы все
И, непреклонно молодые,
Предстали в горестной красе!)

...— Веревки, злыдни, поскорей! —
Звучал в ушах асе тот же визг.
Стояли трое, холодея,
Молчаньем прожоя жизнь...

Кондратий жил от боя к бою.
Возможно ли идти вперед
С повернутой назад главою?
Воспоминанья — старцев мед.
Все как-то часу не хватало
Судьбы изныть осмотреть,
И вот теперь, когда предстала
Пред ним неотвратимо смерть,
Случилось время оглянуться.
Картинки пройденного жгут,
Воссоздаются, снова рвутся...
Вся жизнь —

за несколько минут.

Картина первая

ПОГРЕБ

Ах, годы детства —
Сладки до дрожи.
Вы — как для теста
Живые дрожжи!
Заря смеялась,
Мели метели,
А мать склонялась
У колыбели.
...Судьбы начало
В забавные токет,
Оставив смалу
След на ладони.
И ворожен
По ней гадают,
Слов не жалея,
Судьбу пытаются.

А разве в сердце
Не остается
Наследие детства —
Туман и солнце?
До слез хочешь,
Поешь, развишься,
Но плачут очи,
Коль приглядишься!
Бывает: плачешь,
Видать, досталось, —
В глазах же скачет
Блажая радость!
Вы говорите:
— Такой-то злобен!
Нет, след событий
Залег над бровью,
На лбу до срока
Залег усталое.
Не став жестоко
Поступкам баллы!

Закрыв глаза, чтоб видеть ясно
Картину детства своего:
Лампаду, что в углу не гасла,
Сны навеяла на него,
У ног пригравшую кошку,
Клен, шелепящий под окном,
Слугу заботливого Прошку
С бородкой, пахнущий вином...
Отца с железною походкой,
Как будто родом не мужик.
А вот мамаше, нравом кроткой,
Под общей крышей страшно жить!
Чуть что, и по лицу наотмашь!
Скрывая боль, молчит она...
— Ой, мам! Папочка...

Детеныш
Кричит, не зная, чья вина!
Да есть она ль на самом деле?
Хватала мать в часу ночном
Малышечку сонного с постели,
Чтоб им прикрыться, как щитом,
От кулачища заслониться...
— Ой, мама, мамочка! — вопил
Малыш испуганною птицей.
...Родитель умирал свой пыл.
(Был не удал Рылеев-старший.
Ему по службе не везло,
В поместье — непорядок страшный,
И вот срывал на ближних зло!)

В незрячем гневном бросит в погреб
Жену, закроет на засов.
Порой неделю на запоре
Сидит. И кто услышит зов?
В холодном доме дети плачут,
Зовут, испуганные, мать,
Отец в полях с брызгами скачет,
Чтобы на зайцах зло совал!

— Маман, я не люблю папшу! —
Кричит малышка через дверь.
Увещевает мать Кондрашу
Из погреба: — Ты мне поверь,
Коль родителя не будешь
Ты уважать, накажет бог.
Вот подрастешь, тогда рассудишь,
А нынче — мал еще, сынок.
И все же малышку казалося:
Нет хуже рабства ничего! —
Уже натура прорезалась
С зубами вместе у него!
Укрывшись с головой, в постели
Он думал, думал без конца:
Зачем же терпит в самом деле
Она жестокости отца!
Мог сделать заикой, право,
От сцен домашних мальчуган,
Но матушке-природе слава,
Целительнице детских ран:

С годами выправилось дело.
И если загорался он,
То речь бесстрашием кипела:
Он правым гневом вдохновен!
И все же тут отметить к стати,
Что ни сейчас и ни в конце,
Не скажет никогда Кондратий
Плохого слова об отце.
И даже ежели кто-либо
К нему являлся с добротой,
Он говорил тому: «Спасибо!
Ты словно как отец родной!»

Не все, однако, было худо
В наследном детстве малыша.
Сейчас ему казалось чудом,
Как осень шла, листвою шурша,
А зимние салазки, горка,
Летающий снег, искристый смех...
Ей-богу, забывалась порка,
Он думал: так же лупят всех.
Бывало, прибегает с речки,
В руках промерзлые коньки,
Прижмет ладони к теплой печке...
В глазах задорных — огоньки.
Дрова стреляют домовито.
За стол садится мама: «Ешь!»
Отнекивается: — Я сытый,
Наелся черной кашей!

— Где ж? —
Мать добивается упорно.
— У деревенских ребятни!
— Отец узнает, будет порка:
Дворяне мы, а кто они!
— Мне с ними весело... —

Со вздохом
Припомнит мальчик прошлый год.
Как летом славно за горохом
В чужой залезли огороде,
Кораблики в ручьях весенних,
Физалкой пахнущих ручьях.
Зима, весна... Без этой смены
Душою русский бы зачал!
Рыбалка радостная летом,
Купанье в солнечной воде.
Скажи по совести, ну где ты
Найдешь такое в мире? Где!
Не камин города — Отчина,
Какая в этом камне жизнь?
Тут верба листиками брызнет,
Да так... Гляди, не развезишь
От счастья терпкого, что можешь
Простором звончатым дышать.
Клик журавлей, сердца тревожа,
Летит под Петербург опять.
Он, наверное, на русском,
На чистом русском говорит,
Иначе не было б так грустно
И так-то весело, Кондратий!

О, это гречневое поле,
Медовое гуденье пчел!
До жарких слез, до сладкой боли
Люблю тебя, зеленый дол!
Но эту радость убивает
Тоска соломенная крыш:
Под ними счастья не бывает,
Там царствует неволя лжи!
Там прятят крепостными розги,
Там смеют торговать людьми!
За слово, сказанное броско,
В Сибирь отправят, черт возьми!
Вельможам издавна отродно,
Когда безмолствует народ,
Вернувшись к пращурам обратно,
Вновь обраться в рабочий скот.
Работай до седьмого пота,
Ни сна, ни отдыха не зная,
А для кого-то, для кого-то
На косточках на наших — рай!

РАТНИ Ы ЛЕВ

Но — никакого оправдания
И обезволенным ребятам:
Взрают робко, по-бараньи,
На муки: «Что же делать нам?»
Наденут на Петра колодки,
Дерут Ивана батогами,
А Федор драчу не станет глотки:
У всех одна судьба кругом!
Когда-нибудь картина детства
В рылеевский вольется стих.
Тиранам нигде не деться
От строк свинцово-громовых:
...«Забыв вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть может, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вековые оскорбления
Тиранам родины прощать
И стыд обиды оставлять
Без справедливого отщепеня —
Не в силах я: один лишь раб
Так может быть и под и слаб.
Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков?..
Нет, нет! Мой жребий: ненавидеть
Равно тиранов и рабов».

Картина вторая

ГОВОРЯЩАЯ СТЕНА

Любые в детстве раны
Затянутся. Не плачь!
Лечило б постоянно
Их время — лучший врач!
Но если сыпать соли,
Покою не давать,
Всяк закричит от боли,
И света не видать!
Хочу земным владыкам
Я высказать в укор,
Что истинно великий
Не тот, чей грозен взор,
А тот, кто правдой греет
Уставшие сердца,
Кто больше хлеба сеет
И менее — свинца!

Но вот промчалось детство,
Покинут отчий кров.
Кондрат в шинель оделся
Всего шести годов!
Кадетский старый корпус
Увидеть довелось.
Торчал напротив, горбясь,
Исаакиевский мост.
Под ним — Нева в сугробах,
Береговой гранит,
Орут вороны скопом...
Не из веселый вид!
Кадетский корпус старый!
Усатых нянек злость.
Во мраке дортюары,
В которых не спалось.
Наказывали дерзких
Со строгостью всей...
Но в корпусе кадетском,
На счастье, был музей.
В музее воспевались
Деяния Петра,
И вызывало зависть
Российское вчера.
Реликвии русской славы,
Былой отваги свет —
След правых и неправых
Но доблестных побед.

На разные штандарты
Поверженных врагов,
Биты отзвучавших карты

От финских берегов
До берегов турецких,
На шпаги, палашки
С пылкостью недетской
Глядели малыши.
О русской бранной славе
Здесь стены говорят.
Когда-то здесь Державин
Читал свой «Водопад»,
Горячий Сумароков
На сцену выходил,
Гекзаметром высоким
Российский дух будил...
Забудется ль Херасков,
Наставник юных муз,
Всегда умен и ласков,
На похвалы не густ!
Вот этим коридором,
Не богатыри на вид,
Сам проходил Суворов,
Еще не знаменит.
Слагать стихи любил он,
Поэтом стать хотел,
Но жизнь ему сулила
Совсем другой удел!
Румянцев легендарный
Учился в прошлом тут.
...Был, верно, и трус, и плут,
Но о таких, пожалуй,
Не стоит говорить:
Их было, кстати, мало.
Они успели забыть!

При корпусе кадетском
Сад многолетний. Он
Оградою чудесной
Надежно окружен.
В премудрых изречениях
Высокая стена.
Науку с развлечением

Могла сочить она.
Багаж веков бесценный —
Охапки знаний несть,
И «говорящей» стену
Недаром звали здесь.
Пословиц русских строчки,
Латинских фраз каскад
Откладывались прочно
В сознание у ребят.

При выпуске кадетам
Те мудрости дают
В тетрадошке, чтоб где-то
Достал... И вдруг уют
Отечества повеет...
Ах, детская страда!
В сознание, как в музей,
Событий череда.
И где-то на привале
Бытлый офицер
Чрез годы с той скрижали
Вдруг приведет пример:
«Жизнь творец обдумал.
Есть в ней мрак и свет.
Не суди угрюмо
О цене побед».
И вот пройдет усталость,
Вздохнет свободно грудь.
Передохнувши малость,
Готовы снова в путь!
...В компании зостальной
Давно уж не кадет
Варуг вспомнит и невольно
Десяток сбросит лет:
«Вот в мире истины верней:
Чем день короче — век длинней!»

«На неслетавшие слова
Имеешь полные права,
Но ежели слетят они —
Тогда попробуй догони!»

«Закон неизблемый для всех:
И созерцать опасно грех!»

«Слить правдолюбцами мы рады,
О мужестве приходят сны,
Но говорим друг другу правду,
Когда друг другу не нужны!»

«Да, мудро поступил господь,
Свои создания любя:
Нас обращая в дух и плоть,
Не дал познать самих себя!»

«Грехи, подобием огня
Вы мне сжигаете нутро
И понуждаете меня
Творить без усталости добро!»

Промчится много-много весен,
А ты опять, как ученик...
Гляди, урок учитель спросит —
Споткнется в робости язык.
Но за тобой идет по свету
Та «говорящая» стена
Подсказкой бывшему кадету
На все худые времена.

Казалось в корпусе кадетском:
Россия прошлого — добро,
И с непосредственностью детской
Ей славу пела детвора.
...Конечно, и в годах минувших
И слякоти и лужи полно,
Но... позабыты эти лужи,
Ушли из памяти давно.
Сияет в прошлом только солнце,
Что грязь и лужи извело.
Неведомо, как отзовется
Тобой испытанное зло!
...Но этого Кондратий-отрок
Пока еще понять не мог.
Историю он славил бодро
И русский боевой клинок.
Он клялся: если император
Его пошлет на смертный бой,
Свой долг российский солдата
Исполнит, жертвуя собой.
Он верил: если бы монарху
Помочь, то был бы награжден
Любовью общей, а не страхом
Российских патриотов он!
Вот жаль: угодливых приблизил,
Ключих нравом отдалил!
Вольготны с ним одним подлизам,
А честным — бельгий свет не мил!
Кругом шпионов понаставил.
Доносчикам и прочей тле
На красный стол пирог поставил.
Плодит сорняк он на земле!

Душой привител иностранцев,
В рот пожирнее сунул кус:
«Должны вы в зоркости стараться,
Все слушать и мотать на ус!»
И наматывают на Руся!

Проматывают,
Пожалуй, всю святую Русь.
Потом, глядишь, и след растает.
Другой распутывает пусть!

...Когда-то корпусом кадетским
Кутузов правил всей душой,
И это подтвердят гвардейцы
Разбитой армии

чужой.
Выигрывают вечно войны
Не кто-нибудь, учителя:
В душе разбухшие волны
Врагу пощады не сулят!
...Легенда есть о Бонапарте:
Он чернокожицу спросил,
Склонившись у военной карты:
— Близка ли победа на Руси?

— Там ждут тебя одни утраты,
Разгром, бесчестье и позор! —
В ответ услышал император.
Вперил глаза в глаза в упор:
— Российское оружие выше?
— Ничем не выше, — был ответ.
— Иль воин Франции пожизне,
Чем их?
Гадалка снова: — Нет!
— Слабее, может, офицеры,
И с ними Я, Наполеон?
— Храбры они, а вы — без меры!
— Так что ж тогда? — взбесился он.

— Поэты русские сильнее!
 ...Был смехом оглашен дворец.
 От смеха чуть ли не синяя,
 Он грохотал. Смолк наконец.
 — Искуснее владеют шпагой?
 Из пушки каждый бить мастак!
 Столь поэтической отваги
 Не ожидали мы никак!
 Не Франция ль — страна пинтов?
 — О, да. Но в русской стороне
 Им силу придают обиды,
 Великий всенародный гнев! —
 И, помолчав, рекла сурово:
 — Сильней нет в мире ничего,
 Чем слово, праведное слово,
 Лишь словом победишь егип!
 ...Возможно, выдумка все это,
 Такой не велся разговор,
 Но мы-то знаем, что поэты
 На деле значат с давних пор.
 От генерала до солдата
 В той кровью залитой войне
 В любой душе Державин свято
 Стихом воинственным звенел.
 Любовью преданной к России
 Слова Жуковского неслись:
 — Вперед, вперед, орлы родные.
 Жизнь на коленах — разве жизнь?
 Рубите спесь Наполеона!
 Пусть видит вся Европа, вся:
 Не может Русь быть покоренной,
 Жить, иноземный гнет неся.
 А от крыловского красала:
 «Ты сер, а я, приятель, сед!» —
 Огонь вспыхивал в душе бывалой
 И зажигался веры свет.

Как с материнским молоком
 Любовь к родной земле дается,
 Так в школе, где к доске встаем,
 Любовь к Отечеству куется.
 И как же Клигнер, немец злой,
 Директор корпуса кадетов,
 Мог перелить детишкам свой
 И опыт и печаль поэта!
 А он поэт был, Гете друг,
 Да, Гете. Уж куда красивей!
 Но оказался слеп и глух
 К привставшей его России!
 Стихи в Германию он сплел,
 Россий, дескать, диковата,
 И уровень культуры мал
 У немцышек-азиятов!
 Когда-то в «Фатерлянд»¹ горел,
 Взывая к нацизму и буре²,
 А здесь немногочисленного
 Хотел: чтоб был корман его «в ажуре»!
 Он в школьных классах не бывал,
 Руководил на расстоянии.
 Тому он ставил вышший балл,
 Кто в ябде ретивой станет.
 Считал основой из основ
 В великом деле просвещения
 Совсем не силу мудрых слов,
 Не благородное внушение.
 А только розги, розги... Вот
 Что нужно темному народу.
 От песни сердце не замрет.
 Тут нужен бич, а не свобода!

...Стоял ребячий визг и вой
 В кадетских длинных коридорах.
 Иной висит вниз головой
 В рубцах и синяках от порок...
 Кондрашу каждый день секли
 За то, что не умел он плакать
 И что заставить не могли
 На одноклассников «накляпать».
 Потом лупили за стихи!
 Не признавая лиры русской,
 Герр Клигнер «этой чепухи»³
 Зачапки выбивал искусно!
 Без памяти собак любил
 С душой чувствительную Клигнер,
 Предупредитель и мил,
 Поил их молоком из крынки.
 В прыжке его касались щек
 И тонких губ. Уж как достанут!
 Он с ними был не одинок
 И говорил

на иностранном...

¹ Фатерлянд — отчизна, родина (нем.).
² Произведение М. Клигнера «Штурм унд бранн» дано название литературному направлению в Германии в XVIII веке.

Картина третья

ЕВРОПА

Война — потоки крови,
 И море слез — война,
 Война — пожар багровый,
 Проверка душ она.
 Все скверное, что было
 Морской волне под стать,
 Швыряет с вещей силой,
 Чтоб жизни чище стать,
 И предстает прозрачным
 Таинший подлец,
 Что к чину и удачам
 Из кожи вон пролез.
 Застенчивый и милый,
 Как девушка на вид,
 Француза что есть силы
 Мальчишка крошит.
 Вчерашний щеголь важный,
 Крутящийся пышный ус,
 О подвигах болтавший,
 Глядя, на поверку — трус!
 «Скупец!» — летело следом
 За бариним вчера.
 А нынче для победы
 Сдел кучу серебра!

Война — всегда проверка
 Супружеских сердец.
 — Графиня Эн у зеркала
 Не днюет наконец! —
 Шушукуются сводни.
 Им сплетни — сладкий мед. —
 Пред образом господним
 Челом усердно бьет:
 — Пускай любым вернется! —
 Молитвы шлет она.
 Откуда что берется?
 Что делает война!

...Рылеев в полевых погонах.
 В хомут армейский запряжен,
 Кадетский корпус отдаленно
 По памяти скользит, как стон,
 И где-то канет безвозвратно,
 Так тучка заслоняет свет...
 Двадцатилетний — пылкий,
 ...статный...

(Пора бы дать уже портрет,
 Как говорили в годы оны.
 А мы порою заняты
 Тем, чтоб словесным переизвоном
 Героя затенить черты.
 Не в состоянии молвить слова,
 Не выжве мысли из души,
 Шарая по словес бредовых
 Сердца наивные глуши.
 Строку называть не строки —
 Зарядка легкая, не труд.
 А критики — в рекламе доки —
 Хвеле «новаторству» несут.

Подхвачен шумом иностранным,
 Упешся шумом и своим:
 «Выдали! Он рифмует «странный»
 И «сонный»!»

И — несется дым
 В глаза читающей армии.

...«А вот еще — гляди-ка, друг!
 И надо же такое, надо —
 Какой секс-революций дух! —
 У деды — щечки-ягодички,
 По биссектрисе

...Пойдет подобное плодиться
 И вширь и вглубь.

Терпи, страна!
 В сердцах и ум ползет спиралью,
 Попробуй-ка не повторил!
 ...И вот уже спешит с моделью
 Любвеобильные юрии.
 О эта проклятая мода!
 Попробуй вышибить ее!
 Все то, что чуждо для народа,
 Сулит привольное житье!
 Бард безголос. Но был бы

хватам! —
 Купил японский микрофон
 И тоже стал лауреатом,
 И благами не обделен!
 Художник, что глаза и руки

Не научился рисовать,
 Плюет на творческие мук:
 «Новаторство» спасет опять!
 Нагородия кругов и линий,
 Картина даст название — «Взлет»,
 А уж друзья раздуют имя,
 Конечно, если повезет!
 Читатель-брат, прошу прощенья!
 Водоворот меня увлек!

...Итак, портрета продолжение...
 Рылеев узкоплеч, высок.
 Глаза, поставленные близко,
 Огромны. И тревога в них,
 И блеск ума, и смелость риска,
 И пламя замыслов больших...
 Неловок, тороплив в походе,
 И будней речи не мастак.
 Показается иному кротким.
 Да, собственно, оно и так.
 Когда бы болями людскими
 Не полились его душа,
 А лишь мечтами голубыми —
 Ему б достало шалаша!
 (Да трудно ли дневной работой
 Утробу до краев набить,
 А дальше — мужья забота —
 Жену как следует любить.)
 На первый взгляд он некрасивый,
 Но ближе рассмотрим в черты —
 К нему невыразимой силой
 Потянешься невольно ты.
 Уже его считаешь братом
 Иль верным другом до конца.
 И женщины, что привыкли

к хватам,

Чьи, как сума, пусты сердца,
 Отпугивал Кондратий даже:
 Страшит морская глубина
 Пловцов, что плавают неважно,
 Зачем им, собственно, она!
 Потихе мужа, хоть помельче
 (Подцепят — хвастаться начнут,
 Ведь больше похвалиться нечем) —
 Когда доход, какой уют...
 Кондратий улыбался мало,
 Но тихой ласкою своей
 Его улыбка согривала
 Душой озябнувших людей.
 А для иных была лаской.
 И те судачили о нем:
 «Рылеев просто неудачник,
 Не тронут высшим божеством.
 Должна поэзия любовью,
 Цветами вешними дышать,
 А он — одно: «Я всю кровью
 Люблю тебя, отчизна-мать»!
 Вздыхает над судьбой народной,
 Как будто, видите ль, корням
 Корпеть в земле неблагоприятно,
 Поднять их к свету надо нам!»

Освободителем Европы
 От бонапартовых оков
 Он в жизнь входил.

И первый опыт
 Был не без розовых очков!
 Прощел поверженно Польшей,
 В веселой Вене побывал,
 В Париже взбалмошном подольше
 Любовь шампанским запивал!
 Он думал: самовласть стены
 Смел революции накал!
 ...На берегу зеленой Сены
 Селенья мирные выдал.
 Вниз виноградники сбегали
 По склону солнечным к воде.
 (Представить краски те едва ли
 Тому, кто не бывал нигде!)
 Янтарные светились кисти
 В лучистой утренней росе,
 Над головами таяло виски
 В своей раскованной красе.
 А в них — бургундского игристь,
 Муската розового свет.
 Земля меняется на диво,
 Когда простынет рабства след!
 Весной, кидая в землю зерна,
 Достаток сеешь для себя.
 Благодарни свой труд упорный,
 Коль по зиме сыта семья.
 Лишь сам себе судьбу не порти
 И вместе с солнышком вставай,
 Когда зорюет лени чертик,
 И в доме будет каравай!
 Да, народ — не дурак,

Коли скажет так:
 «Кто рано встает,
 Тому бог подает!»
 «Птичка поздняя лишь глаза
 ...продерет —
 Птичка ранняя набивает рот!»
 Так говорится не напрасно.
 Хозяевами своих полей
 Селянами в платях

темно-красных,
 Прекрасны в зрелости своей,
 На поле весело колдуют,
 Плодам поспевшим счет ведут.
 Увидишь дыню здесь текую,
 Что весит, верно, целый пуд.
 Увидишь сочные арбузы —
 Корзины ломаются от них.
 Одним початком кукурузы
 Нетрудно накормить троих,
 И к удивлению приезжих,
 Огромный, как армейский чан,
 Глаза и радует и тешит
 Капустный благодатный кочан!
 Подсолнух — золотистый зонтик,
 Укрыться можно от дождя,
 И пчелы в радостной работе
 Летят, торжественно гудя!
 Пылают лица у крестьянок.
 Рожать, рожать — не уставать!
 Мадонн с таким могучим станом
 Попробуй в Лувре отыскать!

Сказал о Лувре тоже кто-то.
 По залам солнечным его
 Завороженный шел Кондратий:
 «Талант — земное божество!
 ...И как же страшно, что от века
 Он прятать вынужден красу,
 Чтобы безразличным калекам
 Не занести над ним косу!»

...Сражен был Дрезденцем Рылеев.
 Из окон музыка лилась...
 От книг философов немец,
 Шептал он: «О, свободы власть!
 Ах, неразумный Бонапарт!
 Что ж рабство наше не разбил?
 Иль в победительном взлете
 Про мощь свободы позабыл?!
 А впрочем, ересь говорю я:
 Цепей не легче крепостных
 Ярмо захватчиков «даруют»
 Для завоеванной страны.
 Какое может быть искусство
 Под угрожающим бичом?
 Каким? довольным, хоть и грустно.
 Свет божества тут-ни при чем!
 Быть может, вырвали победу —
 Россией бит Наполеон —
 С надеждой, что отступят беды...
 А то ведь каждый обделен.
 Вдоль берегов великой Волги
 Не песни, не кузнечный звон,
 Там раздается долгий-долгий
 Народный подъяремный стон.
 Не так ли было, здесь, на Сене,
 Когда сверпствовал король,
 Народ его страшился тени...
 ...Перелилась людская кровь:
 В мечи, мушкеты, пули, ядра —
 И опрокинулся монарх.
 Не вспыхнет ли такое завтра
 В родимых отеческих стенах!
 Уж больно там прогнило древо!
 Не знает царь крестьянских бед.
 Не так ли здесь вот королева:
 Узнав, что хлеба гдe-то нет,
 Сказала мужу с огорчением:
 Разнежась в лиственный тени:
 — Нет хлеба! Пусть едят печенье!
 Как недогадливы они!»

Чем лучше русская царица
 Иль правящий спешный сброд,
 Успешный кроушкин напиток?!
 Нет, революция грядет.
 Она была за дальнюю далью
 От крепостного мужика,
 Пока о воле мы не знали,
 В Европу не вошли поке.
 Явилась русская победа
 И радостью большой и злом.
 Глоток свободы кто изведает,
 Тот не подружится с ярмом...

(Продолжение следует.)

Владимир НИКОЛАЕВ

Американец весьма прохладно относится к официальным властям не только потому, что за ними стоит (и направляет их) настоящая власть — большой бизнес, но и потому, что нередко законодатели, правительственные и судейские чиновники оказываются в центре скандалов, связанных с коррупцией, с грубейшими нарушениями законов и общественной морали. Такие происшествия можно смело назвать одной из самых устойчивых традиций американской политической жизни. В чем тут дело? Неужели американцы по своей натуре склонны к взяточничеству, вымогательству, разврату и пьянству? Нет, из общения с ними к такому выводу не придется. Есть у них — во всяком случае, у большинства — свои принципы и определенные моральные критерии, они не схожи с нашими, но тем не менее прямо к деградации личности и тюрьме они не ведут. Но почему же так широко распространена коррупция среди тех, кто создает законы и кто призван их охранять? Я думаю, что главная причина — искушение. Оно тем больше,

перь же, при более широком проникновении сведений в печать, людей потрясает то, что там действительно творится». И наконец, еще свидетельство из того же источника: «Если глубже вникнуть в суть вопроса, дела в конгрессе обстоят гораздо хуже и вызывают больше опасений, чем можно предположить по скандальным газетным заголовкам. Фактически на наших глазах махинации, опутавшие это учреждение, приобретают такой характер, что напоминают мельничные жернова, перемалывающие всех, кто не хочет или не может приспособиться к сложившимся правилам игры».

В приведенных выше цитатах речь идет о конгрессе, но те же самые характеристики как нельзя лучше подходят ко всем другим звеньям американской политической машины. Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» дает прямо-таки бесконечный перечень служебных преступлений, совершенных по стране всего за несколько месяцев. В штате Миссисипи местный сенатор воровал деньги, отпускаемые на нужды образования, он похитил в общей сложности несколько сот тысяч долларов. Шеф полиции в Хьюстоне попался на вымогательстве, лжесвидетельстве и других грубейших нарушениях закона. Шериф в штате Иллинойс обложил данью публичные дома. Мэр города Честер (штат Пенсильвания) наживался на том, что вымогал деньги у владельцев игровых заведений. Четверо помощников губернатора штата Теннесси наладили торговлю помилованиями, то есть за деньги дос-

хотворные наказания (а таковые, повторяем, следует далеко не всегда) за содеянное, отсутствие общественного осуждения, вполне подменяемого смакованием дурно пахнущих подробностей в бульварных изданиях.

Вот, можно сказать, классический пример, подтверждающий наши мысли. Жил-поживал в штате Мэриленд политический деятель Спиро Агню. Делал карьеру. Был губернатором штата. Мало этого. Довольно неожиданно выплыл на главную политическую арену и стал вице-президентом США при Никсоне. И уже на этом высоком посту (человек № 2 в США!) попался на вымогательстве. Следствие установило, что он брал взятки и до прихода в Белый дом, еще в своем штате. Всего за ним насчитали более ста тысяч долларов, полученных в виде взятки. Это официально установленная цифра, а сколько вообще он вот так набрал за свою долгую и блистательную политическую карьеру? Наверное, он и сам не подсчитает! В ходе разбирательства этого дела вскрылись и другие грешки Агню. Пришлось ему уйти в отставку. Состоялся затем суд. Его решение: три года условно и десять тысяч долларов штрафа за... уклонение от уплаты подоходного налога. Это было только одно из обвинений, предъявленных Агню. Другие его делишки предпочли замолчать, поскольку их расследование могло вслед за ним потянуть в тушу скандала многих Вашингтонских деятелей. Тогдашний министр юстиции Ричардсон прямо заявил, что такой обстоятельный процесс означал бы

ИСКУШЕНИЕ

чем больше власти у того или иного выборного или должностного лица. Их искушают те, у кого есть доллары и кто стремится увеличить свой капитал за счет нарушения закона. Кто конкретно? Да кто угодно, от бизнеса до мафии, были бы деньги! Впрочем, далеко не каждого требуется уж очень искушать, многие сами ищут искушения. Материнским молоком политики назвал деньги казначей штата Калифорния Джесс Уиру. Действительно, уже сам процесс создания политического деятеля требует немалых денег. Потом, заняв соответствующее положение, он их должен отрабатывать. Чем выше забирается он по лестнице власти, тем больше денег ему требуется. Это обстоятельство и приводит к известному парадоксу о лестнице, идущей вверх, но ведущей вниз.

Коррупция в мире американской политики, повторяем, явление не новое, с богатыми традициями. Газета «Вашингтон пост» пишет: «Особенно махровым цветом цвела коррупция в конгрессе сто лет назад, когда железнодорожные и промышленные бароны покупали и продавали сенаторов и членов палаты представителей, словно скот на аукционе». Та же газета сообщает: «Большинство методов воздействия на членов конгресса — алкоголь, женщины и всякие грязные делишки — двадцать лет назад были в ходу не меньше, чем теперь. Однако в то время конгресс был замкнутым кланом. Те-

рочно освобождали преступников из тюрьмы. И так далее и тому подобное... Журнал указывает, что перечисленные им факты — это «только ничтожная часть». В статье говорится, что в 1970 году к ответственности было привлечено 36 официальных лиц, не так уж много, казалось бы, но с каждым годом их число росло, и всего в США за 70-е годы попало под суд более 1300 официальных лиц. Но это лишь верхушка айсберга. Отдача под суд и тем более вынесение приговора представителям власти — процесс очень сложный. Как правило, должностные преступления выливаются в громкий скандал, в сенсационные газетные отчеты, но за решеткой виновные оказываются весьма редко, а уж если это и случается, то они проводят в весьма комфортабельной неволе (в специально созданных для них условиях) очень недолгий срок. В США Фемида весьма капризна и своенравна!

Что поражает прежде всего, когда наблюдаешь такие политические скандалы в США? Те нравы правящей верхушки, какие, мягко говоря, можно назвать более чем странными. С нашей точки зрения, конечно. В Соединенных Штатах они, по-моему, мало кого удивляют. А заокеанского наблюдателя поражает, с одной стороны, та ужасная грязь, какая обнаруживается вдруг в результате очередного разоблачения, тот шум, какой поднимается в ладной на сенсации прессе, а с другой стороны, прямо-таки сме-

«продолжительный и потенциально разрушительный период страданий и неопределенности». Туманно, правда, сказано, но понять можно! Я читал обвинительное заключение по его делу и, хотя знаю кое-что о нравах Вашингтона, диву давался, сколько всего натворил этот второй человек в США!

Печальное происшествие со Спиро Агню я считаю классическим не только потому, как оно шло и чем завершилось. Оно характерно и тем, с кем это все приключилось, с каким человеком. Дело в том, что Агню был кумиром консервативной Америки, которая год за годом так и воскликала: «Спиро — наш герой!» Недаром газета «Вашингтон пост» писала, подводя итоги скандала: «Моральный человек, самый выдающийся поборник закона и порядка, бдительный воин-тел в внутренних «врагами», защитник устоев дома, семьи и флага, разоблачен как обыкновенный мошенник». До чего же несчастное совпадение! Как только происходит в США такой очередной политический скандал, ищи в его эпицентре реакционера, милитариста, ура-патриота и обязательно человека, которому приписывались ранее высокие моральные качества.

Что же стало с Агню дальше? По-моему, от позора в Вашингтоне еще никто не умирает. И он тоже не стал исключением. Отдавшись легким испугом, засел за... роман! Как известно, в Соединенных Штатах это уже традиция: совершил преступление, опо-

зорился — пиши мемуары. И дело есть, и деньги можно приличные заработать. Вот и пишут — убийцы, проститутки, гангстерские гавары, поповавшиеся на коррупции поли-тики и т. п. Пишут обычно с помощью профессиональных литераторов, тоже неплохо на этом подзарабатывающих. Наверно, и у Агню были такие соавторы, во всяком случае, могу сказать, что написал роман живо, с большим знанием дела показаны будни Белого дома, атмосфера интриг в нем, выразительно набросан портрет американского президента — полной посредственности, серой, бесцветной личности. Зато вице-президент, главный герой повествования, подан как надо: умный и волевой, приятный во всех отношениях и даже обольстительный, правда, склонный к авантюризму, что его в конце концов и губит. Роман назван по имени его главного героя: «Решение Конфилда». Кстати, и в качестве автора бывший политик остался верен себе: его Конфилд — человек крайних консервативных убеждений, точно тот самый Спиро Агню, каким его знала Америка до того, как он был разоблачен. Многие американские издания назвали роман бестселлером, то есть одной из лучших книг года. А «Чикаго литерари ревю» писало: «Это супербестселлер о международном предательстве, сексуальном скандале и политическом преступлении в высших сферах». Газета «Нью-Йорк пост» назвала книгу «сильным сексуальным политическим романом». Истину ради надо сказать, что на секс в этих комплиментов упор сделан по традиции бульварной печати и рекламы, на потребу обывателя, чтоб тот тут же бежал покупать книгу. На самом деле эта тема занимает в ней, по американским понятиям, скромное место, ибо автор и здесь верен себе, оставаясь на позиции человека вполне пристойного. Главное в романе, повторю, — политические интриги, борьба за власть.

Возможно, американские оппоненты возразят мне, но я убежден, что успех книги Агню в США не был бы таким громким, не оказался он мошеником. В данном случае скандальная слава только способствовала его начинанию на писательском поприще. Литературный бизнес такого рода — одна из устойчивых американских традиций, люди делают деньги на собственном позоре. И никого это не шокирует!

Уже отгрезил роман Спиро Агню, а он снова оказался в центре новостей. В 1980 году вдруг сделал сенсационное признание о том, как ему пришлось уйти из Белого дома. Как утверждает Агню, сотрудники из ближайшего окружения тогдашнего президента США Никсона пригрозили ему, вице-президенту США, смертью, если тот сам не уйдет в отставку. Что за гангстерские нравы? Дело в том, что в тот самый момент и Никсон уже висел на волоске в связи с политическим скандалом, названным «уотергейтским делом». Агню только компрометировал его лишней раз, поскольку сам попался на уголовное. Агню ушел (как он теперь утверждает, под страхом смерти), но Никсону это не помогло. Вскоре и ему пришлось пойти по стопам Агню, уйти в отставку, поскольку и он грубо нарушал закон, будучи президентом США. Подробности «уотергейтского дела» хорошо известны, я нем, как и в романе Спиро Агню, движущей пружиной является все та же борьба за власть, в данном случае — за Белый дом. Агню было откуда черпать свой материал при работе над романом!

Попробовав свои силы в беллетристике, Агню написал мемуары, в них он и рассказал о том, как его принуждали, чтобы он ушел с поста вице-президента США. Его мемуары издаюм так и называют: «Убийца без шума а не то...». Агню заявил: «Я испугался. На примере заседаний Национального совета безопасности я знал, как действуют разведывательные органы. Поэтому я опасался за свою жизнь. Если бы было принято решение о моей ликвидации путем подстроенной автомобильной катастрофы, инсценированного самоубийства

или чего-нибудь еще в том же роде, истоки подобного приказа, исходящего из Белого дома, трудно было бы проследить, как это было с приказом убить Кастров».

Любопытно, что почти одновременно с признанием Агню в том, что его хотели убить, появилась другая сенсация — один из активных участников «уотергейтского дела» раскрыл еще более ошеломляющие секреты Белого дома. Это был некий Гордон Лидди, один из тех налетчиков, которые попались при взломе штаб-квартиры демократической партии, с чего и начался скандал, приведший в конце концов к падению Никсона. Лидди, бывший сотрудник ФБЕ, профессиональный мастер грязных и мокрых дел, к моменту этого своего преступления был советником по финансовым вопросам при избирательном комитете республиканской партии, а раньше, но уже при Никсоне, входил в штаб Белого дома.

Лидди вместе со своими коллегами по взлому угодил под суд. Никто из них не сказал до конца всей правды об этом деле, но тем не менее из каждого в ходе следствия и на суде кое-что вытянули, но только не из Лидди! Когда на заседании сенатской комиссии по «уотергейтскому делу» ему был задан традиционный процедурный вопрос: «Клянетесь ли вы торжественно говорить правду, только правду и ничего, кроме правды?», Лидди ответил: «Нет». По приговору суда он попал за решетку и, знаете, чем занялся? Ну, конечно, литературной деятельностью! Стал писать мемуары. И вот в 1980 году они увидели свет. Назвал он их кратко, но выразительно: «Воля». Впервые за годы упорного молчания после «уотергейта» он заговорил. Да еще как заговорил... Сколько грязи раскопал он за величавыми белыми стенами Белого дома!..

Одним из ближайших сотрудников президента США Никсона был его помощник Чак Коулсон. Так вот он, оказывается, поручил в свое время Лидди и еще другому такому же «специалисту», Ханту (последний был агентом Центрального разведывательного управления, состоял в штате Белого дома), убить американского журналиста Джека Андерсона, который был известен как «разгребатель грязи». В своих поисках «грязи» он, по мнению Белого дома, «зашел слишком далеко», и его разоблачения угрожали благополучию многих видных лиц. Лидди, Хант и сотрудник ЦРУ, выступавший под именем Джордж Леонард, втроем планировали, как избавиться от назойливого журналиста. Было рассмотрено несколько вариантов: отравить, подстрелить автомобильную катастрофу, пристрелить... Каждый вариант докладывался Коулсону (повторю: помощнику американского президента). Убийство не состоялось. Возможно, потому, что его осуществлению помешал начавшийся тогда уотергейтский скандал, в котором, кроме Лидди, были также замешаны и Хант и Коулсон, так что им стало уже не до Андерсона.

Да, это убийство не состоялось. Но как только вышла в свет книга Лидди «Воля», была организована встреча между ним и Андерсоном, которого он намеревался убить. Это randevu устроила телекомпания Эй-би-си. А миллионы американцев смогли увидеть эту парочку на экранах своих телевизоров! Увидели и рукопожатие двух джентльменов, услышали и их милую беседу. Чувственно? Да, с нашей точки зрения, но не с американской. «Вель это же подлинная американская *caral*!» — воскликнул интервьюировавший их комментатор Тед Коппель. Он же назвал это представление «конфронтацией в аду или в раю, где вам больше будет угодно, между потенциальным убийцей и потенциальной жертвой».

В своей книге Лидди рассказывает и о том, как он собирался убить своего же коллегу Ханта, когда узнал, что тот решил «расколоться», признаться в преступных действиях в связи с «уотергейтским делом». Мало этого, Он пишет и о том, что готов был разделаться сам с собой после уотергейтского провала. Он якобы заявил помощ-

нику президента Джону Дину: «Послушайте, Джон, я был напуган судья, которое насочило на рифы, и я готов пойти на дно вместе с ним. Если кто-нибудь хочет пристрелить меня, то вы мне так и скажите, скажите, на каком углу стоять, и я буду там. О'кей?» Что ж! Дико звучит все это для нормального человека, но для такого типа, как Лидди, такое заявление вполне логично, ведь он сам признается в своей книге: «Я научился убивать людей даже с помощью простого карандаша, калечить их, ослеплять».

Но почему все же Лидди, настоящий профессионал, созданный как бы по образу и подобию знаменитого по киноэкрану секретного агента Джеймса Бонда, наконец загворил? Сам он объясняет это тем, что все его коллеги по «уотергейтскому делу» уже получили свое и потому его разоблачения им не грозят. К тому же Лидди считает, что он «должен отчитаться перед историей». Вот какие страсти бушуют наемного убийцу и провокатора И, наконец, он погряз в долгах. Над ним уже после выхода из тюрьмы еще висел штраф в 40 тысяч долларов, и он задолжал своим адвокатам около 300 тысяч. Хочешь не хочешь, а пришлось браться за мемуары. Вот несколько выдержек из его книги.

Лидди описывает свою встречу с министром юстиции США Джоном Митчеллом. Присутствуют также два ближайших помощника президента США Никсона — Магрудер и Дин. Речь идет о терроре против политических противников из рядов соперничающей с ними (республиканцами) демократической партии. Лидди предлагает несколько радикальных способов борьбы (похищения, шантаж, провокация, клевета и т. п.). В ходе своего выступления он упоминает о подобранной им «группе специального назначения». Митчелл прерывает его:

— А что это значит?

— В эту группу входят профессиональные убийцы, — отвечает Лидди, — на их счету двадцать две жертвы, двух человек они повесили в одном гараже.

Митчелл удовлетворен ответом. Лидди продолжает свое выступление. В частности, он предлагает скомпрометировать ведущих деятелей демократической партии во время очередного съезда, который созывался на курортном побережье:

«Для сбора информации о съезде Хант и я собираемся нанять большую яхту и поставить ее у берега. Мы думаем начать с электронной аппаратуры для слежки за всем, что будет происходить на съезде. К тому же мы роскошно оборудуем яхту, сделаем там спальни и салоны и наберем туда проститутку. Но они будут изображать из себя не продажных женщин, а прекрасных светских дам, пресыщенных жизнью, но не мужским вниманием. Они будут обольщать ведущих участников съезда демократов. Вся яхта, разумеется, будет снабжена записывающей аппаратурой».

Еще один отрывок из книги Лидди:

В четверг, 15 июня, я встретился с Митчеллом. В частности, сказал ему следующее: «Мы установили, в каких апартаментах будет жить во время партийного съезда Макговерн, и решили подготовить ему маленький сюрприз. Как только корреспонденты придут к нему, вместе с ними войдет группа молодых людей, одетых под хиппи, но со значками и плакатами Макговерна. В тот момент, когда телевидение начнет трансляцию встречи, эти парни прямо перед камерой станут мочиться на роскошный ковер».

Провокационная затея, граничащая уже с идиотизмом! Но по заказу своих хозяев Лидди идет на все, чтобы скомпрометировать политических соперников.

А вот как он описывает вербовку в ряды своих головорезов и провокаторов. Речь идет о молодой женщине по имени Шерри Стенес:

«Она была ослепительно хороша собой, молода, уже имела опыт секретарской работы, могла завлечь мужчину, если захочет,

Во время нашего обеда я понял, что договориться с ней трудно. Тогда я сказал ей, что бояться нечего, ее личность останется никому не известной. Она ответила, что я, например, уже знаю ее. Никакая сила не заставит меня выдать ее, сказал я. Она не поверила. Тогда я попросил ее зажечь зажигалку. Она зажгла. Я приставил свою ладонь прямо к язычку пламени. Кожа тут же почернела, и запах подгоревшим мясом. Шерри отвернула зажигалку от моей руки. Она поблудила и сказала, что верит мне». Лидди пишет о том, как он вырабатывал характер еще в детстве:

«Наш кот Томми придумал крысу и оставил ее на пороге кухни. Я нашел крысу. Чтобы доказать себе, что я ее не боюсь, взял ее в руки. Она была еще теплой. Тут я решил навсегда разделиться с моим страхом перед крысами. Я поджарил свою добычу, потом съел с нее шкуру и съел лапки. Мясо было безвкусным и жилистым».

Рассказывает Лидди о том, как, под чужим влиянием формировалось его мировоззрение:

«Нашу горничную звали Терезой. Она была немкой. Я любил ее. Она говорила, что ее родина была в беде, но нашелся прекрасный человек из народа и спас страну. Однажды она в страшном возбуждении замерла у радиоприемника. Я присоединился к ней. Он выступал перед народом. Его приветствовали овациями. «Zig! — кричал кто-то, а в ответ, казалось, кричат люди всей земли: «Хайль!» Это был он, вождь, Фюрер Адольф Гитлер. Когда я сказал об этом отцу, он возмутился. Он заявил, что Гитлер злодей, обрушивший на мир ужасы войны. Он запретил мне слушать его выступления. Но я продолжал их слушать».

Так дорисовывается портрет типичного американского секретного агента, которого помог разоблачить только случай. Агента, который выходил прямо на министра юстиции и на ближайших помощников президента США!

Впоследствии, несколько лет спустя, «уотергейтское дело» привело еще к одному сенсационному открытию. Оказалось, что президент США Никсон, попав в затруднительное финансовое положение, обратился за помощью к... американской мафии, к ее гангстерскому синдикату «Коза ностра» (III). Дело в том, что уотергейтские злоумышленники (Хант, Лидди и другие) потребовали от Белого дома один миллион долларов за молчание на суде. Нужно было срочно достать миллион наличными. Никсон через своего юридического советника Джона Дина запросил эти средства у «Коза ностры» и получил их. Теперь официально установлено, что в 1973 году один из гангстерских боссов, Тони Провенцано, передал 500 тысяч долларов специальному курьеру Белого дома. Еще 500 тысяч передал Никсону другой гангстерский лидер — Аллен Дорфман. Докопавшись до таких сногшибательных даже для Америки открытий, только хорошо изучить те магнитофонные записи, какие делались при Никсоне в Белом доме. Когда начался уотергейтский скандал, эти записи кое-где уничтожили и подчистили, а всего потомству осталось их на четыре тысячи (!) часов. Вот на одной пленке и услышали голос Никсона во время его разговора с Дином: «Я имею в виду, что вы можете достать миллион долларов... И можете достать их наличными. Я знаю, где можно было бы их раздобыть. Мы могли бы достать деньги, здесь нет никакой проблемы». Сначала, в ходе расследования «уотергейтского дела», эту запись не смогли толком понять, а потом она прояснилась в связи с расследованием в 1977 году еще другого дела — убийства мафией Джеймса Хоффы (профсоюзного и одновременно гангстерского босса).

Так крайняя подозрительность Никсона, его страсть записывать все происходящее на пленку подвела его самого и привела к раскрытию еще одной тайны Белого дома. Прямо скажем, страшной тайны! Правда, это уже не секрет, что политиков в США

искушает не только бизнес, но и мафия. Многие политические скандалы продемонстрировали связь между властями и организованной преступностью, а вот при Никсоне, как выяснилось, в такое удивительное и злобное взаимодействие вступил и Белый дом.

Сенатская комиссия по расследованию организованной преступности в США заявляет в своем докладе: «Ни у кого из нас не осталось сомнения в том, что организованная преступность и политическая коррупция в США идут рука об руку: столь широкая преступная организация не могла бы существовать, если бы не постоянный и взаимовыгодный союз тех, кто управляет рычагами преступности, с теми, кто держит в своих руках политические рычаги». И еще цитата, на сей раз из американского журнала «Пэрейд», из статьи, которая названа весьма характерно — «Тень мафии над нашим правительством»: «Многие конгрессмены поддерживают тайные связи с запрашиваемыми преступного мира, и это вызывает тревогу. Главарь мафии финансирует предвыборные кампании политиков и обеспечивают им всевозможную поддержку, что весьма существенно для карьеры конгрессмена. Так возник нечестивый союз между теми, кто устанавливает законы, и теми, кто их нарушает». Эта констатация подтверждается многими примерами. Один из них — скандальные разоблачения преступной деятельности конгрессмена Корнелиуса Галлахера. В Вашингтоне он представлял демократов от штата Нью-Джерси. Был отнюдь не рядовым законодателем; занимал ведущее положение в комиссии по иностранным делам, был председателем американско-канадской межпарламентской группы, делегатом США на конференции по разоружению. В свое время шла речь о выдвижении его кандидатуры на пост вице-президента США. Вне политической жизни Галлахер тоже был заметной фигурой: адвокат, директор банка, совладелец строительной фирмы. Короче говоря, со всех сторон образцовый делец и политик. И вдруг выяснилось, что Галлахер верой и правдой служил не только бизнесу и политике, но и всеамериканскому гангстерскому синдикату. Наместник «Коза ностры» в штате Нью-Джерси, некий Джо Зикарелли, был одновременно и бандитским боссом и боссом Галлахера. Конгрессмен не только улаживал конфликты гангстеров с властями, но и активно участвовал в их преступной деятельности — от деловых начинаний до явной уголовщины. Это происшествие с Галлахером произошло несколько лет назад, но оно отнюдь не является чем-то исключительным для Вашингтонских нравов. В 1980 году газета «Вашингтон пост» сообщила о разбирательстве злоупотреблений служебным положением сенаторов Г. Каннона и Б. Байема, которые подозреваются в получении взятки от гангстерских боссов «Коза ностры». В том же 1980 году газета «Лос-Анджелес таймс» писала, что в нескольких штатах уличена в связях с организованной преступностью большая группа политических деятелей и профсоюзных лидеров.

Чем дальше в лес, тем больше дров. С течением времени коррупция в политических кругах принимает все более широкие масштабы. Вот что свидетельствует газета «Вашингтон пост»: «По мере ознакомления со списком членов конгресса прошлого, 95-го созыва, замешанных в разных махинациях, ангелы на небесах, вероятно, покраснели за демократию. По количеству всякого рода скандальных историй он побил все рекорды». Одним из таких «рекордов» оказалось массовое искушение конгрессменов, причем в роли искустителей выступали... агенты ФБР (!), то есть Федерального бюро расследований. Оно призвано бороться с преступностью и с неадекватными американцами, но, думаю, конгрессменов оно стало искушать по другим причинам. Дело в том, что в последние годы под давлением общественности кое-какие стороны обычно засекреченной деятельности ФБР попали под огонь критики. Оказалось, что само бюро

грубо нарушало закон, права граждан, имело связи с мафией и т. п. Такую весьма своеобразную деятельность ФБР был вынужден рассмотреть конгресс, и вот, очевидно, обиженные на него агенты решили «взять реванш и заодно показать всем на будущее, что с ними связываться опасно. Задумано — сделано. Причем задумано основательно, сделано тщательно».

Скандал этот прогремел в 1980 году, а за два года до него на Вашингтонском горизонте появился богатейший «арабский шейх» Абдул Рахман, точнее, нефтяной магнат, якобы заработавший на черном золоте несметное богатство. Так, во всяком случае, гласила официальная легенда. Он основал в США свою фирму «Абдул-интерпрайзес» и жил на широкую ногу. Он не очень скрывал тот факт, что ему для развития его бизнеса в Америке нужна поддержка влиятельных политических деятелей. И таковые со всех ног кинулись к Рахману. Им с шейхом было весело, тот уже обзавелся яхтой, особняками, закатывал пиры, крупно играл на рулетке. И дела его, с помощью новых американских друзей процветали, он получил много выгодных контрактов, включая военные заказы.

Тут самое время еще раз вспомнить одну из старейших и важнейших традиций американских конгрессменов, о которой публицист Дрю Пирсон писал: «За спиной избирателей многие законодатели совершают свою самую эффективную работу по обслуживанию нефтяных и газовых корпораций, страховых и энергетических компаний, банковского и промышленного капитала, магнатов угольной и металлургической промышленности, преследуя личные корыстные цели и ища везде и всюду выгоду для себя лично». В данном случае, облепив со всех сторон Абдула Рахмана, они точно так же начали служить и ему. Разумеется, не бескорыстно! Он, оказавшись, не только поил, кормил и всячески улаживал их, но и давал им баснословные взятки за их услуги. И все было бы шито-крыто, если бы каждый такой случай вручения взятки наличными не фиксировался телекамерами и магнитофонными пленками. Это делали агенты ФБР с помощью тайной аппаратуры, а главным из них был сам «шейх»! Так группа Вашингтонских законодателей попала в сети сыщиков из ФБР, отомстивших им за поправную было честь своего мундира. Недаром Вашингтонский сатирик Марк Рассел писал: «Есть только одна возможность гарантировать стопроцентную честность конгресса США — легализовать взятничество».

В свое время Марк Твен сказал, что в США «нет специфически американского преступного класса — не считая конгресса». Этот тезис в наше время достаточно полно раскрыт в книге «Воротины и ловкачи: признания деятеля Капитолия». Автор ее — Бобби Бейкер, один из тех немногих американцев, которые досконально познали, что такое конгресс и Вашингтонская политическая кухня. Свою карьеру он начал с самой низкой ступеньки — должности рассылного в сенате, а закончил ее на высоком посту секретаря демократического большинства в сенате. Он занимал такое влиятельное положение, что его величали «сто первым сенатором» (сенаторов всего, 100). Когда Бейкер был еще мальчиком на побегушках, его приметил и приблизил к себе Линдон Джонсон, ставший затем президентом США. Взял Бейкера под свое покровительство и влиятельнейший сенатор Боб Керр. Заняв высокий пост, Бобби Бейкер, к тому времени понявший, как работает политическая машина, начал обогащаться. Свое влияние он продавал за доллары тем, кому было что-то нужно от сената. За несколько лет он сколотил два миллиона (!) долларов. Это точная минимальная цифра, ее установили официально, во время следствия по делу Бейкера. Любопытно, что он был при сенаторах не только их деловым помощником, но и чем-то вроде массовика-затейника. Бобби приобрел роскошный осо-

бняк (на него сенаторы, надо думать, сложились), где законодатели весело проводили свой досуг, пьянствовали, развратничали. Это заведение они называли весьма остроумно — «Кворум-клуб». Между прочим, с оргий в «Кворум-клубе» и началось разоблачение «сто первого сенатора». После долгого-долгого расследования он ненадолго угодил в тюрьму, откуда благополучно вышел и... создал книгу. В ней он, в частности, пишет:

«Как мои боссы и покровители в сенате, я был честолобив и стремился свить свое личное гнездо. Они полагали, что высокое положение позволяет им принимать подарки и любезности от покровителей, которым нужны были «особые услуги», — я тоже. Они пользовались конфиденциальной службой информации, чтобы выгодно помещать свои капиталы, — я тоже. Они пользовались своим влиятельным положением, чтобы получать займы или кредиты, в которых им могли бы и отказать, — я тоже».

А вот как Бобби вспоминает об одном из своих хозяев: «Деньги были богом сенатора Керра. Он думал, что деньги решают все, сознательно и охотно брал взятки, не колебался тратить личные средства на покупку голосов. Выразительный портрет сенатора, который в свое время был одним из политических столпов Америки! Между прочим, на примере Керра и Бейкера еще раз убеждаешься в справедливости пословицы «Рыбак рыбака видит издалека», поскольку Бобби пишет о своем покровителе: «Ни один человек не сделал для меня больше». И еще одно признание Бейкера, рисующее нравы законодателей:

«Туалетную можно назвать Центральным разведывательным управлением американского сената. В безопасности туалетной сенаторы притворяются умы и сердца — особенно к концу дня, когда карманные флажки с виски пугаются. Именно здесь я услышал из первых уст, какие сенаторы подкупаются, в какой степени и кем».

История с Бобби Бейкером так напугала еще и потому, что бульварная пресса долго смаковала пикантные подробности, связанные с развращениями сенаторов в их «Кворум-клубе». Эта сторона закулисной жизни законодателей часто привлекает к себе внимание, поскольку государственные мужи сплошь и рядом ведут себя крайне непристойно. Вот только один пример из множества ему подобных.

Почти тридцать лет Уэйн Хейс был членом палаты представителей США, занимал в ней ответственные посты, был в руководстве демократической партии. Он всегда слыл поборником морали и нравственности. Будучи председателем административной комиссии палаты представителей, он строго следил за порядком, ходом текущих дел. За глаза его называли «мелочным тираном», да и Хейс сам признавал, что человек он «не из приятных». И вот этот моралист и законник попал в историю, которая показала его людям совсем с другой стороны.

Его приятель и коллега, конгрессмен Кейнет Грей, ушел в отставку и передал Хейсу свою секретаршу и любовницу Элизабет Рей. Войная девица целомудрием не отличалась и была подружкой сразу нескольких конгрессменов. Она вспоминает о тех временах: «Хейс предпочитал навещать меня дома в понедельник или во вторник. И мне обычно было нелегко уединиться с кем-нибудь еще, пока он не отправлялся к себе домой, в штат Огайо, в четверг». О таких встречах с Хейсом она не может говорить без отвращения: «Если бы я могла, я каждый раз завязывала бы глаза, затыкала бы чем-нибудь уши и делала бы себе обезблывающий укол».

Надо сказать, что сам Хейс тоже не был однополом, он путался и с другой своей сотрудницей, Пэт Пик. Дело зашло так далеко, что он развелся с женой и женился на Пик. Тут Элизабет вознегодовала: «Я могла быть его любовницей в течение двух лет, но оказалась недостойной того, чтобы быть приглашенной на его свадьбу!» Гнев

свой она проявила публично, перед репортерами из газеты «Вашингтон пост». Элизабет поведала им не только о Хейсе и о себе, но и о других конгрессменах и их сотрудниках, улажающих законодателей за счет государственной казны. Она сообщила журналистам, что располагает магнитофонными записями своих интимных встреч с Хейсом и его коллегами (магнитофон всегда стоял у нее под кроватью). Подключала она его к телефону, когда любезничала со своими кавалерами. И новый скандал разгорелся! А Элизабет написала книгу обо всем увиденном ею в конгрессе и пережитом. Журнал «Тайм» так пишет об этом событии:

«Хотя автобиографическая книга Элизабет Рей являет собой страшную порнографию — настолько ее много, что делается скучно, — она тем не менее выходит в следующем месяце в издательстве «Дэлл публишинг компани» и, разумеется, причинит в Вашингтоне немало беспокойства. Автор утверждает, что все события и персонажи книги реальны, только имена героев изменены».

Вот несколько рекламных описаний книги:

«Сенатор Синсиа (в переводе с английского — искренний. — В. Н.). Характеризуется как выдающийся легендарный законодатель, заслуживающий самых высоких должностей в государстве. Сенатор Синсиа встречает Элизабет на Капитолийском холме, потом звонит ей домой и приглашает в свои вашингтонские апартаменты, когда его жена находится в отъезде. Как только Элизабет приходит к нему, они, разумеется, сразу же приступают к причудливым сексуальным удовольствиям. Элизабет сознает, что ею пользуются, как вещью, но тем не менее она довольна, ибо спит на подушке без пяти минут президента США».

«Сенатор Плейя (игрок. — В. Н.). Лихой молодой человек, который нравится Элизабет тем, что происходит из известной семьи, имеет хорошую фигуру. Как только его жена и дети уезжают за город, он приглашает к себе Элизабет, и догадаетесь, что потом происходит!..»

«Конгрессмен Брайт (яркий. — В. Н.). Нанимает Элизабет за счет налогоплательщиков в качестве сексуальной приманки для других конгрессменов, от которых Брайт ждет той или иной выгоды».

А что думают по поводу всего этого американцы? Известный в США институт исследования общественного мнения, возглавляемый Л. Харрисом, провел опрос на тему: как высоко ценят американцы различные группы общественно-политических деятелей. Члены конгресса заняли лишь восьмое место, третье от конца. Население страны еще ниже своих законодателей ставит только руководителей монополий и верхушку профсоюзного объединения АФТ—КПП. Служба изучения общественного мнения «Вихейвор рисерч центр» установила, что сорок процентов американцев убеждены, что конгрессмены берут взятки. Свыше половины опрошенных считают, что законодатели в Вашингтоне злоупотребляют служебным положением, в том числе в целях личного обогащения. Такое мнение об «избранниках народа», разумеется, отрицательно сказывается на общественном климате страны хотя бы уже потому, что дурной пример заразителен.

Судьба искушает не только законодателей. То же самое творится на всех уровнях с представителями исполнительной и судебной власти. Причем многие приходят на высокие официальные посты, уже будучи основательно искушенными. Об этом говорит пример банкира Берта Лэнса из штата Джорджия, откуда вышел и президент США Картер. Как только последний обосновался в Белом доме, он пообещал навести порядок в американских финансах, в частности, покончить с инфляцией. С этой целью он вызвал своего друга Лэнса в Вашингтон и назначил его директором административно-

бюджетного управления. Этому назначению сопутствовала широкая реклама, и все ждали от Лэнса чуда. Но вместо этого разразился очередной скандал. Лучший друг президента оказался мошенником. В бытность свою в Джорджии он не только ссужал деньгами Картера на выгодных условиях, но и проводил незаконные финансовые операции. Уже в ходе разоблачения Лэнса Картер приложил немало усилий, чтобы его выгородить. Но не вышло... Лэнсу пришлось покинуть свой высокий пост и предстать перед судом. Правда, и на этот раз американская Фемида не подвела американские власти: Лэнс отделался традиционным в таких случаях позором (вернее, сенсационной трескотней) и легким испугом.

Не повезло президенту Картеру и с его министром финансов Уильямом Миллером. До занятия этого поста Миллер был главой корпорации и продавцом вертолеты как в США, так и в других странах. И вот выяснилось, что под его руководством корпорация тратила миллионы долларов на подкуп американских и зарубежных политических деятелей. Такая практика в ходу у американских бизнесменов, которые по части коррупции едва ли уступают политикам. Не так давно вскрылись скандальные махинации фирмы «Локхид», производящей баллистические ракеты, военные самолеты; электронное оборудование. Среди главных подрядчиков Пентагона «Локхид» занимает второе место, к тому же производимые корпорацией военные самолеты и другая военная техника закупается в 37 странах. Оказалось, что фирма тратила десятки миллионов долларов на подкуп политических деятелей в США и других странах. Миллионы шли на взятки, а за это «Локхид» получал контракты на сотни миллионов. Разоблачение такой практики фирмы вызвало сотрясение во всем политическом мире Запада. Этот скандал вынудил уйти в отставку премьер-министра Японии К. Танаку и стал одной из причин отставки президента Италии Дж. Леоне. Выяснилось, что «Локхид» отвалил за правдолюбивой партии ХСС двенадцать миллионов, чтобы сбыть истребители «Старфайтер» (их, кстати, потом стали называть «летающими гробами», поскольку они были один за другим). Как сообщает американская пресса, 450 ведущих компаний США занимаются подобными махинациями в целях сбыта своей продукции. Журнал деловых людей «Ю. С. Нью энд Уорлд рипорт» считает, что ежегодно американские бизнесмены тратят на взятки тринадцать миллиардов (!) долларов. «Взятки, — пишет журнал, — распространены повсюду. Компании, которые не разделяют эту практику, находятся в невыгодном положении по сравнению с теми, которые дают взятки». Да, с волками жить — по-волчьи выть! Уже упоминавшаяся нами служба Харриса установила, что в порядочность руководителей крупнейших корпораций верит только двадцать процентов американцев. Можно себе представить, какова нравственная атмосфера в таком обществе сплошного недоверия!

В начале нашего рассказа об искусении и искушениях мы вспомнили о бывшем американском вице-президенте и взяточнике Спиро Агню, который пришел в Белый дом из штата Мэриленд. Кроме Агню, этот край дал еще немало мошенников, занимавших высокие посты. Вот почему очередной губернатор штата Марвин Мэндел заявил при вступлении в эту должность: «Мэриленд был синонимом стяжательства, коррупции и взяточничества... Но с этим навсегда покончено». Через три с половиной года суд признал его виновным во взяточничестве, и ему пришлось оставить свой пост. Искусали Мэндела бизнесмены, которым он за их доллары обеспечивал выгодные сделки и дополнительные прибыли. «Что за напасть!» восклицает газета «Вашингтон пост». «Может быть, в атмосфере Мэриленда завелась какие-то особые бактерии? Может быть, этот штат чем-то отличается от других?» В том-то все и дело, что не отли-

О. Кипренский. 1782—1836. АВТОПОРТРЕТ. 1819.

Флоренция, Галерея Уффици.

О. Кипренский. МОЛОДЫЕ РЫБАКИ.

Неаполь. Музей Палаццо реале.

КИПРЕНСКИЙ В ИТАЛИИ

И. ВОРОНОВ

В знаменитой портретной галерее художников, размещающейся в Вазарианском коридоре, который соединяет во Флоренции музей Уффици и Питти, есть автопортрет Ореста Кипренского, выполненный в 1819 году.

Галерея автопортретов художников во Флоренции была основана в середине XVII века. Сначала собранию такого рода произведений было отведено целое крыло дворца Уффици. Позднее автопортреты, число которых постоянно росло, были перенесены в Вазарианский коридор. Его длина около километра, он пересекает реку Арно, проходя по закрытой галерее «Понте Веккьо» — «Старый мост», и исчезает затем в толще стен левобережных кварталов, вплотную примыкающих к палаццо Питти, где и кончается это уникальное сооружение. Уникальное по архитектуре, но главное, по значению собранных здесь живописных шедевров этого своеобразного жанра, среди которых работы Рафаэля, Рембрандта, Рубенса, Тициана, Давида, Энгра, Кора, Делакруа и сотен других мастеров, внесших вклад в сокровищницу мировой живописи.

Кипренский был первым русским художником, удостоенным высокой чести написать свой автопортрет для постоянной экспозиции в Уффици. Впоследствии такое же предложение было сделано и Карлу Брюллову, но автопортрет его так и не попал в город на Арно. Теоретически Кипренского осталось единственной русской работой в Вазарианском коридоре.

Во время второй мировой войны помещение было повреждено. Восстановление растянулось на много десятилетий, и знаменитая галерея автопортретов стала доступна для посещения только совсем недавно.

Опасения наши оказались напрасными. Картина хорошо сохранилась и выставлена вместе с работами других европейских художников первой половины XIX века. И сейчас, спустя почти 150 лет, нельзя не согласиться с Александром Ивановым, который после посещения Флоренции сообщал в Петербург: «В 6-й и 7-й зале находятся портреты живописцев великих и средних; далее члены Академии Флорентинской. Из сих последних — Кипренский нам казался лучшим...»

Автопортрет для Уффици художник написал в ту короткую счастливую пору жизни, когда его, первого среди русских художников, коснулись европейская слава и европейское признание. Работы Кипренского выставлялись в Италии и России, о них лестно отзывались и свои и иностранные критики. Его душевную раскованность этих лет можно проследить хотя бы по тому, как он с широтой и щедростью души на правах римского старожилы печется о молодых русских художниках, прибывавших на стажировку в Италию, стремится всячески помочь им советами, хлопочет о заказах, о повышении нищенской «пенсии», направляемой Академией художеств. В письме в Академию скульптор Самуил Гальберг в 1819 году счел нужным особо отметить деятельное участие Кипренского в его судьбе. Он, сообщал скульптор, «и при всех других случаях оказывал нам всевозможную помощь». Столь же тепло о дружеской поддержке Кипренского говорит в своих письмах и Сильвестр Щедрин.

Нетрудно вообразить, какое моральное удовлетворение доставляла художнику сама возможность быть полезным землякам, молодым «пенсионерам». Это не было, конечно, проявлением тщеславия, Кипренский с его увлекающейся, порывистой и страстной натурой отдавался всему, за что бы ему ни приходилось браться, со всей силой своего пламенного темперамента — будь то новое художественное увлечение или устройство дел своих товарищей по «артистическому» ремеслу.

Говорят, что по портретам Кипренского можно составить психологическую характеристику эпохи, которой принадлежит его герой. То же можно сказать и об автопортретах, исполненных им в разное время. Взяв хотя бы три наиболее известных полотна: произведение 1808 года из Русского музея, работу 1819 года из Уффици и автопортрет с рейсфедером 1828 года из Третьяковской галереи. Как веками, обозначили они два десятилетия русской истории, которые вместили в себя декабристский период общественного и культурного подъема в России, восстание декабристов и его поражение, последовавшую после этого длительную полосу реакции и общественного застоя. Дух эпохи, а не следы быстротечного времени и примет возраста запечатлены на этих автопортретах.

Известно, что живописец после первого пребывания за границей по возвращении в Россию в 1823 году был подвергнут опалу. Есть основания предполагать, что это явилось результатом доноса на художника, обвинявшегося в сочувствии итальянской революции 1820 года.

О творческом наследии Кипренского в Италии, если исключить автопортрет из Вазарианского коридора, до самого последнего времени почти ничего не было известно. Трудности, с которыми приходится

сталкиваться при выявлении его работ, объясняются большими проблемами в изучении искусства художника, а разработке его биографии не только итальянского, но и отечественного периода. О многом мы знаем лишь фрагментарно, о многом не знаем совсем, многое можем лишь предполагать, основываясь на скудных и нередко весьма субъективных сведениях, сообщаемых мемуаристами или перепиской современников. Множество людей, черты которых обессмертила его кисть, до сего времени не определены и значатся в каталогах как изображения неизвестных. Даже одна из самых любимых в нашей стране его картин — портрет Евгения Давыдова более ста лет считался изображением знаменитого партизана, героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова.

Как известно, Кипренский приехал в Италию во второй раз в 1828 году. Тогда в Риме постоянно проживала княгиня Зинаида Александровна Волконская. Дом Волконской в течение многих лет был своеобразным центром, объединявшим русскую художественную колонию в Риме.

Лишь совсем недавно выяснилось, что Кипренский писал портреты членов семьи княгини, о чем не было сведений ни в одном каталоге, ни в одном исследовании творчества мастера. Обнаружилось это в описании принадлежавшей княгине коллекции, перешедшей в двадцатых годах нашего века в руки римского антиквара русского происхождения барона Леммермана, которое вышло в свет в 1966 году в Риме. Надо сказать, художественное и историческое наследие, связанное с именем Волконской, постигла весьма печальная участь. Сын княгини, Александр Никитич, видный дипломат, бывший русским послом в Неаполе, Дрездене и Мадриде, не имел детей, и все состояние после его смерти в 1878 году наследовала приемная дочь Надежда Ильина, вышедшая замуж за итальянского маркиза Кампанари. В 1920 году Кампанари продал римскую виллу З. А. Волконской, а богатейшее собра-

О. Кипренский. ПОРТРЕТ ВЛАДИМИРА ПАВЕЯ.

Швейцария. Частное собрание.

ние картин книжки, которое украшали подлинные шедевры русского искусства, принадлежавшие кисти Федора Рокотова, Ореста Кипренского, Сильвестра Шедрина, Карла Брюллова и других первоклассных отечественных мастеров, тогда же перекочевало в частные коллекции. Некоторые из этих работ оказались в руках барона Леммермана и недавно были распроданы на аукционе в Риме (подробно о судьбе коллекции З. А. Волконской сообщается в статье «Русский клуб у фонтана Треви» в «Литературной России» от 3 декабря 1976 года). Приобретенную за деньги Кампанари коллекцию автографов книжки, адресованные ей письма Пушкина, Гоголя, Жуковского, Глинки и других виднейших представителей русской культуры барон еще при жизни перепродал Гарвардскому университету в США. Другая часть архива З. А. Волконской и ее предков, включая, в частности, письма Петра I и Екатерины II, как удалось установить, хранилась в фамильном замке маркиза Кампанари близ города Фрозиноне и погибла во время второй мировой войны. Вместе с архивом, видимо, погибли и находившиеся там многие произведения русского искусства.

Портрет кисти Кипренского на римском аукционе был куплен швейцарским коллекционером. На нем изображен приемный сын З. А. Волконской — Владимир Павей. О судьбе этого человека мы знаем лишь, что он был подкидышем, подобранным на мостовой в Лондоне. Отсюда и фамилия Павей (от французского слова le pavé, означающего «мостовая»). Книжкина усыновила ребенка, назвав русским именем Владимир. Одногодок с ее родным сыном, мальчик рос и воспитывался в доме книжки, видимо, вплоть до 1832 года, когда Александр уехал из Рима в Петербург для продолжения образования. Позднее приемный сын Волконской служил в папской гвардии.

Судя по всему, Владимир Павей позировал художнику незадолго до отъезда А. Волконского в Россию, когда юноше было уже лет двадцать. Александр Никитин родился в 1811 году. Портрет Павей, следовательно, относится примерно к 1831—1832 годам, ибо с конца 1829 по апрель 1832 года Кипренский жил в Неаполе. Книжкина перед расставанием сверстников наверху заказала парные портреты сыновей — и родного и приемного, но судьба второго полотна пока неизвестна.

Другую затерявшуюся работу художника в Италии можно увидеть в неаполитанском музее Палаццо Реале. О работе Кипренского знали в России, ибо речь шла о картине, известной из переписки самого художника как портрет «двух мальчиков, приятно сгруппированных, писанных для покойного короля Франческо I до его отъезда в Испанию». На одном из полотен музея действительно были изображены два подростка в характерных неаполитанских костюмах, написанные на фоне замшелой скалы; за которой открывается вид на море и окутанный облаками Везувий. Однако на этикетке под картиной, носившей название «Два молодых рыбака, написанные в полурусле», фамилия Кипренского была искажена до неузнаваемости. Мы обратились в дирекцию музея за сведениями об истории этой работы. Недоумение рассеялось сразу же после того, как картину сняли со стены. На обратной стороне холста почерком Кипренского была четко выведена подпись латинскими буквами *Orestes Kiprensky* и дата: 1829 год.

Как случилось, что живописец, едва приехав в Неаполь, удостоился заказа от самого неаполитанского короля? Этому, конечно, мог способствовать и старожил тех мест Сильвестр Шедрин. Но в известной переписке пейзажиста, где он с большой симпатией рассказывает о встрече со своим старым другом, нет ни слова об этом. Скорее всего, Кипренскому помогла получить заказ его давняя знакомая, дочь М. И. Кутузова Елизавета Михайловна Хитрова, долгие годы жившая в Италии и лично знавшая многих европейских монархов.

Во Флоренции нам удалось разыскать еще одну работу Кипренского. Это карандашный портрет Петра Дмитриевича Бутурлина, старшего сына знаменитого русского библиофила Д. П. Бутурлина, с 1817 года жившего со своей семьей во Флоренции (подробно о бутурлинских расклевывается в статье «Бутурлины — друзья детства Пушкина» в «Огоньке» № 32 за 1978 год). Живописец общался с Бутурлиными, которые были людьми просвещенными и покровительствовали художнику, писал их. У потомков сохранился только один портрет — Петра Дмитриевича. Он не подписан, но авторство Кипренского подтверждает и семейное предание, и характер штрихов, и даже тип бумаги, которой он часто пользовался — плотной, серо-коричневой по цвету, — и типичная для художника манера датирования своих рисунков. Под портретом его рукой написано по-итальянски: «Natalie 1818», то есть «Рождество 1818 года».

Портрет П. Д. Бутурлина относится к числу немногих известных нам графических листов Кипренского первого итальянского периода. Вместе с другими работами, вновь открытыми в Италии, он расширяет наши знания о жизненном и творческом пути мастера, чьи произведения прославили русское искусство далеко за пределами Родины.

Кипренский умер 5 (17) октября 1836 года в Риме, пятидесяти четырех лет от роду. Он собрался на родину, уже попросился с друзьями, но отъезд помешала болезнь. В могилу его свело, как свидетельствует Ф. Иордан, воспламенение легких. «Жаль было видеть», — писал он, — стоявший на полу простой гроб, с теплой лампадой в голове. Старичок священник сидел в стороне. Прискорбно было видеть это сиротство славного художника на чужбине».

По традиции в Риме октября — месяц забав, когда нарядные и разукрашенные цветами горожане с бубнами в руках развезают по улицам, распевая песни...

«Мы же, — пишет далее Иордан, — с пониженными головами следовали за гробом до церкви Сант'Андреа д'елле Фратте, где и поставили в память покойного Кипренского на стене мраморную доску с некоторым рисунком, в виде дверей. Рисунок был сочинен Н. Е. Ефимовым».

Александр Иванов, совесть русской художественной колонии в Риме, называл Кипренского «великим претечей художников русских, сделавшимся известным всему просвещенному миру».

ВСТРЕЧА С ТОВАРИЦЕМ КАДАРОМ

Начало см. на стр. 4—6

в руках неизвестно у кого. Мы спорили и все-таки пришли к выводу — создать рабочую милицию, и, создав ее, мы сказали этим людям: партия вам доверит охрану порядка.

Янош Кадар помолчал, затянулся сигаретой и чуть глуховатым голосом продолжал:

— И знаете, что тогда было самым отчаянным для меня? То, что из этого оружия, доверенного людям, не было сделано ни одного выстрела против народной власти. Ни одного!

«В маленьком кинотеатре рядом с гостиницей «Сабадша» я увидела однажды кинохронику о первых днях освобожденного Будапешта. Особенно запомнились кинокадры: молодой парнишка, забравшись на бронзового коня прославленного вождя венгерских племен — князя Арпада, усердно намыливал щеткой усы и бороду сурового воина. Памятник Тысячелетия скульптора Дьёрдя Зала ушел в дни кровавой битвы за Будапешт. Это не было чудом, это был подвиг сынов нашей страны. Спасая от разрушений прекрасный город и замечательные памятники, они отказались от массированного обстрела орудиями и шли с тяжелыми бомбами от дома к дому».

Вский раз, приезжая в Будапешт, я иду к памятнику Тысячелетия на площади Героев и, стоя перед историей, думаю о том, сколько же мук, сколько терзаний перенес этот маленький гордый народ! Сколько раз поднимался он на борьбу, захлебываясь кровью! Владычество турецких султанов. Четыре века грабежей жидовных Габсбургов. Бесконечно долгая ночь фашистской диктатуры Хорти. В мире немного народов, которые, пройдя через такие испытания, сохранили такое высокое самосознание, самобытную культуру и оптимизм.

Когда в космос отправился сын венгерского народа и слышала, как москвичи, раскрыв газету с фотографией Берглана Фарнаша, говорили: «Посмотрите, какой симпатичный парень, типичный венгр! Люди, я замечала, сионимы связывают внешность человека с национальным характером. Что в таком случае можно сказать сегодня о национальном характере венгров?»

— Национальный характер... По моему, это философский вопрос. Чаще всего народу приписывают какие-то качества, хотя, признаю, в этом есть своя истина. Например, говоря о русском народе, называют такую черту его национального характера, как способность принести себя в жертву во имя торжества человечности и добра. Да, советские люди принесли огромные жертвы, заплатив миллионами жизней за свободу не только своей, но и многих стран. Мы помним это и никогда не забудем! Ну, а если перейти к сути венгерского национального характера, то нужно взглянуть в отдаленную историю.

Прежде в Венгрии часто сетовали на то, что венгерский народ — народ-сирота, что он одинок в мире. Как известно из истории, племена наших предков появились в Европе, когда тут уже жили народы, принадле-

жавшие к германским и славянским группам. И только у венгров не было родственников! Это чувство исторического одиночества появилось, по-видимому, на то, что венгры очень чувствительны к обидам и похвалам. Венгры по характеру вспыльчивы, а если воодушевлены, то безгранично. Наша страна подарила миру замечательных поэтов, композиторов, ученых, и это — свидетельство большой духовной мощи венгерского народа.

Особенно высоко венгры ценят дружбу, настоящую дружбу, которая проверена в трудные дни. И Венгрия ныне не одинока, ее народ не изолирован. У нас надежные друзья, мы поддерживаем братские отношения с социалистическими странами, с советским народом.

— Буржуазная пропаганда, враги социалистической Венгрии не раз делали ставку на пробуждение в людях националистических чувств, подменяя патриотизм национализмом. Однажды вы написали, что писал о патриотизме более чем полстолетия назад великий венгерский революционер поэт Ади: «Национализм — не патриотизм... Тот, кто является противником прогресса, стремления к лучшему, безусловной свободы человеческого духа, тот предаст отечество, хотя бы он вечно был занят не чем иным, как пением национального гимна». В неаполитанской работе, в системе образования венгерские коммунисты уделяют большое внимание проблемам патриотизма и интернационализма. Что бы вы хотели сказать по этому поводу?

— Я думаю, что ярые врагами коммунистических идей являются, с одной стороны, религиозные убеждения, а с другой стороны, национализм. Национализм более опасен, и поэтому с ним надо решительно, бескомпромиссно бороться. А к национальному чувству следует относиться бережно, с уважением. Я полагаю, что в нашей стране правильно понято чувство патриотизма, складывающееся из поколения в поколение, а также идея социализма постепенно сливаются в единое целое. Воспитывать сознательного гражданина Венгрии и сторонника социализма — вот какую задачу поставили коммунисты и решают ее. Таким образом совмещаются эти два политических понятия — патриотизм и интернационализм. Мы вправе гордиться тем, что создал сегодня наш народ. И в этом смысле мы можем быть гордыми патриотами.

— Каково из достижений социалистической Венгрии вы цените выше всего?

— Национальное единство в деле строительства социализма и то, что главная заслуга в этом единстве принадлежит коммунистам, нашей партии.

Будущее Венгрии... Каким оно представляется? Об этом шла речь на минувшем XII съезде Венгерской социалистической рабочей

партии. Поиск резервов рентабельного ведения хозяйства — вот конкретная задача, которую решает сегодня страна. И ключевым вопросом в решении этой проблемы становится ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР, то есть максимальное использование возможностей, кроющихся в каждом человеке.

Этой весной я побывала на сельскохозяйственном комбинате «Баболна» и познакомилась с его директором Робертом Бургером. В селе Баболна живет сейчас 3,5 тысячи человек, а на комбинате работает почти пять тысяч. Молодые специалисты стремятся попасть сюда на работу. Почему? Об этом я спросила на этой неделе Ласло Балаго. «Здесь», — ответил он, — если человек любит свою работу, он очень скоро может увидеть результаты своего труда. Меня здесь привлекает организованность, темп работы».

В начале века Баболна являлась знаменитым конным заводом. Но не лошади, а куры составляют сегодня главное богатство этого крупнейшего в Венгрии сельскохозяйственного предприятия, 350 миллионов суточных цыплят ежегодно выпускает «Баболна». Вот факт, характеризующий масштабы товарооборота на этой ферме: регулярно самолеты с продукцией «Баболны» отправляются более чем в 30 стран Европы, Азии и Африки. Руководитель известного на эту страну комбината Роберт Бургер с удивлением рассказывал нам простую историю создания этого современного хозяйства. Одним из главных «секретов» успеха он назвал дух «Баболны»: это прежде всего стремление пробудить в каждом, кто здесь работает, творческую инициативу. Я рассказываю товарищу Кадару о своих впечатлениях и говорю, что на этом комбинате мы действительно заглянули в будущее Венгрии.

— Так оно и есть! — отозвался он. — «Баболна» действительно воплощает в себе будущее. Именно с этой целью четверть века назад мы организовали государственные хозяйства, которые должны были стать творческими мастерскими по созданию новых форм в современном сельском хозяйстве Венгрии. Мы познакомились с государственным — сельскохозяйственным комбинатом. А у нас есть еще подобного рода кооперативные хозяйства и предприятия, передовой опыт которых со временем — будет общим достоянием. Но пока положение неравномерное. Есть такие хозяйства, а есть иные... Мы стараемся дать больше самостоятельности руководителям предприятий, кооперативов. Примерно половина капиталовложений осуществляется согласно правительственным решениям, а другая половина — по усмотрению отдельных хозяйственных единиц, конечно, в каких-то финансовых рамках. И если то или иное предприятие успешно справляется со своими задачами, оно получает право на самостоятельную внешнеторговую деятельность».

— Как «Баболна», которая сегодня успешно конкурирует с крупнейшими капиталистическими фирмами Англии, ФРГ, Голландии, Испании?

— Да, это подходящий пример. Что нами руководило, когда мы это затеяли? Стремление сделать централизованное управление экономикой более гибким. Мы считаем, что следует сократить многоступенчатость в руководстве экономическими процессами. Предприятия, получив возможности принимать самостоятельные решения, не теряют время на «ерескачку», а значит, действуют более оперативно. Каждый руководитель имеет возможность показывать свои творческие силы и способности.

— Вы снова вернулись сейчас к разговору о доверии. Получается, что именно из этого большого доверия и способностям людей и их знаниям своего дела рождается но-

вый тип делового человека социалистического мира?

— Именно так! И такое отношение, на мой взгляд, дает большое преимущество в работе с кадрами.

...На XII съезде Венгерской социалистической рабочей партии много говорилось о молодом поколении страны. Отмечалось, что число членов партии в возрасте моложе тридцати лет составило 60 процентов от количества вновь принятых в ее ряды за последние пять лет коммунистов. Я спрашиваю товарища Кадару, какие мысли вызывает у него современная молодежь и конкретно новое поколение венгров.

— По своим убеждениям я коммунист и сторонник социализма и считаю, что лучше коммунистической идеи ничего нет в мире, и потому именно она привлекает и будет привлекать новые и новые поколения молодежи земного шара. Хотя это иногда происходит сложным путем. Молодость — важный период в жизни человека, когда, имея относительно небольшой жизненный опыт, ему приходится занимать позицию по большому вопросу, которые оказывают влияние на его дальнейшую жизнь. Поэтому молодежи нужно жить так, чтобы, познав уроки борьбы старшего поколения, она была способна решить важные, серьезные задачи. Порой при оценке молодого поколения некоторые придают слишком большую роль внешнему виду, одежде, моде. По-моему, мода может быть какой угодно, самое важное — чтобы она сочеталась с чистотой и здоровьем. Помню, в годы подполья наша комсомольская ячейка вела борьбу против узких брюк — их называли, кажется, «чарльстонами». И что же? Результат был равен нулю! Потом вошли, если помните, в моду широкие брюки, а потом опять вернулись узкие... Но о главном, о серьезных вещах, об отношении к жизни с молодежью нужно говорить серьезно и честно. Я убежден: с молодым поколением нельзя разговаривать свысока, считая их незрелыми. И тут провозглашения одних истин и лозунгов недостаточно. Конечно, нужно рассказывать им о прошлом. Но уметь. Почему я так говорю? Потому что перед нами молодые люди, которые выросли совсем в ином мире, и прошлую жизнь нашего поколения они должны воспринимать, как говорится, на веру. Если я рассказываю им, как мы голодали, меня, думаю, до конца не поймут. Потому что в представлении современного молодого человека чувство голода — это когда ему очень хочется есть, а пообедать он не успел. Как им объяснить, что прежде был совсем иным голод, когда люди просто годами не могли досыта поесть. Ну, а кто из молодых имеет представление, что такое «ходить в опорках»? Ныне молодые люди покупают новые джинсы, трут их о камни и после такой «работки» надевают. Молodie! Ему, такому юному, непонятно, как может быть, чтобы человек работал и у него не было бы приличной одежды. Мне было 30 лет, когда у меня появились два костюма — один выходной, а другой рабочий. И это казалось нормальным. Так что нужно молодым рассказывать о прошлом, но главное — с ними серьезно и откровенно надо говорить о настоящем — о положении в мире. И мы делаем это. Нужно, по-моему, в работе с молодежью использовать то, что представляет

самую большую педагогическую трудность, — действовать личным примером и не допускать, чтобы слово расходилось с делом. Правда, в их возрасте хочется, чтобы все исполнялось быстро. Но так не всегда получается. И надо учить молодежь стойкости, уметь проявлять волю в достижении целей.

Записывая эти слова в блокнот, я вспоминала нашу недавнюю встречу в общекитинг Будапештского политехнического института с четверкой симпатичных студентов факультета электроники. Они приехали с разных концов страны. Пятикурсник Рудольф Яйфалы из города Сомбатхей на границе Австрии. Победитель школьных математических олимпиад Балаш Баго приехал из села неподалеку от Дебры, Иштван Хорват из шахтерского городка Айна, а второкурсыш Пьер Юрст из городка Дебрецена, который называют «городом студентов». Трое из них из семей рабочих, у Петра родители — педагоги. И всех их объединяет явление в электронно-вычислительной технике. Мы спросили у ребят, каким они представляют свое будущее. И услышали в ответ самое главное при выборе работы — чтобы было интересно. А затем они сказали: «Это, конечно, важно, но не решающее». Оказалось, что в дальнейшем все ребята планируют — продолжать специализацию. Инженеры эти нам очень понравились. Особенно понравился, как честно ответили они на предложение дать характеристику своему поколению. Вот что они сказали: «Да, мы живем материально гораздо лучше родителей и не знаем тех трудностей, через которые прошли они. Это так! Но это еще не значит, что наше поколение уступает предыдущему. Мы грамотнее, просвещеннее родителей. Мы серьезно относимся к учебе, потому что считаем: наши знания — наше оружие. Во время войны человек видит перед собой врага в лицо. Теперь враги действуют иначе, их сразу не распознаешь, потому нам труднее вести борьбу, но мы ее ведем и будем бороться за свои убеждения!».

В голосе Яноша Кадару звучат отеческие нотки:

— Нельзя допускать, чтобы молодое поколение считало, что все сделано. Им еще много предстоит совершить, и мы должны им показать — смотрите, какой была страна прежде и какой стала. Мы, старшее поколение, боролись за эту жизнь и, как видите, добились успехов, и вы тоже непременно за это должны уметь драться!

...Увлеченная беседой, я совсем позабыла о времени. Взглянула на стрелки циферблата, и... неужели прошло три с половиной часа? Я вспомнила о тех двух часах, в которые просили меня уложиться, и вдруг отчетливо поняла, отчего так произошло: руководитель партии, трижды награжденный орденом, человек большого обаяния, Янош Кадар, прежде всего — замечательный агитатор, который уверенно ведет за собой слушателя.

— Ну, а теперь, я думаю, пора уже закончить, — произносит товарищ Кадар. — И, заканчивая, я вернусь к тому, что услышал на самом первом моем комсомольском собрании. Международная обстановка сложная. Но мир изменился. Тогда, в 30-е годы, Советский Союз был единственной социалистической страной на земном шаре, и был он окружен враждебным миром. Сегодня социализм стал мировой системой. Классическая колониальная система развалилась. Империализм еще силен — у него материальная сила, военная мощь, он еще жизнеспособен, но уже не может делать все, что хочет. И это самое важное.

Что же касается международной обстановки, я всегда был и остаюсь оптимистом. За свою долгую жизнь я стал свидетелем огромного развития мира. Это только кажется, что идет оно мед-

ленно, а в действительности перемены разительны. С тех пор, как я стал коммунистом, не раз меня арестовывали, отправляли в тюрьму. За годы, проведенные в тюрьме, я размышлял над обстоятельностью жизни и думал: наступит ли когда-нибудь освобождение? И сам себе отвечал: да, такое время придет! Когда началась война, я работал на разных предприятиях. Там работали и нацисты и коммунисты. Мы вели ожесточенные споры на раннем этапе войны о том, чем же все кончится. Трудно было тогда предугадать — ведь советские войска отступали. Но я верил: Советский Союз фашисты не смогут уничтожить! У меня были свои доводы, из них вытекало, что однажды Советская Армия все-таки придет сюда и принесет нам долгожданную свободу. И она пришла! Помните, я рассказывал о том, как мы жили две недели перед освобождением в доме на Хунгария-кёрут? Там была женщина на восьмом месяце беременности. Хотя мы конспировались, она каким-то образом все-таки разгадала, кто мы такие, и во время обстрелов кричала: «Когда же придут ваши советские!» И я успокаивал ее: «Точно не скажу, но они придут обязательно!» И там, в подвале дома, я спрашивал себя: а доживу ли я до встречи с советскими людьми? И верил: доживу! И вот что я хочу сказать: если бы в 1931 году, когда я пришел на первое комсомольское собрание, кто-нибудь нарисовал мне сегодняшнюю политическую карту мира и сказал бы, что это будет в 1980 году, я проголосовал бы за это двумя руками. Двумя руками!

Сколько бы ни ругали наши идеологические противники социализм, им не повернуть истории вспять. У человечества нет другого будущего и надежды, чем мир и социалистическое общество. И новую истребительную мировую войну империалистам развязать не под силу. Но они, конечно, испробуют все средства для осуществления своих планов. Недооценивать этого нельзя. Вот сейчас они всячески муссируют так называемый вопрос об Афганистане. Для чего? Ясно — чтобы очернить Советский Союз. Поэтому нужно бдительность и еще раз бдительность. Человечество в состоянии предотвратить мировую войну. Я убежден в этом!

...Оптимизм — эту черту характера Яноша Кадару отмечают все, кто встречался с ним. Как-то один из венгерских журналистов спросил: «Вы перенесли много испытаний. Откуда все же ваш здоровый оптимизм?» «Пожалуй, именно оттого, что я уже через очень многое прошел, пережил тяжкие испытания. А под их воздействием человек закаляется... Я никогда не отрицаю, что оптимист». Я был им и в самой трудной обстановке, что я приписываю в первую очередь тому, что являлся сторонником научного мировоззрения, — коммунизма. А кто коммунист, тот и оптимист».

Прощаясь, я благодарю товарища Яноша Кадару от имени читателей «Огонька» за эту интересную беседу и прошу его ответить на последний вопрос. Этот вопрос из анкеты-исследования, которую придумали в семье Карла Маркса.

— Ваше любимое занятие?

— Чтение книг. С раннего детства, когда я пристрелился к книгам, и по сей день чтение — мое любимое занятие. Свободное время я провожу традиционно — читаю.

Будапешт — Москва.

СВИНЦОВЫЙ МОНУМЕНТ

Сергей САРТАКОВ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

10

Ночь Андрей провел беспокойно. Уснуть-то он сразу уснул, словно в теплой комнате растерялся. Но потом на него навалились тяжелые, запутанные сновидения. Он крутился с боку на бок, то натягивал одеяло на голову, то сбрасывал почти совсем. Койка-позвизгивала, когда он вдруг приподнимался, минуту сидел в оцепенении, открыв глаза, и вновь падал на подушку.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—37.

А виделись ему изрытые окопами широкие заснеженные поля, и среди них он все ходит и ходит один, отыскивая своих товарищей. Пули свистят, дребезжат в полете, либо вспарывают землю у самых ног. Укрыться от них нигде и почему-то нельзя. Страшно.

Наутро, когда, как обычно, на всю казарму прогремел зычный вскрик старшины: «По-одъем!» — Андрей вскочил под впечатлениями этих ночных сновидений и в предощущении того, что снова придется бежать на плац по тревоге, хватая винтовку и шанцевый инструмент с пирамиды, потом шагнул по скользкой дорожке на стрельбище и там ежился под леденящей поземкой, негнущимися пальцами нажимать на спусковой крючок. А пули снова полетят «за молоко», и командир дивизии Зыбин своим твердым, непрклонным голосом будет делать ему новый выговор.

Но все оказалось совершенно привычным.

Вскочили, умылись, заправили койки и выстроились на утреннюю переключку. Старшина оглядывал роту весело, накладок не было никаких. А перед тем, как распустить ее, он приказал Андрею выйти из строя. Затем командовал всем «разойтись!» и, повернувшись к Андрею, шепнула озабоченно и с сочувствием:

— Боец Путинцев, дело-то получается кислое. Тебя с полнотруком в штаб дивизии вызывают.

Он говорил доверительно и на «ты», жалеючи молодого парнишку. Старшина уже знал, что Зыбин раздраженно сорвал стенгазету — подумать: сорвал стенную газету! — а Путинцев нарисовал каких-то там на ней тараканов, которых принял командир за живых.

— Товарищ старшина, а зачем вызывают? — тронутый его доверительным тоном, наивно спросил Андрей.

— Откуда я знаю? А время нынче военное.— Старшина многозначительно нажал на последнее слово.

На политзанятиях командир роты Кобцев тоже говорил о войне. А после него политрук Ярославцев подробно рассказывал о тех обстоятельствах, которые вынужденно привели Советский Союз к вооруженному отбору. Наша страна все время, с первых дней Октябрьской революции, предлагала Финляндии дружбу и взаимную помощь, капиталистические же державы — особенно Германия и Англия — через Финляндию хотят держать под устрашающим дулом артиллерии город Ленина; чтобы отсюда им было легче вознестись при случае острый кинжал в грудь рабоче-крестьянской республики.

Андрей слушал и думал, что, конечно, если война началась, в сердце своем каждый боец должен считать себя фронтовиком. И ему вспоминались рассказы отца, рассказы прапраба Федора Ильича о германской, империалистической войне и о войне гражданской. Отец счастливо избежал ранений, а Федор Ильич и порубленный и простреленный. Но о войне и тот и другой говорили, что, если защищаешь Родину, защищаешь свое правое дело — о смерти не думаешь. То есть думаешь, но не о том, как где-то укрыться бы от нее, думаешь, как ее победить. Потому что смерть на войне одолеть можно единственно только смелостью. А того, кто от смерти прячется, она непременно сама найдет. Студная и бесславная. Таков ее неотвратимый закон.

Он все ушел в свои мысли. «Надо чувствовать себя и здесь, как в бою», — говорит политрук. Но ведь как это чувство себе ни внушить, а спать ты будешь все-таки на чистой постели в теплой казарме, строго по часам заниматься боевой и политической подготовкой, ходить в столовую, в клубе смотреть веселые кинофильмы, а на стрельбище посылать свои пули в деревянные щиты. Надо, конечно, надо чувствовать себя фронтовиком, но этого мало...

— Красноармеец Путинцев, — расслышал он недовольный голос политрука. — Что вы уперлись взглядом в окно? Кроме снега, там нет ничего.

За окном действительно кружилась легкая метелица, смутными силуэтами выделялись поодаль стоящие безлистые тополя. Но Андрей и этого не видел.

— Виноват, товарищ политрук, — поднимаясь, сказал он. — Прошу прощения, задумался. Ярославцев сделал жест рукой: ладно, садитесь. Но лицо у него осталось хмурым.

С таким же хмурым лицом он ехал потом в машине вместе с Андреем к штабу дивизии. Зыбин в своем большом кабинете сидел один, склонившись над кратким курсом истории партии и делая из него выписки. На длинном столе для заседаний, стоявшем сбоку — Андрей при входе сразу же уловил это краем глаза, — лежала золоточная стенгазета, по углам приделанная линейками и чугунными пепельницами.

Комдив принял рапорт политрука, перешел к длинному столу и, постукивая карандашом по газете, пальцем показал на стулья:

— Сидитесь. Сам он остался стоять. Тонкой шерстью гимнастерки комдива не имела ни единой морщинки, однако он и еще разглядел ее, залупив ладонь под широкую, красиво простроченный толстой шелковой нитью кожаный пояс.

— Путинцев, это вы нарисовали такую мерзость? — спросил Зыбин после некоторого молчания. И остановил Андрея, для ответа ископавшего было со стула. — Сидите. Вы можете нарисовать что-нибудь другое? Здесь, прямо при мне.

— Попробую, товарищ командир дивизии, — сухими губами выговорил Андрей. Ничего доброго тяжелый взгляд комдива не предвещал. — А что нарисовать?

— Что хотите. — Зыбин придвинул к нему заранее приготовленный флакончик с тушью, перья и несколько листов хорошей рисовой бумаги. — Сколько для этого нужно вам времени?

— Полчас, товарищ командир дивизии, — неспешно выговорил Андрей, даже не представляя себе, что же будет он рисовать. Комдив назвал тараканов мерзостью, цветочки с этим

строгим кабинетом и еще более строгим его хозяином совершенно не вяжутся, а люди у него самого, Андрея, получаются плохо. Словом, куда ни кинь — все кляни. И вдруг Андрею с какой-то отчаянной подумалось: а почему он должен приспосабливаться? Тем более, если комдив сказал: рисуйте, что хотите. Вот он и нарисует... стрекозу. Ее уж мерзостью никак не назовешь!

— Полчас... Многовато. — Зыбин качнул головой. — Ну, хорошо. А вы, товарищ Ярославцев, пока прочтите то, что здесь вот у меня заложено.

И мельком Андрей заметил на корешке книги, поданной комдивом политруку, фамилию автора «Ан. Луначарский».

Зыбин вернулся к своему столу. Наступила мертвая тишина. Андрею казалось, что ее нарушает даже прикосновение тонкого перышка к бумаге, он не решался и чутко подвинуть стул, хотя сидеть ему было очень неудобно. И не заметил, как улекаясь. Если перо его слушалось, он забывал обо всем.

А стрекоза получилась на славу. Сидела на тонком стебельке пырея, слегка согнувшегося под ее тяжестью, и одна передняя ножка у нее была немного приподнята, точно бы модница стрекоза собиралась ею смаснуть какую-то соринку со своей изящной головки. Еще, еще движение пера, и стебелек пырея закачался от налетевшего порыва теплого ветра, а на самый конец пырейного колоска прилепился комар, принесенный именно этим же ветром...

— Полчас истекли, — услышал Андрей и торопливо поправил крылышко стрекозы, которое тоже должен был шевелить налетевший ветер.

Зыбин стоял у него за спиной и молча разглядывал рисунок. Андрей замер. Была стрекоза как стрекоза. Совершенно живая. Дернуло же его нарисовать ветер. И комара. Все это вместе тоже сошлось бы превосходно. Да, но для этого надо, что его знает, еще десять — пятнадцать минут, а может быть, и два часа. Беспощадно назначенное время, как оно сейчас убивает движение, жизнь, красоту!

— Путинцев, выйдите из кабинета, — жестко сказал Зыбин. Но у двери остановил: — Не по уставу, Путинцев, выходите. И на рукаве гимнастерки черная ниточка прилепилась. Делаю вам замечание. Подождите в приемной.

Держуний майор с блестящими «шпалами» в петлицах непонимающим взглядом посмотрел на него. Почему комдив выставил из кабинета этого красивого, как вореная свекла, бойца одного и задержал политрука, с которым вместе красноармеец сюда был вызван? Но спрашивать Андрея не стал. Все выяснится после.

Вошел еще один штабист. У этого светились по две «шпалы» в петлицах. Кивнув головой на дверь, ведущую в кабинет Зыбина, спросил майора:

— Занят? — Да, кажется, политруку из Чулковского полка за что-то дает сильную зубочку. Есть с Карельского перешейка новости, Антон Васильевич?

— Есть кое-что. Не очень срочное. А вот из Ленинграда сообщают: добровольцы сотнями подают заявления. Помните? «Нас водила молодость в себелый поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед»?

— Н-да, нам не достается, нашей дивизии стоять да читать сводки с фронта.

А Зыбин между тем, прохаживаясь по кабинету, расспрашивал политрука:

— Кто этот Путинцев? Откуда он? Его родители? Образование? Где он учился рисованию? Его политическая грамотность?

— Путинцев — рядовой первого года службы... начал было политрук и запнулся, сожалея, что надо было ему на всякий случай ознакомиться с подробностями личного дела Путинцева. Всех в роте новичков не успел еще запомнить. Но об этом не скажешь вслух. И обрадованно прибавил: — Комсомолец.

— Что он рядовой первого года службы, товарищ Ярославцев, я слышал на стрельбище от самого Путинцева, — сказал Зыбин, замедляя шаг. — Ну, комсомолец... А я вас спрашиваю не только об этом.

— Виноват, не успел еще... Кажется, сибиряк... Политрук терялся в догадках, какой ат-

тестации Путинцева добивается от него комдив: хорошей или плохой. Похоже, будто заинтересован им. Однако ж и тогда, на стрельбище, влепил ему два норада и теперь сделал замечание очень строгим голосом. Явно был раздражен тараканьей парочкой на стенгазете и, взглянув сейчас на новый рисунок Путинцева, тоже не улыбнулся.

— Больше ничего не добавите, Ярославцев? И в этом вопросе Зыбин не было никакой окраски. Политрук невольно повел плечами. Вспомнил, на политзанятиях Путинцев все время глядел в окно и в блокнот ничего не записывал.

— Рассказ... Выдержкой и дисциплиной не отличается... Ярославцеву показалось, что комдив немного поморщился. — Хотя особых проступков у него нет. Стенгазету... Взглянул у Зыбина сделавшись острым, колючим. — Впрочем, нет...

— Что «стенгазету» и что «впрочем, нет»? — Он сам заявил о желании принять участие в оформлении. Но художественного акуса, понятно, у него еще недостаточно...

— Вы находите, Ярославцев, стенгазета оформлена плохо, безвкусно? — попытался Зыбин. — Без участия Путинцева она выглядела лучше! Скажем, в прошлом году.

— Нет... Заголовки, шрифты у него хорошо получаются. Но есть...

— ...и тараканы! — закончил Зыбин.

— Да, в общем...

Ярославцев решительно потерял ориентировку. Ему ясно было только одно: комдив над ним, политруком роты, в которой служит красноармеец Путинцев, не издевается, а просто хочет выяснить что-то для него весьма существенное. Но делает это по-своему, по-зыбински.

— Ваше мнение, Ярославцев, об этой стрекозе с комаром? — Зыбин взял со стола рисунок Андрея, подал политруку.

— Не понимаю его аллегории, товарищ командир дивизии, — медленно ответил Ярославцев, так и этак поворачивая лист бумаги. — Почему комар и стрекоза? Есть в басне Крылова стрекоза и муравей...

— А больше ничего вы здесь не заметили?

— Травинка, на которой они сидят.

— Так, — Зыбин: — взял из рук Ярославцева рисунок, — а таланта художника, исключительной его одаренности вы не заметили?

— Нет, как же, как же, товарищ командир дивизии! — ослепительно вскрикнул Ярославцев. — Очень талантливый! Я просто не понял вашего вопроса. Говорил о том, что здесь конкретно изображено.

— Но здесь еще изображен и легкий ветер, так мне кажется, а вы о нем ничего не сказали.

— Да, да, и ветер, конечно...

— Видите ли, Ярославцев, я вызвал вас сюда с расчетом услышать достаточно полный рассказ об интересном молодом художнике Путинцеве, — проговорил Зыбин, возвращаясь к своему столу и упираясь в него скатыми кулаками. — Вы ничего сообщить не могли. Допускаю, что действительно новое пополнение вы не успели как следует изучить. Хотя на Путинцева, на его талант не обратить серьезного внимания сразу же, ну, просто невозможно. Конечно, прежде всего он рядовой красноармеец и, кажется, неважный стрелок. Учить военному делу его нужно, быть требовательным к нему, как и к любому бойцу, но погубить в нем талант художника — это хуже, чем потерять красноармейца Путинцева в бою. Вывод понятен?

— Понятен, товарищ командир дивизии.

— Началу я полагаю просто необходимым на это обратить ваше внимание. Кстати, и Луначарского поэтому дал вам почитать, у него есть тонкие размышления о природе таланта, — продолжал Зыбин. — Я намерен был обязать вас лично следить за развитием художественных способностей Путинцева, разумеется, не ставя его в привилегированное положение, вернее, ставя, но так, чтобы ему самому и его товарищам не было заметно и чтобы это казалось его только как художника.

— Будет исполнено, товарищ командир дивизии.

— Нет. Теперь я решил иначе. Путинцева мы заберем из вашего полка. Он будет проходить службу при штабе дивизии. Должните

Чулкову, что откомандировать Путинцева он должен после того, как Путинцев выполнит два наряда вне очереди, которые я дал ему на стрельбище. А теперь позвоните его сюда.

Андрей уже запомнил, как полагается войти в кабинет командира, но весь еще был под впечатлением услышанного им в приемной разговора штабистов.

— Путинцев, где вы учились рисовать? Общеве ваше образование?

— Неполная средняя школа, товарищ командир дивизии. А рисовать я нигде не учился, таким родился, мать говорила.

Первый раз за все время Зыбин слегка усмехнулся.

— А кто ваши родители?

— Да так... Отец умер в прошлом году, кладовщиком раньше работал. А мама — по дому. Вы не женаты?

— Нет! Нет! — даже с каким-то испугом ответил Андрей. Вопрос был неожиданным и для него неприятным. Он сбился с тона, забыл, что при ответе полагается говорить «товарищ командир дивизии». И повторил: — Нет, нет, я не женатый, — едва не добавив: «и не буду женатым».

— Ну, что же, Путинцев, вы свободны, — сказал Зыбин. И вдруг спросил еще: — У вас нет никаких заявлений?

— Есть заявление. — Андрея охватило сильное волнение. Не спроси его Зыбин, он никогда не решился бы произнести эти слова. Теперь, ему показалось, он взбежал на высокую гору, откуда все видно от края земли и до края.

Ярославцева словно током ударило. Что сейчас скажет этот не знающий еще азов дисциплины боец?

— Слушаю вас, Путинцев, — проговорил бесстрастно командир.

— Разрешите поехать мне добровольцем на фронт.

Глаза у политрука округлились. Зыбин, не дрогнув в лице ни единым мускулом, молчал. Потом спросил с прежним спокойствием:

— Почему? Чем вызвана эта просьба?

— Так ведь война же, товарищ командир дивизии! И в Ленинграде все записываются в добровольцы.

Он это сказал с такой искренностью, с такой убежденностью и справедливости и неотклонимости своей просьбы, что Зыбин не сразу нашел, что ему ответить. Собственно, сам по себе ответ был очень прост. Красноармеец Путинцев находится на действительной военной службе. Понадобится выступить на фронт всей дивизии, а ее ряды будут и он. Добровольцами в Ленинграде — безусловно, и во многих других городах — записываются те, кто не служит в армии или находится в запасе, словом, кто не подлежит объявленной мобилизации.

Но ответить так — значит погасить в душе Путинцева самое дорогое: честное желание грудью стать на защиту Родины, пойти на встречу опасности, не щадя своей жизни. А он всего три раза был на стрельбище и пули свои посылает еще «за молоком», он рядовой первого года службы.

Ответить ему отрицательно? А через несколько дней перевести в штаб дивизии и дать ему здесь возможный простор именно как молодому, одаренному художнику? В этом есть и надобность — газета, клуб, — и есть к этому прямая обязывающая необходимость. Ведь только что он сам говорил Ярославцеву: погубить в Путинцеве талант художника — это хуже, чем потерять красноармейца Путинцева в бою. А что подумает Путинцев, получив как бы в противовес своей просьбе направление не на фронт, а, наоборот, в наиболее спокойное место службы в глубоком тылу? Тем более, чем Путинцев и таланту своему не придает никакого значения, видимо, даже не осознает, что он им обладает, он «таким родился».

Удовлетворить его просьбу? Нарушить существующий общий порядок приема добровольческих заявлений? Он, командир дивизии, властью своей сделать это может. И может сделать, что Путинцев уедет на фронт. А как сложится там его дальнейшая судьба?

Андрей ждал. Зыбин молчал. Ярославцев не отводил взгляда от командира.

— Ваше устное, заявление, — Путинцев, я слышал, — наконец сказал Зыбин. И это не означало ни «да», ни «нет». — Вы оба свободны.

Товарищ Ярославцев, передайте Чулкову, что я жду его завтра в четырнадцать ноль-ноль.

...Конечно, Герман Петрович не хотел заведомо подложить, напоминая: «Андрей Арсентьевич, у вас большое сердце...» Гера просто эти слова сказал, и сказал, как нечто общеизвестное. Его наставления совершенно не затрагивают сознания, воспринимаются как дождь, что стучит по туго натянутому брезенту палатки.

Впрочем, нет, этот дождь отывается в сердце как раз особой болью и тревогой. Он может сшить Дашину складку, расправить примятую ее ногами траву, а с наступлением рассвета повиснуть в лесу густым, непроглядным туманом. Даша зачем-то взяла с собой котелок, единственную вещь, которой недосчитались на таборе после ее исчезновения. Хотела принести воды? Но ведь она не представляла себе, где здесь поблизости может сочиться ручеек. Притом воду обычно приносят мужчины. И в большой канistre.

Было бы понятно, если бы ее об этом попросил Герман Петрович, его любая просьба для Дашы — приказ. Да еще когда он скажет баском, туго напружинивая шею: «Да-рия...» Ишотски развлекло, особенно при посторонних людей обращение к девушке. Словно бы к жене своей. Даже если бы и к жене. Но нет, нет! А Гера хочет — это образец его юмора. Улыбаются Зенцовы.

Андрей даждым стиснул виски. Тебе-то какое дело до всего этого? Ведь не обрывает же Германа Петровича сама Даша, только иной раз немом прогнута у нее губы.

Ты думай, где и как нас найти. Это прямая твоя обязанность. Перед нею. И перед самим собой, своей совестью. Ведь ты не ввязался бы в этот нелепый поход, бродил бы, как обычно, здесь по тайге один, если бы не обмолвился в присутствии Геры о «свинцовом человечке», а когда Гера независимо от тебя разработал маршрут, не вырвалось бы у Дашы искреннее, светлое: «Да как же без вас, Андрей Арсентьевич?» Вот это определило твое решение. Только ты.

А что двигало Германом Петровичем? Теперь, пожалуй, ясно. Возможность совместить приятную прогулку с мельчайшим вкладом в науку. И Даша, Тайга-матушка ведь все позволяет. А станет ли Даша, как убеждены Зенцовы, и в самом деле его женой? По служебному положению она, в сущности, секретарь-машинистка, хотя и числится младшим научным сотрудником в его лаборатории, а Герман Петрович был женат уже дважды. На очень молодых: Искра себе солидные связи. И находил. Иначе он вряд ли бы поднялся до заведования лабораторией. В этом смысле Даша не станет для него очередной ступенькой к возвышению. Тогда почему же?

А что двигало Зенцовыми? Конечно, пресыщенность комфортом в поездках по зарубежным странам. Желание по-настоящему испытать экзотику тяжелого похода. Чтобы и за границей было потом чем похвастаться. Все-таки личные ощущения, переживания — их никакой выдумкой не заменить. А годы и здоровье не только позволяют им, но даже требуют встать. К тому же поиски «свинцового человечка»... Зенцовы этими поисками просто-таки вдохновлены. Без каких-либо практических выгод. Только для придания сочного колорита будущим описаниям своих скитаний по тайге. И внутренне довольны тем, что Даша потерпела, — ведь это очень экзотично. Тем более, что Гера убедил их: найдется, нигде не денется.

И вот Герман Петрович, супруги Зенцовы спокойно спят в своей палатке под шум дождя. Он, Андрей Путинцев, места себе не находит, проклиная томительно льющуюся ночь. А Даша в отчаянии и страхе где-то ждет помощи. Она так боится в тайге темноты...

II

Из типового госпиталя Андрей выписался только в конце мая. В его военном билете значилась отметка: вовсе снят с учета. И указано, по какой статье расписания болезней. Он стал, как называется, «белобилетником», не закончив своей войны — добровольного стремления на фронт.

ОТ РЕДАКЦИИ: в №№ 13 и 14 за 1978 год журнал «Огонек» уже публиковал заключи-

тельные главы первой части романа под общим заглавием «Не торопись, Андрей». И поэтому, не повторяя их целиком, напоминаем читателям краткое содержание.

Андрей в разведке получил тяжелое ранение. Пуля, расцелившись от удара о ствол винтовки, рикошетом вошла в грудную клетку в опасной близости от сердца. Операция была сложной, рискованной, и хирурги предпочли оставить пулю пока на месте. Андрея демобилизовали. Он едет в родные края, но не в Чаусинск, где, конечно же, ему не избежать встречи с Ольгой. А видеть ее после гибели брата Андрей не хочет. И не может.

Андрей останавливается в областном городе Светлогорске. Здесь он подружился с первым секретарем горкома комсомола Алексеем Себеляниковым, и тот вместе с женой Ириной помогает ему устроиться на работу учителем рисования. Себеляников в восторге от необыкновенного дарования Андрея, но никак не может понять, почему тот сам не ценит этого, не придает своему таланту никакого значения.

Приезжала в гости к Андрею из Чаусинска мать, убеждала вернуться в свой домик. Он решительно отказался. «Почему?» — растерянно спросила мать. И Андрею пришлось во всем, что связано было с Ольгой, открыться. Мать с трудом перенесла неожиданный для нее удар — ей Ольга виделась невестой сына. Самой лучшей...

А разрушенная Ольгой вера в чистую девичью любовь была подвержена еще одному тяжелому испытанию.

В военном госпитале за ним с особой заботой и лаской ухаживала молоденькая медсестра Женя Рыбакова. Андрею все это казалось фантастикой. Даже записная книжка в очень дорогом переплете, которую Женя подарила ему на память. И ее поцелуй, горячий, отчаянный, когда они прощались в пустом коридоре. Вспоминалась Ольга с таким же обжигающим поцелуем. Вспоминались и развязные разговоры товарищей по больничной палате о поведении Жени. С особой хвастливостью старался рассказывать о ней разные небылицы Владимир Дудко, сам по себе парень далеко не плохой.

И все же что-то потаенное заставило Андрея сберечь подарок Жени, заставило и после долгих колебаний написать ей письмо. Просто так, совсем ни о чем, но в неосознанной надежде получить ответ.

Один из летних дней он провел в горах над рекой, делая любимые им зарисовки окружающей живой природы.

Поблизости сердце, и Андрей не смог завершить задуманную работу.

Последняя глава первой части романа заканчивалась так:

Все тем же мерным, спокойным шагом, вступив на окраин города, Андрей сделал большой крюк, чтобы заглянуть на почту. Он не смог сдержать улыбки, когда в окошке «До востребования» дежурная операционистка подала ему сразу два письма. Однако улыбка тут же сбежала с лица Андрея, уступив место горькой складке разочарования. На одном письме, его собственном, посланном Жене, была прикреплена казенная наклейка с почтовымштемпелем: «Адресат выбыл». А другое письмо оказалось от Владимира Дудко, откуда-то из Курской области. Вот именно самое долгожданное!

Андрей подошел к мусорной урне, задержавшись коротким взглядом на испачканной желтым клеем бумажке «Адресат выбыл», на мелкие части разорвал пилы и бросил в темную глубину железной чаши. Тугой конверт скрипнул под пальцами Андрея, когда он четвергал его; и ему показалось, что это вскрикнула Женя. А может быть, просто в тот миг перед его глазами мелькнули выписанные им самим на конверте слова: «Евгений Никонов Рыбаковой». Так или иначе, а Жени, Женечки, Евгении Никоновны теперь больше нет. И пусть уже только совесть решает, в чем пород нею был он не прав.

Что ж, и письмо Владимира Дудко, не читая, можно спустить в ту же урну. В нем, по обыкновению, живописно расцвечен какой-нибудь соленый анекдот. А сегодня, именно в эту минуту, читать такое противно. Сейчас он словно присутствует на похоронах Жени. Но все же Дудко — его товарищ по госпиталю, как меж

собой они говорили, по крови. И Андрей сунул его письмо в карман. Потом прочтется когда-нибудь.

Под этим скорбно-траурным настроением Андрей ходил несколько дней. Являлся к себе в общежитие, когда все уже спали, и поднимался утром, уходил чуть свет. Ему не хотелось ни с кем разговаривать. А себя мысленно спрашивал: «Ну и что же, что «адресат выбыл»? Какого это для тебя имеет значение? Почти вслух отвечал: «Решительно никакого». А в самой глубине души некий голос тихо подталкивал: «Ты в чем-то ошибся, Андрей».

Он брался за перо и бездумно чертил на бумаге пихтовые лапки, длинные плети толочняки, усеянные ягодами, камышовые заросли с притаившимися среди них полураскрытыми кушачками. Все безжизненное, неподвижное. И в совсем уже беспорядочном нагромождении каких-то непонятных линий вдруг обнаружил профиль Женечки. Как бы с вызовом самому себе ему захотелось теперь нарисовать ее лицо.

Нет, ничего не получилось. Память странно сохранила только ее глаза. А когда он их выписал с той тщательностью, с какой вообще делал свои рисунки, он испугался. Это были именно ее глаза. Но неподвижные, мертвые. Андрей суверенно перевернул лист бумаги изобразительным вни.

— Довольно! — громко сказал он. — Пойду сегодня в гости к Седельниковым слушать новые пластинки, слушать Ирину-Соловья!

И вспомнил о письме Дудко. Вот тоже кстати почитать его веселую болтовню. Андрей распечатал конверт.

«Здравствуй, дружок Андрей! — так начиналось письмо. — Конечно, я свинья, что не откликнулся сразу тебе, еще из госпиталя, ну а потом было некогда, устраивался на новом месте. То да се. Я-то себе сразу хорошую работу нашел, а подруга жизни моей, известная тебе Женя, пока только в ночных дежурствах, адобовок при невротиках. Ты понимаешь, ночью-то нам с ней совсем дела другого дела нужна. Женя у меня бабенка...»

И дальше шли такие слова, с такой развязной откровенностью, что Андрей безразлично швырнул на землю письмо и стал топтать его ногами.

Засмеялся. Чужим, холодным, злым смехом. Оказывается, в жизни все вот как просто. А он терзал себя сомнениями: правду ли тогда, в госпитале, рассказывал Дудко? Он сотни раз спрашивал свой внутренний голос — голос совести, что означала слезы Жени, ее тревожный поцелуй и драгоценный подарок. А это все ровным счетом ничего не означало. Или означало, что «она бабенка...», как всегда о ней трепался Дудко.

А сам на ней женился. И она пожелала стать его женой. Зная ли, как и теперь отзывалась о ней Дудко?

Так или иначе, прекрасная получилась парочка. Как говорят в народе, совет им да любви!

Вот именно это и есть та любовь, о которой песни поются, и книги пишутся, и одно поколение другому передает красивые живые сказки. Он-то думал: Ольга выглядела любовью, в которую он тогда еще верил. А жень было нечего. И даже это «нечего» теперь дожила Евгения Никонова. Не Рыбакова уже, а Дудко.

Андрей плотно смежил веки. Это лучше, когда не видишь фальшивой красоты мира.

Но жить ведь все-таки надо. Люди живут, работают радостно, создают новое, уходят в мечтах к прекрасному будущему, и в этом есть какой-то великий смысл. Он разгадал, что такое любовь, а жизнь им ведь еще не разгадана. Не торопись, Андрей!

Огромным напряжением воли он открыл глаза, ощутив, что веки словно бы налились свинцом. Свинцовым стало и все лицо. Насильно заставил себя засмеяться. Но смех теперь не получился, губы у него даже не дрогнули.

И протестующе возникшая мысль, что, может быть, Женя с отчаяния, как в воду бросаются от несчастной любви, отвергнута им же, Андреем, вышла замуж за Владимира Дудко, — эта мысль только скользнула в измученном мозгу и не оставила никакого следа.

Продолжение следует.

Наверное, у каждого писателя, о чем бы он ни писал, есть своя заветная тема. К ней он, случается, идет всю жизнь или, найдя ее еще на пороге литературной судьбы, проносит сквозь десятилетия... Найти в начале творческого пути свою тему и сохранить верность ей — большое счастье для художника.

Выбор Георгия Мдивани был подсказан временем, тревожными и героическими ритмами эпохи, озаренной огнями первых плакатов Страны Советов, зловещими отблесками факельных шествий, костров, где горели книги на площадях германских городов, кровавым заревом гражданской войны в Испании...

Нашумевший в 30-е годы пьесой «Альказар», посвященной испанским коммунистам-патриотам, которые первыми подняли знамя борьбы с фашизмом, Георгий Мдивани вступил в литературу, навсегда связав себя с драматургией боевой, наступательной... Революция продолжалась: шло единоборство добра и зла; сама История стояла за плечами участников и очевидцев тех незабываемых событий.

Художественное осмысление революционного процесса, защита сил разума и прогресса становятся основным содержанием произведений драматурга, которые Г. Мдивани создает с присущим ему общественным темпераментом бойца и гражданина.

Произведения Мдивани всегда несли высокий жизнетверждающий пафос, раскрывали величие человеческого духа, находили ответный отклик в сердцах зрителей. В тяжкие годы войны фильмом по сценариям Г. Мдивани и его пьесы «Небо Москвы» наряду с другими произведениями советского искусства придавали людям силы, поднимали боевой дух. В художественной киноленте подвига советского солдата свое достойное место заняли «Рядовой Александр Матросов», «Батальон идет на Запад»,

ХУДОЖНИК ИЗ АШХАБАДА

К 4-й странице обложки

В Туркменинии всегда любуются ювелирными украшениями женщин. Среди кулонов и брошей, браслетов, серег, колец, ожерелий двух похожих не найдешь. Чувствуется, что делали их большие мастера. Они заставили расцветить металл, вплеснули в него солнечный свет, украсили карандашными орнаментами. Яркий камень сердолки зажег огнем, который никогда не погаснет и не пожелтеет. Возраст многих ювелирных изделий перешагнул века.

В районе старого Ашхабадского базара, где улицы утопают в зелени урюка, шелковицы, платанов, есть небольшой двухэтажный дом. Частенько сверху, из открытых окон несет легкий звон металла, негромкое постукивание, однотоное пение напильника. Эти звуки всегда можно услышать, когда работаешь в своей мастерской художник-прикладник Суханберды Рахманова.

Не простое это дело — заставить металл раскрыть свою красоту. Тут все зависит от вкуса художника и от мастерства. Сухан — как раз такой человек, который его покоряет.

Все у Рахманова рождается на бумаге. Карандашный рисунок становится как бы выкройкой. Хотя всякий раз по ходу работы обязательно что-то изменит. И все оттого, что на бумаге вроде выглядело неплохо, в материале потерялось, не раскрылось. Путь от рисунка до завершающего удара молотка долгий.

Сначала художник вырезает из металла форму и начинает с ней работать. Напильники, ножницы, надфиль, молотки подтачи-

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГЕОРГИЯ МДИВАНИ

ТЕМПЕРАМЕНТ БОЙЦА

«Солдат Иван Бровкин» — картины популярны, полюбовившись в народе... Иван Бровкин — правдивый и обаятельный герой — стал почти фольклорным персонажем.

Продолжая с успехом работать в театре и кинематографе, Георгий Мдивани зорко вглядывается в окружающую жизнь, отражая ее многообразие, поднимая вопросы наиболее актуальные. Он сохранил верность теме интернационализма и классовой солидарности, теме революционной борьбы. Его романтическая пьеса «День рождения Терезы», долго не сходящая со сцен театров, как и остроумно-иронический фильм «Украла консула», хорошо известны зрителю. Мдивани принес в послереволюционные годы произведения о наших современниках, составившие своеобразный цикл. В тонкой лирической ленте «Хевсурская баллада» автор рассказывает о поведении забвенных давних обычаев и традиций, веками разделявших людей, о становлении новых форм человеческого общения. Ярким врагом междоусобицы и равнодушия предстает писатель в пьесе «Твой дядя Миша». Мы видим здесь, как дороги ему люди, подобные старому чекисту Михаилу Ермакову, насколько сильно вера писателя в духовную связь поколений.

Новые общественные ситуации, новые жизненные обстоятельства, новые герои... Но по черк драматурга узнается безошибочно по непримиримой страсти убеждений. Сегодня творчество Георгия Мдивани, как и всегда, на гребне важнейших событий эпохи; он участник создания полнометражного документального фильма-диалога «Истории пяти колец», где показана более чем двухлетняя подготовка ведущих спортсменов разных континентов в Московской Олимпиаде. И сейчас, после завершения долгой, кропотливой работы над этим увлекательным фильмом, один из старейших советских драматургов полон новых замыслов, новых творческих планов.

О. ЮДИН

вают, закругляют, ровняют, шлифуют. Потом на заготовке появляются дырочки, бороздки, постепенно они соединяются с рельефами краев. Наконец, приходит очередь пильника. Тонкая проволока, которую Суханберды готовят заранее, сплетается, загибается, переплетается и крепится. Все напильное и прорезанное сливается в единый рисунок.

Теперь надо найти место, где будут гореть сердолки. Камни не сразу раскрывают свою красоту. С ними надо как следует поговорить — разрезать, отшлифовать, подобрать по цвету. И уж после этого оставить в ящике.

Кажется, вещь готова, но Сухан непременно что-то еще доделывает — подтачивает, подглаживает, переплавляет. И уже после этого несет показывать жене. Сона — тоже прикладник. Она хорошо вышивает. А в последнее время начала увлекаться работами по металлу.

Советы Сона бывают очень правильными, и Сухан с ними соглашается. Снова садится за наковальню, и звенит металл под ударом молотка.

Но чаще то, что он сделал, дома воспринимается с восторгом, без всяких замечаний. Готовая вещь откладывается на несколько дней, потом своими глазами Суханберды снова ее рассматривают. И тогда порой сразу видны какие-то промахи, и они тотчас устраняются.

На художественном совете Суханберды Рахманов показывает свои работы коллегам. Тут разговор профессиональный. Критику принимает без обиды. Ну, а когда хвалят — Сухан радуется. Значит, его труд не пропадает даром и то, что он сделал, увидят люди, ведь для них создадут свои произведения художники.

Лучшие работы ашхабадского прикладника Суханберды Рахманова экспонируются на всеюзовских выставках. Побывали они и на зарубежных: в ГДР, ЧССР, Иране, во Франции. И то, что они нашли там признание, подтверждают призы, награды, грамоты, дипломы.

И. КОНСТАНТИНОВ

По горизонтали: 1. Советский драматург. 4. Деталь фотоаппарата. 7. Круглая шапочка с узорами. 8. Поэма Т. Г. Шевченко. 9. Порт в Марокко. 11. Самое большое озеро в Центральной Америке. 12. Певчая птица. 13. Графический знак для записи музыки. 15. Часть струнного инструмента. 18. Действующее лицо оперы Ш. Ф. Гуно «Фауст». 19. Река в Якутии. 20. Устройство для автоматического вычисления летчика. 21. Прибор для поддержания постоянной температуры. 23. Жанр живописи. 25. Передняя часть площадки для театральных представлений. 26. Народная артистка СССР, выступавшая в Малом театре.

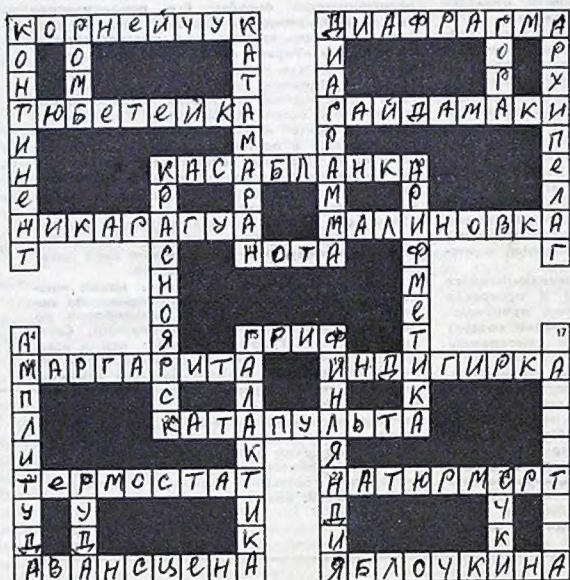
По вертикали: 1. Материк. 2. Параллелограмм с равными сторонами. 3. Судно с двумя корпусами. 4. Графическое изображение, показывающее соотношение различных величин. 5. Роман Р. Тагора. 6. Группа морских островов. 9. Краевой центр в РСФСР. 10. Часть математики. 14. Размах колебания. 15. Звездная система. 16. Европейское государство. 17. Углевод, сахар. 22. Природное минеральное образование. 24. Оптический прибор для улучшения зрения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 37

По горизонтали: 3. Баскетбол. 5. Платформа. 8. Осип. 10. Гимн. 11. Карикатур. 14. Верхоянск. 15. Сельдерей. 16. Литературоведение. 19. «Риголетто». 21. Палеонтолог. 22. Программа. 23. Милл. 25. Гама. 27. Кибальчиш. 28. Рефрактор.

По вертикали: 1. Восьмерик. 2. Альбатрос. 3. Богомолец. 4. Сени. 6. Равн. 7. Афанасев. 9. Палеонтология. 10. Гольденвейзер. 11. Контрапункт. 12. Калорифер. 13. Мелодрама. 17. Дипломник. 18. Эскалатор. 20. Одоовский. 21. Померанец. 24. Лимб. 26. Альт.

КРОССВОРД

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Комсомолки Г. Темирова и Э. Керимова работают в винсовхозе имени Ильича, Дербентского района Дагестанской АССР. (См. в номере материал «Дагестанский виноград».)

Фото А. Награляна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Суханберды Рахманов и его работы. (См. в номере материал «Художник из Ашхабада».)

Фото И. Константинова (Москва. На фотокинорис.)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патристический — 250-15-33; Наука и техника — 212-51-69; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 29.08.80. Подписано к печати 16.09.80. А 00421. Формат 70х108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,56. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2052. Заказ № 2876.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

МАСТЕР

Бесстрастный календарь уверяет, что в сентябре 1980 года Борису Ефимову исполняется 80 лет.

Утверждаю, что каждый человек, общавшийся с Борисом Ефимовичем Ефимовым по жизни, по работе, по многогранной его общественной деятельности, узнав об этом, обязательно воскликнет: «Не может быть!» Уж слишком не вяжется со всей психологической и физической природой этого поразительно динамичного человека, мыслящего ясно и точно, неистового труженика, неутомимого борца идеологического фронта наше обычное представление о людях, достигших такого почтенного возраста.

Тем не менее факт есть факт. Грибоедовская острота, что, мол, «все врут календары», в данном случае неуместна. Календарь не ошибается: знаменитому художнику-карикатуристу, академику, секретарю Союза художников СССР, члену редколлегии журнала «Крокодил», главному редактору «Антиплаката» Борису Ефимову действительно стукнуло 80 лет!..

Из этих 80 лет я знаю Бориса Ефимова и дружу с ним около полувека. Нас сблизил совместная работа в советской сатире и еще многое, о чем не скажешь в короткой журнальной заметке.

Я сразу полюбил Бориса Ефимова как художника и человека, полюбил за его талантливое язвительное остроумие, с каким художник разит своими рисунками врагов нашей Родины, за его оригинальный штрих, кажущийся таким простым и легким, за его добродушный юмор в общении с друзьями, за оптимизм и отважное жизнелюбие.

Наверное, именно оптимизм и жизнелюбие помогли Борису Ефимову не постареть сердцем, сохранить молодую хватку творческой энергии и на «сегодняшний», как говорится, «день».

Тем не менее восьмидесятилетнему человеку свойственно размышлять о прожитой жизни, когда он остается наедине с самим собой, и воспоминания о том, что было, «развиваются» перед ним «свой длинный список».

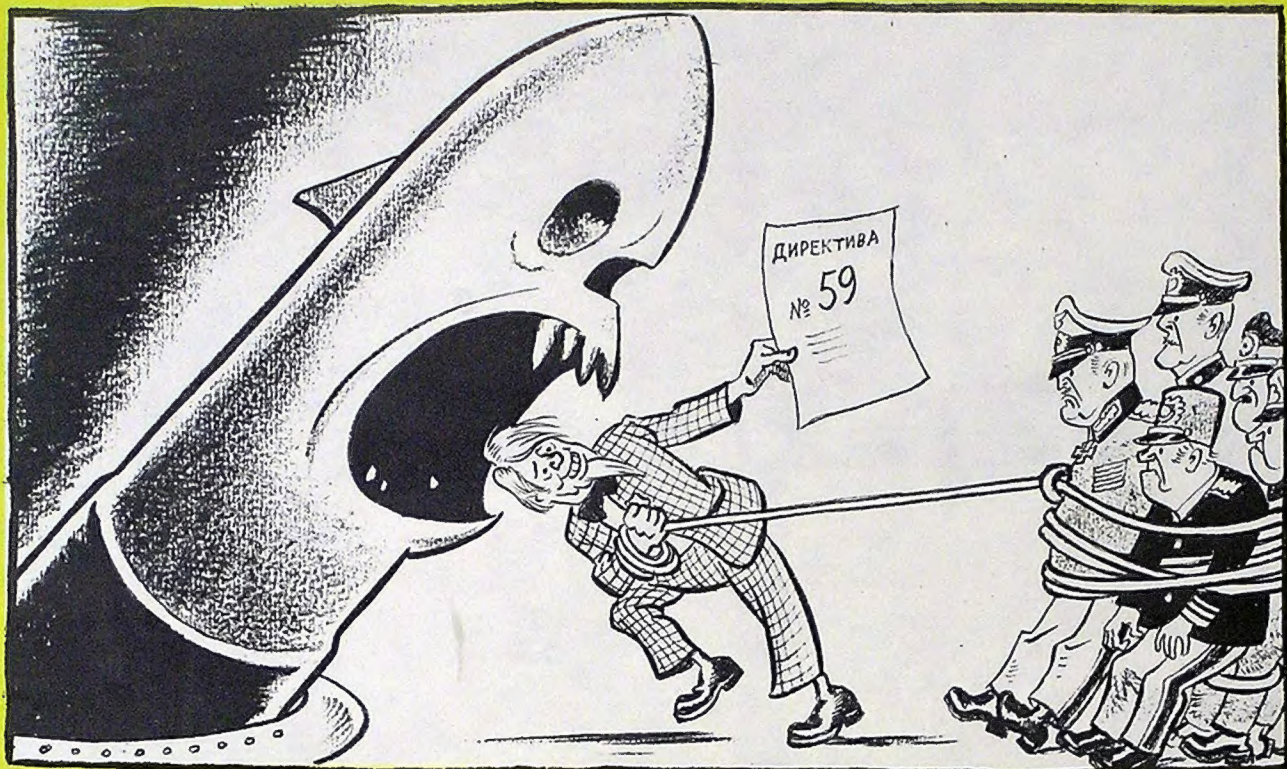
Наверное, и Борис Ефимович вспоминает иногда, присев у камелька, о том, что было. А что было? Был киевский реалист, увлекшийся рисованием дружеских шаржей и опубликовавший свой первый шарж — подумать только, на... Александра Блока! — в киевском журнале «Куранты» в 1918 году. Был переезд из Киева в Москву, когда на столичном общественно-художественном небосклоне одновременно взойшли две яркие звезды — звезда замечательного фельетониста, писателя, редактора Михаила Кольцова и его брата — художника-карикатуриста Бориса Ефимова. Была великолепная работа в «Известиях», в «Огоньке», в «Крокодиле», в других журналах, в газетах. В первом номере «Огонька», вышедшем в свет 1 апреля 1923 года, были опубликованы его иллюстрации к рассказу О'Генри. И в первом номере «Крокодила» в 1922 году тоже напечатана была карикатура Бориса Ефимова. Был успех, были и такие моменты, когда уязвленный летучей стрелой талантливого карикатуриста некий зарубежный государственный туз обращался к Советскому правительству с гневной нотой: уйдите, мол, вашего дерзкого Ефимова. Были интересные книги размышлений о графической сатире, воспоминания о встречах со знаменитыми отечественными друзьями и со знаменитыми зарубежными врагами. Было избрание в Академию художеств. Факт, примечательный хотя бы по одному тому, что академик Б. Е. Ефимов не обладает художественным — ни высшим, ни средним — образованием. Он то, что раньше называлось самоучка.

Да, есть о чем поразмыслить в юбилейные дни моему восьмидесятилетнему другу: у него все было в жизни — и хорошее и плохое! Но долго засиживаться у камелька ему нельзя. Завонит телефон, и кто-то неотразимо-сладким, ласковым голосом скажет:

— Борис Ефимович, а вы не забыли, что мы завтра ждем ваш рисунок?

Какой там камелек, какие воспоминания! Художник берет в руки свой быстрый карандаш и принимается за работу. В назначенный час точно рисунок Бориса Ефимова ляжет на редакционный стол. Он — мастер!

Леонид ЛЕНЧ

— Поближе, не бойтесь! Это ручная, безопасная, удобная, ограниченная ядерная война!

После референдума в Чили.

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Дальневосточный тройственный флирт.

